

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА». МОСКВА

№ 10 МАРТ 1988

СЛОВО
О «ТИХОЙ ЖИВОПИСИ»

СЕКРЕТЫ
КРАСОТЫ

У ИСТОКОВ
РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ

С ПРАЗДНИКОМ,
ДОРОГИЕ
ЖЕНЩИНЫ!

8/2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 10 (3163)

5—12 МАРТА

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

Н. А. ЗЛОБИН,

С. С. ЛЕСНЕВСКИЙ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Учитель математики московской школы № 1283 Татьяна Юрьевна Колос. (См. в номере материал «Старая новая школа».)

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 15.02.88. Подписано к печати 01.03.88. А 00307. Формат 70 x 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 1951.

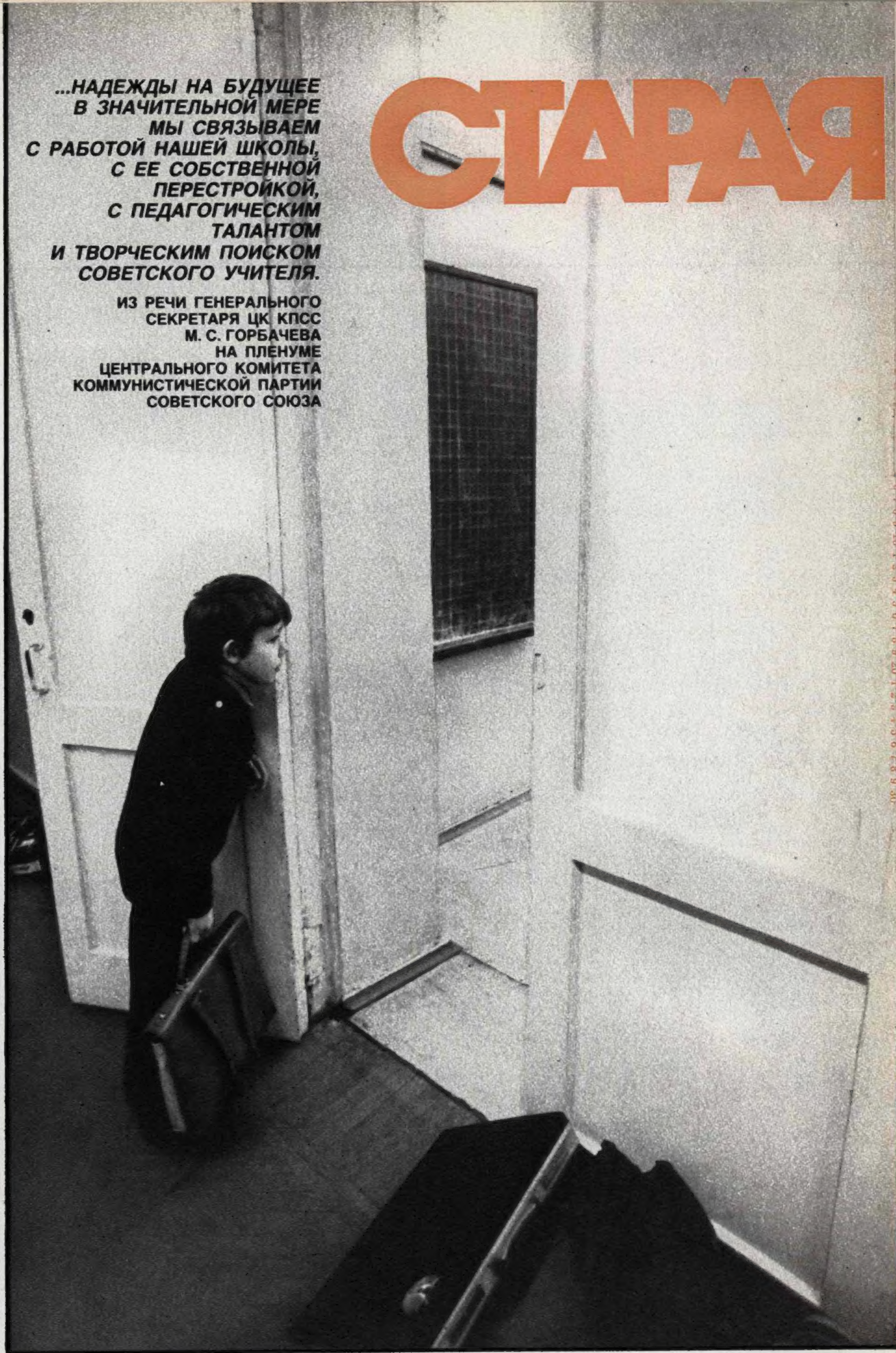
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

**...НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ
В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЕ
МЫ СВЯЗЫВАЕМ
С РАБОТОЙ НАШЕЙ ШКОЛЫ,
С ЕЕ СОБСТВЕННОЙ
ПЕРЕСТРОЙКОЙ,
С ПЕДАГОГИЧЕСКИМ
ТАЛАНТОМ
И ТВОРЧЕСКИМ ПОИСКОМ
СОВЕТСКОГО УЧИТЕЛЯ.**

ИЗ РЕЧИ ГЕНЕРАЛЬНОГО
СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС
М. С. ГОРБАЧЕВА
НА ПЛЕНУМЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СТАРАЯ

Борис АСИН

Фото
Игоря ГАВРИЛОВА

Почти у каждого был в школе учитель-идеал, пример для подражания во всем, от жеста до интонации.

Был такой учитель и у девочки Тани Колос.

— Но я не знала, конечно, «кухни» нашей профессии, — говорит Татьяна Юрьевна теперь, пятнадцать лет спустя. — Чем только не приходится заниматься учителю! Ну, скажем, рисовать различные таблицы, готовить наглядные пособия, которые, по идее, должны быть под рукой постоянно и в любых нужных количествах. Но их нет. Или мало. Или не те.

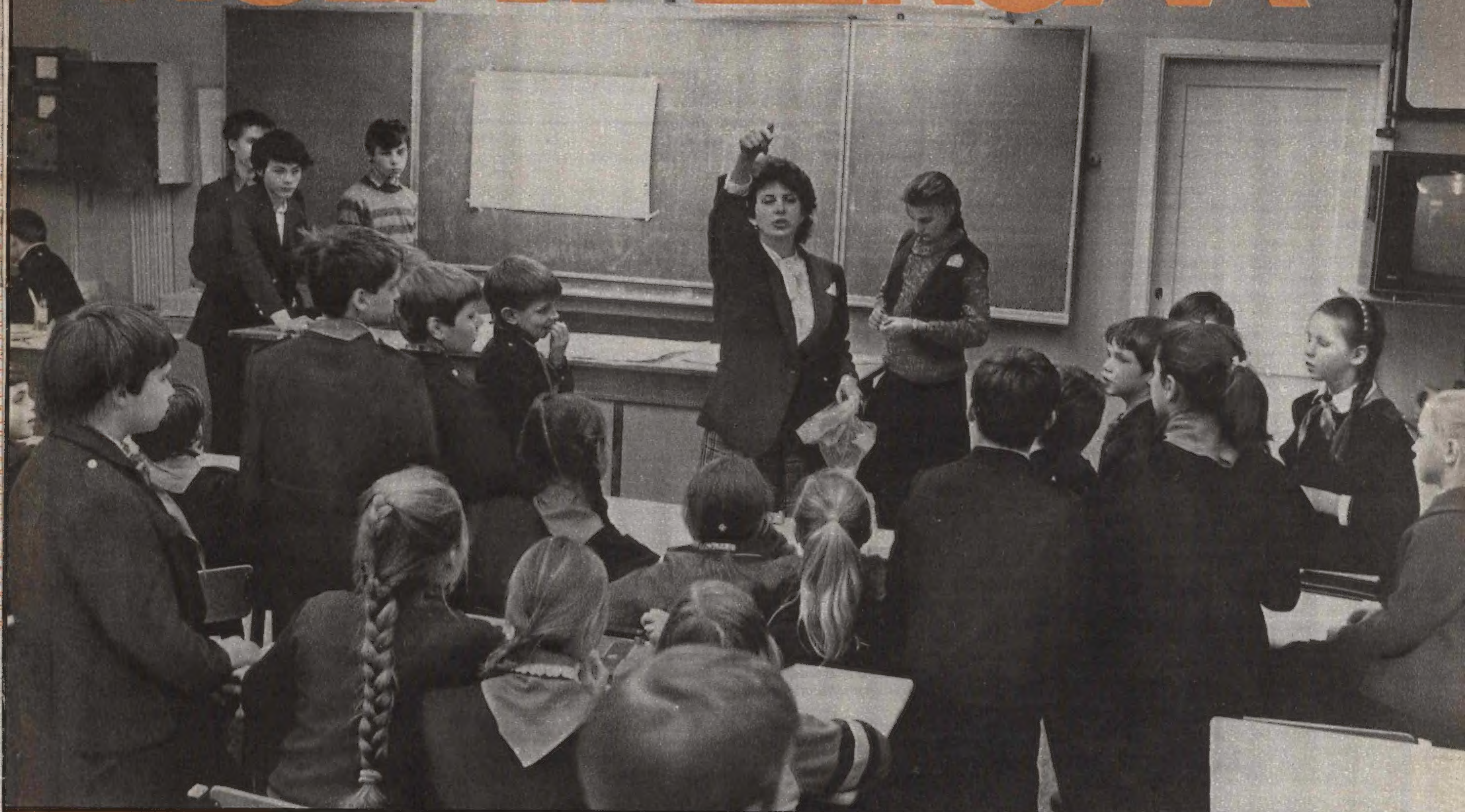
Раз, два, три — закрыли глаза, представили себе учителя! Так: доска, руки измазаны мелом, строгая внешность

(серая кофточка, рубашка с галстуком), дети, садитесь, кто отсутствует на уроке, прошу не забывать, что с этой недели начинается дежурство по школе...

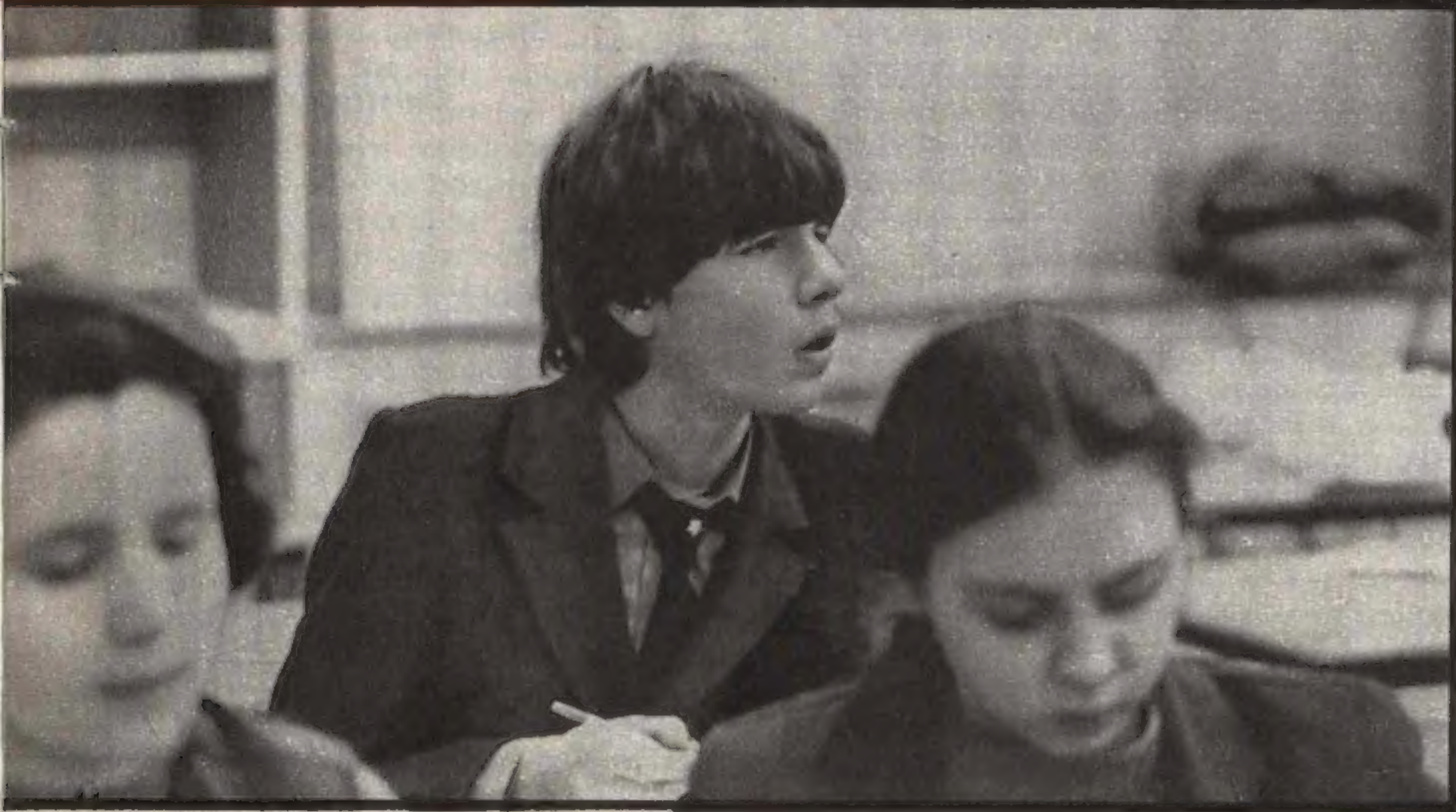
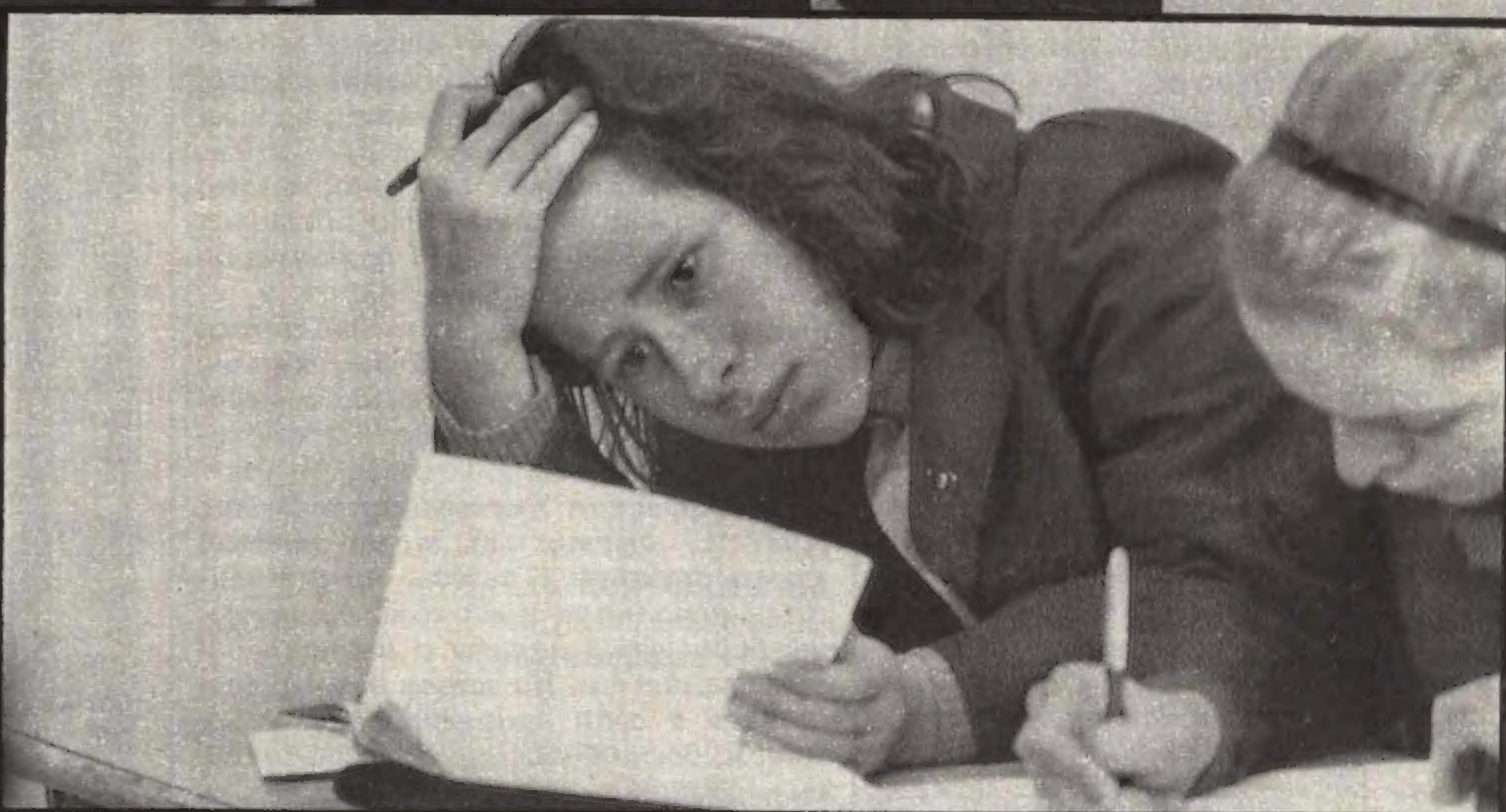
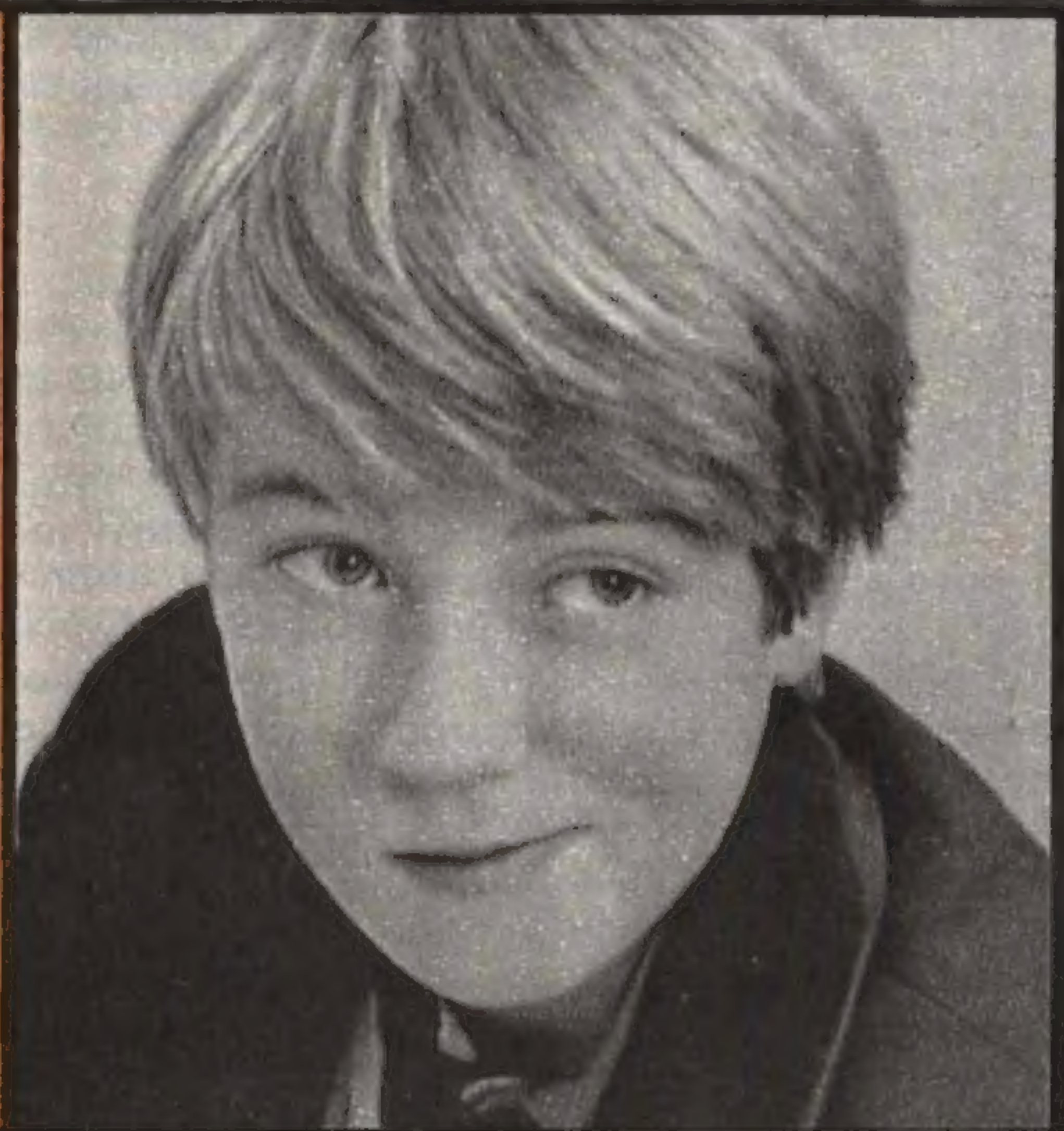
Почему в этом собирательном портрете, созданном нашей памятью, сразу проступают и усталость от загруженности, и скованность, зажатость в тесные рамки школьного уклада, и раздражительность от вечной спешки, а может быть, от чего-то еще — от бессилия, неумения сделать урок праздником?..

Почему учитель вынужден заниматься тысячей нетворческих мелочей (и уныло слушать на каждом педсовете, по радио, в кино и театре, что его профессия тысячу раз творческая)? Почему он не волен сам выбирать место для урока, его форму?

НОВАЯ ШКОЛА

КАКИМИ
СТАНУТ ОНИ,
КОГДА ПОКИНУТ
ЭТИ ШУМНЫЕ,
ПРОСТОРНЫЕ
КЛАССЫ,
ГДЕ ИХ
УЧИЛИ
МЫСЛИТЬ,
СПОРИТЬ,
УБЕЖДАТЬ?..

Два вопроса завязаны в хитрый узел: пока учителя продолжают готовить мероприятия по придуманной анонимным Песталоцци «примерной программе воспитания», писать бумажки «к концу дня» по команде сверху — «серый» учитель будет по-прежнему на каждом шагу, каждую секунду терять свою учительскую индивидуальность.

Хуже того — от него по-прежнему будут исходить нервные «флюиды», очень тяжелые для детской души. Это в лучшем случае. А в худшем — просто окрик, просто нажим.

...Давно заметил: у учителей трудно брать интервью, они привыкли почему-то рассказывать о своей жизни в привычно бодрой гамме. С корреспондентом, не замечая разницы, говорят примерно как с ребенком.

Привык к этому, и вдруг удивился — Татьяна говорила не так. Удивительно похожая на тысячи своих коллег, даже типичная, она неуловимо выделяется спокойным состоянием духа, каким-то неторопливым и плавным внутренним ритмом. Может, так показалось, не знаю, — виделась в школьном «окне» всего час, в переходе от одного до другого пункта длинного учительского дня.

Но это уже лирика, неуместная на школьной «кухне». А кухня такова.

Когда-то у этой школы был много говорящий москвичу двузначный номер — пятьдесят третья специальная.

Окончание
на стр. 29.

Сейчас, казалось бы, всем ясно, что городам надо вернуть их исторические названия, что эти названия являются реликвиями не менее ценными, чем знаменитые картины, иконы, архитектурные памятники, что они составляют великую ценность народа, и не только нашего.

Разве мы остались бы равнодушными, если бы итальянцы переименовали город Рим, а французы — Париж, назвав его, к примеру, Помпиду? Разве не было бы это смешно и грустно одновременно?

Мне кажется, что на пути лежит последнее препятствие: восстановление названий городов стоит немалых расходов. Но нам ли этого бояться? По такому важному поводу мог бы состояться субботник, действительно добровольный и многочисленный. Субботник в честь возвращения многим городам их исконных названий! И пока мы его не отработаем, нас будет сжигать стыд перед нашими потомками, перед памятью тех, кому мы уготовили «славу Геростратов».

А. В. БУЖИНСКИЙ
Белгород

Оставим в покое взаимные претензии семьи и школы, благо цель у нас одна: воспитание подрастающего поколения. Вот простое сравнение. Рабочая неделя для взрослого человека — 42 часа. Ученик начальной школы, имеющий ежедневно 4 урока, 24 часа в школе, плюс как минимум 1 час дома, итого — 30 часов. Старшие ребята — по 6 уроков ежедневно, дома — даже по нормам — 3—4 часа плюс производительный труд (3 часа в неделю), итого — по самым скромным подсчетам — 57 рабочих часов. Каково нашим детям?

А если учитель еще добросовестно старается сделать урок насыщенным, причем каждый урок? Мы гоним программу в страшном темпе. С пятого класса нормальный родитель со средним образованием уже не может помочь ребенку по математике. А ведь, по логике, каждому взрослому это должно быть по плечу.

Программа по любому школьному предмету должна быть простой и ясной, как все гениальное. Ведь это для детей! Очень часто думаешь, читая школьные учебники, что писал это взрослый человек лично для себя по принципу «что еще я должен знать». При этом напрочь забывается, что ребенок-то вообще еще ничего не знает. Но создается впечатление, что программа по большинству предметов создается не для того, чтобы человек уверовал в свои силы и захотел узнать еще больше, а чтобы почувствовал себя полным ничтожеством, неспособным усвоить самого «элементарного». Этим да еще непозволительными перегрузками можно объяснить тот факт, что к седьмому классу

даже у толковых ребят резко падает интерес к учебе.

Тем, кому мой тон покажется чересчур мрачным: возьмите учебники хотя бы восьмого класса и приходите в обычную среднюю школу в роли ученика этак на месяц. Потом поговорим. А пока считаю совершенно необходимым участие в разработке школьных программ лучших медиков, лучших психологов и всего учительского мира, чтобы, по выражению великого Достоевского, «не плакало больше дитя».

Т. Ф. МАЗАН,
учитель средней школы № 5
Невель Псковской области

В центре нашего поселка Ашукино расположен старый парк. Из этого парка уходили на фронты Великой Отечественной войны наши деды, отцы и братья. Многие из них не вернулись. И как память о них остались деревья в парке, посаженные их руками.

В самые лютые военные зимы никто не тронул здесь ни одного дерева. Сейчас рядом с парком расположены ашукинский детский сад и больница. Парк является для них своеобразным цехом здоровья, а для остальных жителей поселка — местом отдыха, местом детских игр, местом встреч влюбленных, местом памяти.

Почти год назад мы узнали, что парк решили отдать Министерству финансов РСФСР под строительство детского комбината.

Мы не против строительства этого комбината, но почему именно на территории парка, когда в окрестностях есть много других подходящих мест?

Октябрьская сессия поссовета (1987 г.) выступила тоже против этого решения. Трижды представители исполкома и горкома вынуждены были соглашаться с мнением общественности. Но затем они возвращались в свои кабинеты и с упорством, достойным лучшего применения, продолжали настаивать на прежнем своем кулуарном решении. С острой критикой таких действий местных властей выступил Журнал «Советы народных депутатов» (№ 7, 1987 г.) и Центральное телевидение.

Мы считаем, что действия местных властей противоречат постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР об охране природы.

Убедительно просим вас помочь нам в нашей нелегкой борьбе по защите памятника природы и истории, каковым и является для нас, ашукинцев, наш парк.

Л. Е. ФОМИН,
председатель общественного
комитета по защите рощи,
Ю. И. ЖУРАВЛЕВ,
М. М. ИВАНОВА,
Н. Н. ШЕВЦОВА
и еще 103 подписи
Пушкинский район
Московской области

У нас все никак не пройдет хмель эйфории по поводу гласности. Ах, как славно, что можно говорить то, что думаешь! Конечно, привыкнуть трудно: столько лет рот был прикрыт, и приходилось наблюдать, как наглость лезет вверх. Но не пора ли и честь знать, не засиделись ли мы на этой эйфорической ступеньке? Надо поднимать планку выше. Гласность не должна быть нормирована интересами каких-либо общественных групп, она должна стать настоящим институтом демократии и гарантом перестройки.

Многочисленно сказано: наше мышление, сформированное на догматических схемах, не имеет опыта идейной борьбы в условиях демократии. Значит, этому нужно учиться. Диалог, мыслительная полифония, культура мышления — вот что нам нужно. И еще нужно открыть форточку не только в страшные 30-е, но и в удручающие 70-е годы.

Н. К. КОЗЫРЕВ
Красный Луч
Ворошиловградской области

Читаешь в газете про русскую моду, которая расцветает на берегах Сены в Париже, и думаешь: а кто же подумает о том, как красиво и дешево одеть советскую женщину-труженицу? Конечно, В. Зайцеву, одаренному модельеру, хвала за то, что завоевал такое признание своих моделей во Франции. Но при этом он же говорит, что эти модели он выставляет для продажи в нашей стране. Скорее всего он имеет в виду Москву, но, может быть, и Ленинград. Стоимость платья — 150—200 рублей. Может ли купить себе платье модели Зайцева простая молодая женщина по профессии маляр, бухгалтер, учительница, у которых зарплата порой меньше стоимости такого наряда?

А если посмотреть на проблему с другой стороны, то ни одна женщина в любом городе нашей страны вам не скажет, что у нас продаются красивые и не очень дорогие платья. В магазинах, даже в столичных универмагах, от продаваемых моделей только одно глубокое разочарование. А Зайцев всего один. Он то разрабатывает модели для артисток, то для показа парижанкам. А где его внимание к нашим простым женщинам? Они бы тоже не постыдились на аплодисменты, может быть, даже более жаркие, чем во Франции. Да, ему аплодировал Париж. А вот кому и когда будем аплодировать мы?

Р. И. СЛИЖИКОВА
Алма-Ата

Я работаю в одной из наименее развитых стран Ближнего Востока, где не устаю удивляться изобилию

детских товаров, которые можно купить во всех магазинах и лавках. В основном все ввозится из-за границы как первоочередной импорт. Есть и другой путь: можно предложить заинтересованным ведомствам, ответственным за производство товаров для детей, создать необходимое количество совместных предприятий с иностранными фирмами Финляндии, Австрии, Японии, США. Часть производимых товаров может пойти на экспорт, а основная доля — на удовлетворение наших внутренних потребностей. Следует подумать и о создании всесоюзного хозрасчетного внешнеторгового производственного объединения по примеру «Микрохирургии глаза» и поставить во главе него такого же энтузиаста, как тов. Федоров. Цель: насытить советский рынок столь жизненно важными товарами. Если решение этой проблемы внести на рассмотрение соответствующей комиссии Верховного Совета СССР, уверен, идея найдет поддержку.

Л. М. ЛИНЧИК,
зам. торгпреда СССР в ИАР

Прошло вот уже более пяти лет, как я бросил пить. До этого я пил почти каждый день что придется, пробовал даже курить анашу. Что же меня спасло? Наверное, удивительное, спасло меня полубившееся занятие — резьба по дереву, захватившая меня целиком. В 28 лет я с головой ушел в это занятие, а до этого была в душе пустота и никакой материальной достаток не спасал меня. Моя точка зрения такова: спасти от пьянства может только собственная воля и любимое дело. Поэтому надо больше уделять внимания организации досуга, особенно в селе, ведь ни для кого не секрет, что именно там чаще всего развито самогонное вино. Думаю, что популяризация народного творчества, мира увлечений отвратит многих от спиртного и вернет их в народное хозяйство.

Владимир КОЛОГРИВОВ
раб. пос. Тарханы
Саратовской области

У нас в Ставрополе хлеб подорожал буквально за несколько месяцев: сначала довели цену до 24 копеек за килограмм, затем сделали булку круглой и оценили в 30 копеек, а с нового года — в 36. Написали в магазине красочный плакат, назвав хлеб с новой ценой «Новинкой». Хлеб — продукт первой необходимости, к тому же выбор его небольшой, да и качество не ахти какое. Ни постановления, ни разъяснения не дали, а цена в целом поднялась на 80 процентов.

В. КАЗАКОВ
Ставрополь

В последние годы в кооперативной торговле широко применяется реализация дефицитных товаров в обмен на закупки сельскохозяйственных продуктов, например, шерсти, мяса, топленого масла и т.д. Не мне судить о полезности этого дела. Но вижу, что сделки купли-продажи порой принимают уродливую форму.

Я не однажды наблюдал такие сценки. Покупателю нужны покрышки к легковому автомобилю. В свободной торговле их нет, а в кооперативном магазине они есть, но за каждую покрышку требуется сдать 18 килограммов топленого масла. Это за одну, а если нужно четыре, сами понимаете. Ну, да не об этом речь. Естественно, что у владельца «Жигулей» такого количества масла нет, и до рынка далеко. Тогда с обоюдного согласия продавца и покупателя второй покупает условно у первого 18 килограммов масла по 7 рублей за килограмм и условно сдает его на заготовительный пункт коопторга по 6 рублей, получает справку за якобы сданное количество и приобретает желанную покрышку. Переплатив при этом «все-го лишь» 18 рублей. Затем заготовители «сдают» это масло в магазин. Оно как бы возвращается на свое законное место. При этом неважно, есть в магазине масло, нет ли его, по документам все чисто. Не подкупаешься. Фокусы? Да, только совсем небезобидные, как может показаться на первый взгляд.

Реализовал, допустим, магазин 10—12 таких покрышек, по отчетам получается, что населению продано 2 центнера топленого масла. А где оно? Такие же махинации делаются и с мясом, и с медом. И если такое положение во многих магазинах, то можете себе представить, сколько тонн первой классной продовольственной продукции в виде цифр идут в отчеты, где-то анализируются и обобщаются.

Если широко применять этот метод, нам не стоит больших усилий решить Продовольственную программу. На бумаге, конечно. И главное, все в выигрыше, за исключением потребителя. Насколько я понимаю, кооперативная торговля должна реализовывать продукты, закупаемые у населения или выработанные на подведомственных предприятиях. И при чем тут торговля дефицитными товарами?

Л. Т. МАКАРОВ

д. Шмыки Суюмсинского района
Удмуртской АССР

Мы много говорим и пишем о том, что в наше рациональное время люди все больше и больше обособляются, что необходимо принимать срочные меры, чтобы одиноких становилось как можно меньше. Создаем всевозможные клубы и кружки для общения. И в то же время во имя интересов одного ведомства — Министерства связи СССР — не боимся пойти на огромные социальные издержки. Или просто неспособны в полной мере предвидеть возможные негативные последствия «телефонных счетчиков»? Да, Министерство связи в очередной раз улучшит свои финансовые дела, ну, а обществу в целом какая польза, если люди перестанут практически пользоваться домашними телефонами, а свои личные разговоры перенесут на рабочее время? Или ограничат свою потребность в телефоне только вызовом «скорой помощи» и телефонными разговорами с близкими и друзьями? Что-то не вяжется это с заботой о человеческом факторе.

Министр связи БССР в одном из телевизионных интервью с возмущением рассказывал, что вот-де какие

люди неосознательные, по телефону задачки решают и даже музыку слушают... Не думаю, что число телефонных меломанов столь велико, что наказывать следует все население.

Я прекрасно понимаю, что современные АТС недешевы, что затраты растут. Но правильно ли видеть лишь один способ решения всех проблем — за счет потребителя? Результаты ведь ничтожны. Вот пример. И до введения нового повышенного тарифа на телеграф, и после него у нас в Минске телеграммы зачитывают по телефону. Такая вот тайна переписки! Лично я своим знакомым телеграммы посылать перестала.

Не подумайте, что я яростная противница всяческих реформ и перемен. Это не так. Я пойму и приму, если по счетчику станут учитывать расходование газа или воды. Такой газовый или водяной счетчик действительно заставит быть бережливей. Но при нынешнем дефиците общения телефонный счетчик — вещь безнравственная.

Во многих из нас укоренился «внутренний цензор», не хватало еще и «внутренним счетчиком» обзавестись.

В. Г. ТРИЗНО
Минск

Так много художественных и документальных фильмов, газетных статей и рассказов о разбазаривании, спекуляции и провозе через границу произведений искусства, наших реликвий и сокровищ. Так много писано о новых поступлениях в Эрмитаж. И так мало информации о разбазаривании национальных богатств, распродаже и исчезновении картин и сокровищ из Эрмитажа, которые были в тридцатые годы, после войны, продолжают и сейчас!

Или «то, что позволено Юпитеру...», или все еще «табу»?

В самом деле: куда делись рыцари из огромного Георгиевского зала, заполнявшие весь его периметр и всю его середину? Это было богатейшее из собраний Европы. Но юные эрмитажницы-экскурсоводы говорят: не было этого, или предлагают пройти в другой зал и посмотреть на жалкие остатки огромной коллекции.

А где большая «Сусанна» Рубенса? «А вот», — говорят и показывают малую. А ведь это была одна из самых сильных композиций художника.

Где «Портрет дочери» Греза, висевший в торце французской галереи до и после блокады?

Где «Святая Цецилия» (голубая) из большого испанского зала?

Где Перуджино? Где «Венера с зеркалом» Тициана? Где «Мадонна Альба» и «Св. Георгий» Рафаэля? Где «Вельможа», «Дама», «Старик» и другие полотна Рембрандта, ранее украшавшие стены Эрмитажа?

Или все это под замком? Или...

Если всего этого не вернуть, то, может быть, издательства «Искусство» или «Аврора» издадут прощальные альбомы-монографии цветных репродукций этих уникальных картин?

И еще. Когда же наконец освободят здание, стоящее у Эрмитажа и соединенное с ним знаменитым мостиком через Зимнюю канавку и непосредственно примыкающее к Эрмитажному театру, и такое удобное для размещения в нем бесценных фондов музея? Неужели эти сокровища так и будут томиться в подвалах десятилетиями, и мы не доживем до праздника, не увидим их никогда?

Г. П. МОРОЗОВ,
архитектор, лауреат
Государственной премии СССР
Ленинград

Прочитал статью об «узбекистанских делах», и комок в горле застрял. Я во что-то верил, вступал в пионеры, в комсомол, участвовал в выпусках «Комсомольского проектора». Изюм всех старался изжить «комплекс раба». А в это время человеческое достоинство продавали, продавали рядом, в братском Узбекистане. Вам, может быть, трудно понять, но я, выросший в Казахстане, по культурному складу — азиат, домбру чувствую острее, чем гусли. И вдруг это!

Я никогда не носил розовых очков, в качестве рабочего горзеленострой бывал за оградой «малых гостиниц» для элиты прошлых лет. От сына одного из ныне снятых руководителей узнал подробности «королевской охоты» на сайгу Д. А. Кунаева, видел и многое другое. Но всегда верил в избранность советского народа, в то, что негативное в нашей жизни — это болезни роста, детские болезни. Но то, что творилось в Узбекистане, можно назвать только так: враг у власти. И этого нечеловека нельзя четвертовать, его нельзя посадить в клетку и возить по городам и селам — наши законы не позволяют. Но показать его надо. Со страниц газет и журналов. Пусть народ знает своего врага в лицо.

А. СТЕПАНЕНКО
Целиноград

Публикация в «Огоньке» (№ 51 за 1987 г.) очерка «404 дня» — реальный вклад в дело перестройки. Хотя бы уже потому, что вернулась к активной деятельности грамотный специалист Лидия Ивановна Леонова.

Я много лет работала рядом с ней, была свидетелем по ее «делу». И, наблюдая за двумя судебными процессами, за ходом следствия, не могу забыть, как еще в мае 1986 года к нам, в Госагропром РСФСР, приезжал следователь А. А. Киреев и проводил «беседы» с сотрудниками, требуя давать показания против Л. И. Леоновой. Обо всей этой предвзятости и необъективности я еще тогда написала Генеральному прокурору СССР тов. А. М. Рекункову.

Хочется верить, что «Огонек» и в последующем будет рассказывать своим читателям, как развивается следствие по выявлению авторов этого «дела». Надо разобраться в причинах нарушений законности правоохранительными органами. Без этого трудно продвигаться вперед.

А. Ф. ТОЛКАЧЕВА,
ведущий специалист
Госагропрома РСФСР

Корифей русской литературы И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. М. Горький, А. Н. Толстой и другие были способны объективно признать свои ошибки, совершить переоценку тех или иных явлений общественной жизни.

Известно, что А. М. Горький активно защищал талантливых литераторов (например, И. Э. Бабеля) от необоснованных нападок.

Меня тревожит тот факт, что наши крупнейшие современные писатели Анатолий Иванов, Петр Проскурин, Михаил Алексеев в упомянутых вопросах очень уступают своим великим предшественникам. Я отказываюсь понять А. Иванова, П. Проскурина, М. Алексеева и других, подписавших в 1969 году пресловутое письмо, направленное против Твардовского. А ныне им не хватает гражданского мужества публично раскаяться в содеянном, что могло бы

сыграть значительную роль в духовном обновлении нашего общества. Недавние высказывания А. Иванова и П. Проскурина позволяют сделать вывод о том, что они призывают тормозить объективное освещение личности Сталина. На вечере в Останкино П. Проскурин уклонился от анализа деятельности общества «Память».

Почему?

Е. Г. ВАЛ
Москва

Пишу письмо, а у самого ощущение, будто иду на предательство, но молчать совесть не позволяет. Начну по порядку. Срочно нужно было позвонить сестре в Среднюю Азию. Телефонистка ответила, что это труднонабираемая связь, можно только через неделю. Поделюсь огорчениями с соседкой. Вечером даю ей адрес сестры. Она набрала какой-то номер, пощупала с кем-то, полюбезначала. И ровно через 22 минуты голос из трубки: «Разговор на завтра на девять утра, поскольку разница во времени и сейчас все уже ушли с работы». Утром я проговорил с сестрой семь минут и положил соседке с благодарностью пять рублей. Каково же было мое удивление, когда деньги за будущий счет она не взяла: «Вы же знаете, где я работаю, никаких счетов за разговоры я не получаю». Попав в неловкое положение, я все-таки купил ей цветы, а на душе тем временем было скверно. И вдруг до меня дошло: я за свои деньги не могу заказать разговор, а некоторые «счастливчики» в любое время могут поговорить с любым пунктом. Глаза мне открыл мой приятель, инженер связи. Оказывается, связь тоже работает на нужных ей людей, по принципу: ты — мне, я — тебе. У каждой телефонистки свой круг знакомых, и вот текут-текут из государственного кармана денежки. Это делается просто: поступивший от знакомых заказ не оформляется на бланке, телефонистка сразу соединяет, говорит сколько хочешь. По инструкции связь на коммутаторе должна проверяться контролирующей службой, а также инженерно-техническими работниками, обслуживающими коммутаторные залы, не реже двух-трех раз в месяц. И метод обслуживания «по блату» можно выявить. Но тогда разорвется цепь круговой поруки.

Посчитать бы, в какую копеечку обходятся государству такие переговоры, обнародовать цифры, быстро бы тогда закрылась лазейка для любителей жить за чужой счет.

И. В. ПЕТРОВ,
механик автокомбината
Светлогорск Гомельской области

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

УЧИТЬСЯ ЖИТЬ В

АВСТРИЯ ПРОВОДИТ ПОЛИТИКУ НЕЙТРАЛИТЕТА, НО ЭТО ОТНЮДЬ НЕ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ЕЕ ЖИТЕЛИ НЕЙТРАЛЬНО ОТНОСЯТСЯ К РАЗОРУЖЕНИЮ, К УКРЕПЛЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ И ВО ВСЕМ МИРЕ. ИМЕННО ОБ ЭТОМ РЕЧЬ ИДЕТ В ИНТЕРВЬЮ, КОТОРЫЕ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА» ДАЛИ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ КАНЦЛЕР ФРАНЦ ВРАНИЦКИЙ И МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ АВСТРИИ АЛОИС МОК.

ИНТЕРВЬЮ С КАНЦЛЕРОМ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ФРАНЦЕМ ВРАНИЦКИМ

Франц Враницкий родился в Вене 4 октября 1937 года. После окончания университета коммерции начал работать бухгалтером в компании «Сименс — Шуккерт». В 1961 году он перешел в Австрийский национальный банк. В 1969 году Франц Враницкий стал первым вице-президентом банка, а в 1970 году занимает пост советника по экономическим и финансовым вопросам министра финансов Австрии. В 1976 году Враницкий был назначен заместителем председателя совета директоров банка «Кредитанштальт-банкверайн» и пятью годами позже — на аналогичный пост в Земельном банке Австрии. С апреля 1981 года — председатель совета директоров Земельного банка. В 1984 году Враницкий назначается на пост министра финансов, а 16 июня 1986 года он был приведен к присяге федеральным президентом Рудольфом Кирхшлегером на пост федерального канцлера Республики Австрия. 21 января 1987 года он вновь приведен к присяге на пост канцлера президентом Куртом Вальдхаймом. Франц Враницкий женат, имеет сына и дочь.

«ОГОНЕК». Недавно в Вашингтоне проходила советско-американская встреча на высшем уровне. Она оказалась очень результативной, но одновременно породила ряд вопросов, например, такой: укрепится ли безопасность, когда у нас будет меньше оружия, или же она ослабнет, да и мы вместе с ней, если лишимся ракет? Задают подобный вопрос и в Австрии. Не могли бы вы сказать несколько слов о том, как правительство Австрии понимает связь процесса разоружения с проблемой безопасности?

Ф. ВРАНИЦКИЙ. Видите ли, исходя из своего личного опыта и своих убеждений, скажу, что Австрия целиком и полностью привержена нашему статусу нейтралитета. Нейтралитет означает не только то, что мы не хотим быть вовлечены в войну, будь то на нашей или на чужой территории. Наша позиция означает, что мы активно укрепляем нейтралитет, всячески развивая связи, как на уровне стран, так и на уровне международных организаций. Именно поэтому мы хотели, чтобы организации ООН разместились здесь, в Вене. Мы также охотно предоставляем возможности для проведения у нас всевозможных международных конференций, таких, как, например, нынешняя конференция по безопасности в Европе.

Но давайте рассмотрим ваш вопрос о мире. Дело в том, что в большинстве случаев мы, конечно же, пассивная сторона в международных усилиях по достижению мира. И именно поэтому мы весьма положительно расцениваем ту договоренность, которая была достигнута между Горбачевым и Рейганом. И даже несмотря на утверждение, что контроль над вооружениями, «двойной ноль» не укрепляет безопасность и что Восточная Европа имеет превосходство в обычных вооружениях, я считаю, что этому первому, очень важному шагу, направленному на обуздание гонки вооружений, нет разумной альтернативы. И я согласен со всеми теми, кто говорит, что мы в начале пути. Ведь лучше быть в начале, чем далеко от него.

«ОГОНЕК». На протяжении десятилетий средства массовой информации активно создавали так называемый «образ врага». Как относятся австрийцы к этому явлению? Даже будучи нейтральным, нельзя, на мой взгляд, не видеть опасность подобного рода стереотипов, поскольку «образ врага» — это гримаса ненависти.

Ф. ВРАНИЦКИЙ. Что касается лично меня, в своей работе я обхожусь без такого понятия, как «образ врага», поскольку считаю, что наша демократия должна сегодня активнее, чем прежде, выслушивать и учитывать взгляды и мнения людей, придерживающихся различных точек зрения. Не секрет, что сегодняшнее молодое поколение уже не хочет безропотно принимать прежние теории и установки, скажем, так называемую «позицию силы». Я думаю, они правы. Я также считаю, что те опасности, которые пронизывают нашу общественную атмосферу, — это не только угроза войны, но и загрязнение окружающей среды, и неблагоприятные тенденции в обществе, и одино-

чество, и болезни, и так далее. Поэтому, по крайней мере в моем представлении, демократия означает, что должно быть больше диалога между теми, кто облечен властью, с одной стороны, и теми, кто выразил им доверие, — с другой. Одну небольшую оговорку я все же сделаю. На ваш вопрос, как я сам представляю себе «образ врага», не замедлю добавить к выше сказанному, что всякое возрождение фашизма или нацизма, под какой бы личиной оно ни скрывалось, автоматически и естественно натолкнется бы на мое враждебное отношение.

«ОГОНЕК». Каково ваше личное представление о Советском Союзе? Как вы относитесь к развитию отношений между Австрией и Советским Союзом?

Ф. ВРАНИЦКИЙ. Мой первый опыт общения с советскими людьми относится к 1945 году. Я родился в 1937 году, следовательно, тогда мне было 8 лет. И в те дни я проводил все ночи не у себя в детской комнате, а в убежище вместе со своими матерью и сестрой, в подвале нашего дома. И как-то утром, около 5 часов, я проснулся от стука. Кто-то колотил в маленькое окошко нашего убежища. Через несколько минут стучавшему удалось разбить наше окно, хотя стекло было весьма толстым, и через него просунулась голова — это был красноармеец. Все были напуганы: что сделают с нами солдаты? Этот молодой парень широко улыбнулся, разглядев в подвале нечто вроде цыганского табора: все лежали вповалку. Не знаю, какое у меня было в тот момент выражение лица, но он сунул руку в карман своей гимнастерки и протянул мне плитку шоколада. Таков был мой первый опыт общения с «советской мощью».

Впоследствии, когда я повзрослел и начал работать, я не раз встречался с советскими людьми как в Австрии, так и в СССР. Мне также довелось немного поехать по вашей стране.

Но позвольте мне подвести итог. Несколько мне позволяет судить мой опыт работы в различных областях — экономической, финансовой, политической, — наши беседы с советскими представителями, поиски понимания всегда проходили в атмосфере согласия, двустороннего сотрудничества в самых различных сферах. И хотел бы подчеркнуть следующее: даже несмотря на то, что мы являемся частью демократической системы Запада и пытаемся договориться о новых взаимоотношениях внутри Европейского сообщества, я думаю, мы придаем и будем придавать большое значение нашим прочным отношениям с Советским Союзом и другими европейскими социалистическими странами.

ИНТЕРВЬЮ С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ АЛОИСОМ МОКОМ

Алоис Мок родился 10 июня 1934 года в Ойратсфельде (Нижняя Австрия).

В 1958 году Мок начал работать в министерстве образования. После

1961 года работал в ведомстве федерального канцлера, занимаясь первоначально вопросами, связанными с ЕЭС и ЕАСТ. В 1969 году Мок был назначен министром образования — пост, который он занимал до следующих парламентских выборов в 1970 году.

На выборах в 1970 году Мок был избран депутатом в Национальный совет — национальный совет.

В 1971 году Мок был избран председателем Австрийской федерации рабочих и служащих, организации Австрийской народной партии. В 1978 году — исполнительный председатель АНП.

В 1979 году на внеочередном съезде АНП Мок был избран федеральным председателем партии.

Начиная с 1979 года Алоис Мок является президентом Европейского демократического союза и Международного демократического союза — с 1983 года.

21 января 1987 года Мок был приведен к присяге на пост вице-канцлера и министра иностранных дел.

СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ СТИХИ ПОЭТЕСС,
ЖИВУЩИХ В РАЗНЫХ ГОРОДАХ СТРАНЫ.
ЧИТАТЕЛИ «ОГОНЬКА» ВПЕРВЫЕ ВСТРЕЧАЮТ ЭТИ ИМЕНА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА.
МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ НОВЫХ АВТОРОВ С ПРАЗДНИКОМ 8 МАРТА.
ПУСТЬ ЧУДО ВДОХНОВЕННОГО ПРИКОСНОВЕНИЯ К СЛОВУ
СОПРОВОЖДАЕТ ИХ ТВОРЧЕСТВО, ПУСТЬ ОНО ВСЕГДА БУДЕТ
«ВЫМЕЧТАНО ЖИЗНЬЮ».

СОЛНЦО ЧУДО ПРОИСХОДИТ

«ОГОНЕК». 15 января 1986 года Советский Союз предложил создать мир без ядерного оружия. В тот момент многие страны восприняли это как своего рода утопию, считая, что невозможно жить без ядерного оружия. Но в конце прошлого года в Вашингтоне было подписано чрезвычайно важное советско-американское соглашение. Как вы оцениваете его значение?

А. МОК. Знаете, прежде всего я хотел бы сказать, что всякое сокращение вооружений, ядерных вооружений особенно, является одним из главнейших вопросов для международной политики, и всякое усилие в этом направлении получает поддержку в Австрии. Австрия — страна, в которой нет ядерного оружия. И Австрия в силу своей политической позиции чрезвычайно заинтересована в ослаблении напряженности в отношениях между Востоком и Западом.

Поэтому, на мой взгляд, Договор по РСМД — это событие большой важности, так как впервые исчезнет целая категория вооружений. Это имеет существенное значение и для политики, ибо мы не должны одновременно забывать, что если примерно 2 тысячи ядерных боеголовок исчезнут, то 18 тысяч боеголовок все же останутся.

Но это только начало. Оно свидетельствует о росте взаимного доверия, так как обе сверхдержавы — СССР и США — договорились о мерах проверки. В какой-то степени это означает и определенное ущемление национального суверенитета каждой из стран.

Все это новые явления, и все же это хорошее начало для других аналогичных мер, например, в области стратегических вооружений.

«ОГОНЕК». Ваша страна неоднократно содействовала установлению контактов между разными странами в процессе разоружения. Какие последние шаги были предприняты вашей страной и лично вами в этом направлении?

А. МОК. Сейчас, после достижения соглашения по РСМД, мы стараемся способствовать тому, чтобы переговоры между странами Варшавского Договора и странами НАТО, проходящие сейчас в Вене по вопросу об обычных вооружениях, привели бы к конкретному результату. В то же самое время мы стараемся поддерживать все усилия, направленные на запрещение химического оружия. Хочу сказать, что мы прекрасно сознаем свои ограниченные возможности повлиять на ход этих переговоров, но думаю, каждая страна может внести свой вклад.

«ОГОНЕК». Вы лично верите в лучшее будущее?

А. МОК. Я, конечно, верю в лучшее будущее. Мне кажется, однако, что наше поколение не увидит мир без оружия. Но если не будет новых витков гонки вооружений и произойдет реальное разоружение, все это явится огромным достижением по сравнению с предыдущими десятилетиями.

С канцлером Австрийской Республики Францем ВРАНИЦКИМ и министром иностранных дел Алоисом МОКОМ беседовал в Вене Виталий КОРОТИЧ.

Зинаида ПАЛВАНОВА

Где мои ровесники? Их нет.
Редко-редко одногодка встретишь.
Поколение не родившихся на свет,
Черная дыра на белом свете.

Где вы пребываете сейчас,
Дочери и сыновья народа,—
Вымечтанные жизнью, что как раз
Родились бы в те четыре года?..

Мне и рассказать вам не сумею...
Здесь была война, беда, разруха.
Бабушкой вашей стала смерть,
Несентиментальная старуха.

Вы меня простите, что живу.
До меня ведь лишь теперь доходит,
Что одна из тысячи живу,
Что со мною чудо происходит.

Так случилось, что от пуль вдали
Моего отца в моей Отчизне
Лагерь для жизни берегли,
Несвобода берегла для жизни.

Сколько страшных, грозных сил
сошлось —
Куль, война, свободы два ожога,—
Чтоб дитя на свете родилось!
Вот и родилась я, слава богу.

Проклинаю, славлю те края,
Где в июле, душном и бездомном,
Мать вольнонаемная моя
Встретилась с отцом
вольнонаемным!

Тысячи живых, горячих лет.
Где судеб людских библиотека?
Вот идет История, и след —
След имеет форму человека...

НА БЕЛГОРОДЩИНЕ

Они приходят с середины поля,
И взгляд у каждой равнодушен, тих.
Посыпаны усталостью, как солью,
Неторопливые движенья их.

Они садятся запросто, как дети,
На травку, наши рифмы окружив,
Блаженно и угрюмо руки-плети
На вытянутые ноги положив.

Не хлопают и не меняют позы,
И слушают бесчувственно вполне,
Как по команде утирая слезы,
Когда стихотворенье — о войне...

Надежда ЦВЕТКОВА

Темнеет сосен тесный ряд
Над Оредежем-речкою.
Березы поздние горят
Оранжевыми свечками.

Через леса, через века
Спокойно и размеренно
Течет студеная река
Под красным срезом берега.

Пласты песчаника таят
Мечту полубезумную
Тех лет, когда был край объят
Рылеевскою думою.

Не плод досужего ума:
Спокойно и торжественно
Течет История сама
Через село Рождествено.

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

В. А. Каверину

Ваш дачный дом — сиреневая ветвь,
написанная кем-то из кубистов,
и мартовский, как на Монмартре,
свет
ложится на него тепло и чисто.

Когда, стряхнув заботы,
я вырываюсь в мир, весной, как репы,
объятый,
я вижу вас, вдоль скользкой
колеи
гуляющего рядом с провожатой.

Не всем по вкусу, но такой,
как есть,
последний могикинин, вы ни разу
не уронили рыцарскую честь,
не замарали капитанство грязью.

Попасть в струю иль не попасть
в струю —
так «быть или не быть» толкуют
ныне...

Я тоже перед зеркалом стою,
подобно вашей странной героине.

Пусть через пень-колоду шли дела
и ноша тяжелела, не легчала,—
благодарю судьбу, что не дала
предать мне свой исток, свое
начало.

Елена САРАН

Откуда-то взгляд подозрительный
На мир, на присутствие в нем
Всего, что не я. Что разительно
Со мной различается. Дом,
Такой неподвижный, и каменный,
И выросший не по годам.
И вырвавшееся дыхание,
И лед, прикипевший к следам.
И это ветвистое дерево,
Которое смело, могло,
При ветре, как правило, с севера,
На юг приналечь тяжело.

Мария АВБАКУМОВА

ВОЛЧИЦА

Я — волчица.
На зарев нацелен мой взгляд.
Как на западе он распаляется
к ночи!
Только зря его огнива ярью горят:
мне не бросить норы этой волчьей.

Ради темной норы, ради серых
волчат,
говорят, никогда не покину...
Ради мерзлой коры в голода,
говорят...

Это правда.
Да лишь вполровину.

Не хочу у небес я просить
ни о чем.
Хватит мне и того, что имею.
Лишь бы лес не исчез под ретивым
плечом,
вырубающим все — за идею.

И доколе терпенью волчицы
не край,
мне — на воле — не надо достатка.
Только лес не ломай!
Только не понуждай
демонстрировать мертвую хватку.

Я — волчица из этих лесов родовых:
из кондовых! еловых! пихтовых!
Я — волчица. Но я не страшнее
твоих,
из урочищ бетонных бедовых.
Я — волчица. Но все же средь
белого дня
не кидаюсь на горсточку мяса.
И за это за все выбивали меня —
«представители хищного класса».

...Ледяные —
родные картины миров
из лесов, замороженных вьюгой,
из ночей, заключенных
на месяц-засов,
воспою я с волчицей-подругой.

Наша дикая песня не всюду мила.
Не любая душа отзовется.
Наша дикая песня сквозь небо
прошла.
Ей сквозь души пройти остается.

Я — волчица.
На зарев нацелен мой взгляд,
от морозной бессонницы красный.
Так глазищи миров неугасно горят!
Так они и согласно, и ясно горят!
Что и мы не умрем. Это ясно.

СОЛЕННЫЙ МЕД

Я не бывала в молодых,
хоть и писали «молодая».
Но в голодранках заводных
я набывалась за троих,
живую грязь перевозмогая.

Пустых словес не признаю.
И вас, кто их тасует всею,
за километр не узнаю
и бегаю за версту я.

Не только лед... Не только лед,
в конце концов и мед вкусила.
Мне говорили — сладок мед.
А я соленого хватила.

И хорошо. И поделом.
Не то бы вместе с языком,
гляди, и душу проглотила.

В тридцатые годы исчезло целое направление экономистов-аграрников вместе со своим идейным вожаком профессором А. В. Чаяновым. Среди нынешних студентов Тимирязевской сельскохозяйственной академии, где Александр Васильевич сначала учился, потом работал и преподавал, возглавил когорту исследователей, получившую имя «организационники» за глубочайший интерес к организации крестьянского хозяйства, — среди многих сотен юных тимирязевцев вплоть до января нынешнего года не набиралось и десятка знающих это имя.

КАК УДАРИЛИ ПО „ЧАЯНОВЩИНЕ“

Павел ПЭНЭЖКО

На «открытие» мы здесь не претендуем. Президент ВАСХНИЛ академик А. А. Никонов прошлым летом организовал празднование столетнего юбилея Чаянова, издание трудов. Нас интересует другое: кому все-таки нужно было репрессировать Чаянова, раздуть миф о трудовой крестьянской партии (ТКП), репрессировать по этому делу до двух тысяч ни в чем не повинных граждан? Вопрос не праздный, потому что и теперь вокруг идей, за которые Чаянов сложил голову, ведутся горячие споры. Что же касается самой трудовой крестьянской партии, якобы связанной с Промпартией, то она перекочевала в папки ОГПУ прямоком... из фантастической повести Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Повесть писалась в начале двадцатых годов и была выпущена в свет с критическим предисловием В. В. Воровского.

Да, на свою беду, экономист-аграрник Чаянов был еще и литератором. «Юлия, или Встречи под Новодевичьим. Романтическая повесть, написанная московским ботаником Х и иллюстрированная А. Кравченко», «Вене-

диктов, или Достопамятные события жизни моей. Москва. V год республики», трагедия «Обманщики»... Все это издавалось, и искушенному в литературе читателю приятно было отметить огромное влияние на молодого беллетриста Теодора Амадея Гофмана и Эдгара По, которое поразительным образом сочеталось с не менее сильным, каким-то карамзинским чувством к Москве. Заметим, Чаянов серьезно занимался историей топографии столицы, восстанавливал карту Москвы XVII века и как бы стремился проникнуть в ее тайну, сделавшую этот город столь дорогим сердцу каждого русского.

Мало было Александру Васильевичу ходить в Госплан и Наркомзем со всевозможными выкладками, выступать перед народными комиссарами: «В тот час, когда окажутся бессильными все методы предпринимательства, когда экономический кризис и удары организованного заграничного капиталистического противника будут сметать наши сложные предприятия, для нас возможен единственный верный путь спасения, неизвестный и закрытый капиталистическим организациям, путь этот — переложить тяжесть удара на плечи того Атланта, которым держится вся наша работа, — на плечи крестьянского хозяйства, на его десятки миллиардов капитала, на его рабочую сопротивляемость, на его сознательность». Рядом со строгим ученым уживался мечтающий беллетрист, который вместе со своим героем волшебным образом оказывается в России полвека спустя, в России народнической мечты. У вла-

сти там трудовая крестьянская партия — выразитель классовых интересов земледельца-середняка. Нет кулаков-мироедов, нет безлошадной голи, все семейные хозяйства процветают приблизительно одинаково в деревнях, где традиционное общинное устройство модернизировано в духе автономных коммун анархистствующего князя Кропоткина. Города остались лишь как культурные и исторические центры, в которых творят художники — наследники «Передвижников», композиторы — преемники «Могучей кучки» и литераторы-деревенщики. По праздникам, включая революционные, всеобщие хороводы с переплясом и благодарственные молебны во всех церквях.

Казалось бы, вполне безобидный, доморощенный фурьеризм. Но следователь с Лубянки Агранов, которому спустя десять лет попала в руки эта книжечка, решил иначе: никакая это не повесть, а манифест подпольщиков — профессоров Тимирязевки, посягнувших на Советскую власть. Может быть, процесс и не получится таким громким, как по поводу Промпартии, но тоже наверняка «прозвучит».

Дальнейшее развитие событий подтвердило его «прозорливость». Профессор Чаянов оказался в Бутырской тюрьме, где в последний раз продемонстрировал поразительную разносторонность своих интересов — начал работу о европейской средневековой гравюре. Родным удалось сохранить эту пораженную желтизной тления тетрадку вместе с другими немногими реликвиями. Среди них воспоминания супруги

Александра Васильевича о свиданиях с мужем и рассказ о следствии.

«Допросы вначале были очень мягкие, «дружественные», иезуитские. Агранов приносил книги из своей библиотеки, потом просил меня передать ему книги из дома, говоря мне, что Чаянов не может жить без книг, разрешил мне продовольственные передачи и свидания, а потом, когда я уходила, он, пользуясь душевным потрясением Чаянова, тут же ему устраивал очередной допрос. Принимая расположение к нему Агранова за чистую монету, Чаянов дружески объяснял ему, что ни к какой партии он не принадлежал, никаких контрреволюционных действий не предпринимал. Тогда Агранов начал показывать ему одно за другим тридцать показаний его товарищей против него. Я не знаю подробностей объяснения. Знаю только, что, кроме обвинения в принадлежности к ТКП, повторялась клевета, которую он, опираясь на факты, опроверг, будучи еще на воле.

Показания, переданные ему Аграновым, повергли Чаянова в полное отчаяние — ведь на него клеветали люди, которые его знали и которых он знал близко и много лет. Но все же он еще сопротивлялся. Тогда Агранов его спросил: «Александр Васильевич, есть ли у вас кто-нибудь из товарищей, который, по вашему мнению, не способен солгать?» Чаянов ответил, что есть, и указал на профессора экономической географии А. А. Рыбникова. Тогда Агранов вынимает из стола показания Рыбникова и дает прочесть Чаянову. Это было последней каплей, которая подточила сопротивление Чаянова. Он начал, как и все другие, писать то, что сочинял Агранов. Так он, в свою очередь, оговорил и себя, и других... Будучи аспиранткой в Третьяковской галерее, я проходила там аспирантскую практику, и как-то в ее залах я встретила А. А. Рыбникова. Он подошел ко мне и сказал, что давно хотел меня повидать, чтобы рассказать о своем предательстве, но что у него не хватило на это гражданского мужества. Что он не может себе объяснить, как это случилось, но он обогнал такого честного и чистого человека, как Чаянов, что на следующий день он написал на имя следователя опровержение своим показаниям, но, по-видимому, это объяснение не было приобщено к делу. (Об этом я писала тов. Вышинскому в 1937 году. Мое заявление, по-видимому, где-то хранится.) Чтоб понять цену показаниям Рыбникова, можно только прибавить, что он после приговора был переведен в лечебницу Кащенко, признан психически больным и отдан на руки жене.

Проф. Фабрикант, который в своих показаниях писал дикие небылицы, заболел психически во время следствия и до сих пор находится на учете психдиспансера. Г. А. Студенский во время следствия заболел психически и повисил в камере. А. Н. Минин, который в своих показаниях оклеветал себя и ближайшего друга А. В. Чаянова, передал через жену из лагеря объяснение того, как и почему он давал ложные показания. Кстати, Минина несколько месяцев тому назад реабилитировали (по-видимому, писалось где-то в конце пятидесятых годов. — П. П.). Проф. Н. П. Макаров в прилагаемой мной характеристике А. В. Чаянова пишет, что знает Александра Васильевича много лет как честного, преданного Родине человека...»

Вдова вспоминает академика Д. Н. Прянишникова, который ставил в один ряд Вавилова, Чаянова, Минина... К этому времени (конец 50-х годов) Вавилов и Минин были реабилитированы. О Вавиллове уже многое известно, а вот А. Н. Минин, по-моему, очень интересен тем, что впервые предложил организовать коллективные хозяйства... в 1913 году. Разумеется, для беднейшего крестьянства. Он доказывал, что обобществление земли и скудного инвентаря поможет выйти из кабалы, получить больше хлеба и в конце

концов поправить свое положение. Н. П. Макаров оставил нам исследование маслodelных сибирских артелей в начале столетия, которое читается как увлекательная повесть. Ни все вместе, ни каждый порознь эти люди никогда ни для какой власти не могли представлять опасности.

Но был в то время человек, который самыми опасными считал именно людей, думающих о хлебе насущном. Потому что «хлеб не есть простой товар. Хлеб — не хлопок, который нельзя есть и который нельзя продать всякому. В отличие от хлопка, хлеб в наших нынешних условиях (апрель 1929 года. — П. П.) есть такой товар, который берут все и без которого нельзя существовать. Кулак это учитывает, и он придерживает его, заражая этим держателей хлеба вообще. Кулак знает, что хлеб есть валюта валют. Кулак знает, что излишки хлеба есть не только средство своего обогащения, но и средство закабаления бедноты. Хлебные излишки в руках кулака при данных условиях есть средство хозяйственного и политического усиления кулацких элементов. Поэтому, беря эти излишки у кулаков, мы не только облегчаем снабжение хлебом городов и Красной Армии, но и подрываем средство хозяйственного и политического усиления кулачества».

Так говорил Сталин на рубеже двадцатых — тридцатых годов. Как мы знаем из школьных учебников, именно в этот период «капиталистические элементы города и деревни» предприняли последнюю отчаянную попытку свернуть страну со «столбовой дороги» к социализму. И главную свою ставку они сделали на кулака, который не дает хлеба и морит Советскую власть голодом. Сталинская политика коллективизации разгадала и обезвредила этот преступный умысел, поставив сельское хозяйство на подлинно социалистические рельсы, уничтожив кулака как класс.

А в это самое время кто-то нам неведомый рылся в архивах, листал старые газеты, обобщал статистику. И выходило нечто неожиданное. Например, до революции на каждые сто хозяйств приходилось 65 бедняков, 20 середняков и 15 кулаков. К двадцать девятому году соответственно 35, 60 и 5. Но, может быть, эти пять процентов забрали в свои руки всю экономическую и политическую власть в деревне? Судите сами: государственные банки не дают им кредита, кооператоры не заключают сделок, поезда и пароходы не везут их зерно, мельницы не принимают его молоть.

Впрочем, как свидетельствует обращение «Ко всем колхозам СССР», на форпостах коллективизации дела шли тоже не совсем так, как хотелось бы: «Колхозцентром обнаружен ряд случаев, когда колхозы вместо первоочередного выполнения хлебозаготовительных планов и своих обязательств перед рабоче-крестьянским государством по контракции устанавливают твердые нормы кормления скота зерном и бронируют всевозможные зерновые фонды в колхозах (кормовые, страховые, семенные, продовольственные и др.) за счет уменьшения плана хлебозаготовок. Колхозцентр считает такое отношение колхозов к выполнению своих обязательств недопустимым попустительством кулацким влияниям и указывает всем колхозам и колхозсоюзам, что первоочередной их обязанностью является выполнение плана хлебозаготовок и обязательств по контракции в установленные сроки... Председатель правления Колхозцентра СССР и РСФСР Т. Юркин».

Заглянем опять в газеты того времени. «Классовый враг... стремится сокращать товарность хозяйства, провести распределение урожая исключительно по едокам, его лозунг — все одинаково хотят есть, все одинаково хотят жить. Надо сказать, что отдельные «простаки» попадают на удочку кулака. В отдельных колхозах вредите-

ли и подкулачники временно сумеют пожинать плоды»...

Сталин требует план хлебосдачи доводить до каждого села. Хозяйству, которое признано кулацким, устанавливается твердое задание (откуда пошли «твердозаданцы») на сдачу всех хлебных излишков. Причем понятие «излишки» порой трактовалось столь широко, что включало и необходимое. Поэтому лучше всего было тем, кто вообще не растил хлеба. Из этих людей составляются комиссии при сельсоветах, призванные выявить кулака и проследить, чтобы он все сдал до зернышка. Сельсоветы получают право отдавать не выполнивших хлебозаготовки «твердозаданцев» под суд. Казалось бы, при таких строгостях хлеб должен потечь рекой в госзакрома. В принципе каждый хозяин должен был трепетать, что за какую-либо провинность обзовут кулаком и ликвидируют как класс со всеми чадами и домочадцами. Но происходило совершенно непредвиденное. Кулаков день ото дня становилось все больше.

Общепринятый сталинский тезис об обострении классовой борьбы давал уникальную возможность не только свалить любой просчет на кулака, но и зачислить в «кулаки» любого исправно работающего крестьянина. Это было очень удобно. С трибун, в газетах провозглашались клятвы верности ленинским заветам, а на деле вершился произвол и расточение земледельца. Поэтому разного рода «перегибы» и «голововокращения от успехов» были закономерны, как следствие избыточного усердия именно в том направлении, в каком велено усердствовать.

Личная трагедия Чаянова и его коллег — это трагедия крестьянства 20—30-х годов. «Организационники» были верны ленинской идее социалистической кооперации сельского хозяйства не на словах, а на деле. Год за годом они продолжали ее развивать и углублять, чем, сами того не желая, бросали вызов авторитету вождя. И этим предрешали свой конец.

Сравните. И. В. Сталин: «...простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики». А. В. Чаянов: «...сама природа сельскохозяйственного предприятия ставит пределы его укрупнению, благодаря чему количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над мелким в земледелии никогда не может быть особенно большим». И не только потому, что расходы на транспорт увеличивают себестоимость продукции. Самое главное — «принуждающая воля у коллектива всегда менее напряжена, чем воля единоличного хозяина, работающего в погоне за наибольшей прибылью... Коллективное сознание и воля всегда менее подвижны, более медлительны, менее напряжены и почти не допускают интуиции, столь важной во всяком предпринимательстве... К тому же каждый колхозник вправе сказать: «Зачем я буду работать больше, чем работает мой сосед, раз его и мое вознаграждение будет равно». Так что же, профессор категорически отказывает колхозам в праве на существование? Нет, но «поскольку речь идет о коллективных хозяйствах, возникающих путем слияния ранее независимых друг от друга крестьянских хозяйств, то участь их в разных районах будет различна, и надо думать, что главным образом они будут коллективизировать совместную эксплуатацию или даже только обработку полевых хозяйств и лугов, оставляя отрасли, не дающие высоких коэффициентов полезного действия укрупнения, — в индивидуальном ведении членов».

На рабочем столе Чаянова всегда находился портрет симпатичного старичка со взглядом проникательного человеколюбца. Это был Фридрих Вильгельм Райфайзен, маленький провинциальный бургомистр, который в середине прошлого столетия спас от двух самых

страшных зол — голода и ростовщиков — крестьян Рейнской Пруссии, объединив их в кооперативы. Умер он в 1888 году в уважении и славе, когда его крестьянские товарищества распространились далеко за пределы Германии и даже в России, в каком-нибудь Знаменском или Бузаеве, точно так же, как полвека назад в Вейербуше и Фламмерсфельде спасали мужика от голода и мироеда.

Любопытная статистика. На первое января 1917 года в России было 63 тысячи кооперативов, объединивших 24 миллиона членов. В августе 1921 года зарегистрировано всего 72 кооператива с шестьюстами участниками. К концу 1928 года все виды кооперации в СССР охватили около 28 миллионов человек, то есть каждое третье хозяйство. Для Чаянова и других организационников это было несомненной победой движения, которому они посвятили себя еще до революции. Казалось, сама жизнь стремилась подтвердить их теоретические выкладки. Ведь если до середины двадцатых годов план по хлебозаготовкам еще выполнялся как методом продналога, так и прямого товарообмена, то с двадцать четвертого года первый был полностью заменен деньгами, а второй — свободной торговлей. Уже на следующий год производство зерна, молока и мяса увеличилось почти на треть (в сравнении с 1922 годом), сахарной свеклы стало больше почти в пять раз. В три раза возрос хлебный экспорт. В среднем ежегодный прирост сельскохозяйственного производства с 1922 по 1928 год составлял 10 процентов. Причем доля колхозов и совхозов во всем производственном потенциале деревни не превышала в этот период трех процентов. Главную тяжесть вынесли на своих плечах единоличники и кооператоры. Для молодого профессора это было, помимо всего прочего, еще и претворение в жизнь студенческих мечтаний. В годы столыпинской реформы молодым аграрникам стало ясно, что отрубам и хуторам не суждено преобразить деревню. Для этого, считали одни, необходимо по крайней мере опрокинуть трон и раздать всю помещичью землю тем, кто ее обрабатывает. Другие полагали, что никакая революция не избавит Россию от продовольственного кризиса, если крестьяне не освоят достижения западной агрикультуры: высокопродуктивные сорта, машины, удобрения и кооперацию. То есть будущее села определит прогресс в технике и экономике. Даже больше. От успехов агрикультуры и земледельческой кооперации они ждали социального обновления всей России, которая, опираясь на общину, станет страной крестьянского социализма.

Великий Октябрь, помимо других иллюзий, разревал еще и эти. Однако же продовольственную проблему с повестки дня не снял. Даже наоборот, высветил ее со всем присущим ей драматизмом. И как только на смену военному коммунизму пришли нэп и продналог, Чаянов вместе с другими исследователями «организационного направления» решили, что теперь-то уж точно настал их черед потрудиться. И они засучили рукава...

Нынче это поразительно: жили в блокаде (не говоря уже о нищете), при международном положении по теперешним меркам ужасающем, а за рубежом ездили толпами, как в Сокольники, да еще подолгу там жила. И Чаянов ездил. В Берлин, издавать на немецком свою работу, в Англии прожил около года; был в Норвегии, где звание крестьянина исконно считалось почетным, а поступление на службу даже к королю — позором; у шелководов и рисоводов Ломбардии и других северных провинций Италии; был в Турции, Греции и хотел попасть в Египет, но тамошние власти отказали ему в визе.

Остановимся подробнее на том, что принес молодой профессор на алтарь аграрной политики большевиков. Исследовательские интересы Чаянова

капитально определила первая же сразу после окончания обучения заграничная командировка в Бельгию, затем в Швейцарию для изучения сельской кооперации, которые вооружили его эффективной методикой анализа состояния крестьянского хозяйства. Пока земцы ломали головы над своими кустарными анкетами, забивали их сотнями (!) вопросов, способных не то что крестьян — ученых довести до полного обалдения, выпускник Петровской сельхозакадемии предложил сосредоточиться на главном — производственном и потребительском расходе деревенской семьи. Без учета этого баланса никакие рекомендации участкового земского агронома не могли дать эффекта. Когда эта простая, но доселе неведомая отставшим от Европы земцам мысль была высказана с трибуны Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению, те встретили ее овацией, потому что «Чаянов сформулировал то, о чем большинство агрономов лишь догадывалось».

Однако торжествовать было рано. Первое же исследование по новой методике льносеющих хозяйств показало ее малую пригодность на отечественной почве. Во всяком случае, в чистом виде. Потому что на Волоколамщине и Смоленщине, в отличие от Бельгии и Швейцарии, главным в крестьянском хозяйстве оказались не прибыль, не доход, а «гибкость и приспособляемость к самым тягостным условиям существования». Например, по западной логике выходило, что крупным землевладельцам выгоднее брать за дорогой и трудоемкий лен, поскольку они и технику могут прикупить, и рабсилу нанять, и занять им большие площади. Крестьянам же, у которых много ртов, но мало земли, ничего не остается, как растить неприхотливый и урожайный овес. Однако по тверской и смоленской логике вышло совсем наоборот. Трудоемкий лен взяли на себя именно крестьяне. В отличие от капиталистов он давал им прибыль за счет того, что труд семьи «ничего» ей не стоил. Что до сравнительно дешевого овса, то, заняв им большие площади, землевладелец из общей массы урожая вполне мог окупить все свои производственные затраты, оставаясь к тому же в прибылях.

Дальше, продав свой лен, крестьянин обнаруживал, что выручки ему хватит в лучшем случае для прожития до следующей посевной. Таким жалким результатом завершалась вся его хитроумная экономика. Реализация овса давала землевладельцу богатейший спектр возможностей, от расширения хозяйства до поездок в Париж. Вот и подожди тут с западными мерками: лен продает, значит, товарное хозяйство? Выручку проедает, значит, натуральное?

Сегодня эти вопросы нам кажутся праздными. Однако семьдесят лет назад, когда более 1/2 земледельческого населения России потребляло почти столько же, сколько производило, от правильного ответа зависело будущее Советского государства. Как разорвать порочный круг крестьянской «натуральности»? Ведь без этого не оживить внутреннего оборота страны, лежащей в руинах. Не возродить международной торговли, которая нужна как воздух. С какими мерками подойти к крестьянину? Где выход из тупика?

«Искусство политики есть прежде всего искусство осуществления, социальные идеи, как бы они возвышенны ни были, грандиозны планы, сколько бы тщательно и законченно они ни разрабатывались, по своей реальной ценности, с точки зрения экономической политики, равны нулю, раз нет подпопдающей социальной обстановки и средств к их осуществлению», — предупреждает Чаянов.

За четверть века до Н. С. Хрущева он набросал программу освоения целинных и залежных земель совхозами-гигантами. Причем уже тогда для борьбы

с засухой и ветровой эрозией предусматривал особую систему земледелия для засушливых районов, ежегодное чередование посевов с парами.

Интересна судьба предложенного Чаяновым метода разработки промфинпланов сельхозпредприятий. Дело в том, что этим методом мы пользуемся и по сей день, хотя все эти годы концепция экономической жизни совхоза не имела ничего общего с чаяновской, предусматривавшей, что хозяйство само должно было решать, какой продукт ему выращивать, руководствуясь конъюнктурой рынка и соотношением цен. Рентабельность становилась краеугольным камнем совхозной жизни. По Чаянову, опорой государства может быть только такое предприятие, которое крепко стоит на собственных материальных и людских ресурсах. Но именно это не устраивало поборников сталинской коллективизации, которым все эти тонкости со сбалансированием отраслей, хозрасчетом и самоокупаемостью были ни к чему. Главным для них было, чтобы сельхозработчие растили хлеб. А забрать его государство всегда сумеет. Надо ли напоминать, как дорого обошелся стране такой «удешевленный» подход к экономике деревни, ее затянущаяся на десятилетия нерентабельность и как актуальна сегодня, в условиях самофинансирования и самоокупаемости, концепция Чаянова.

Ему приписывали идеализацию застоя и патриархальщины, недооценку трактора и комбайна, но уже в двадцать девятом году Чаянов сравнивает их с паровой машиной, сделавшей революцию в индустрии. Однако в отличие от буржуазной аграрной революция в условиях плановой социалистической экономики должна была сохранить, по мнению профессора, все бесценное наследие древней крестьянской агрикультуры, обогатить ею результаты новейшей техники и технологии. Но для этого не надо забегать вперед паровоза (в данном случае — трактора и комбайна). Именно техника втянет мужика в «самокооперативизацию», а не наоборот. Вспомним: даже к концу тридцатых годов у нас было в десять с лишним раз больше конных плугов, чем тракторных, уборка была механизирована меньше чем наполовину. Поэтому сдержанное отношение Чаянова к колхозам-совхозам (которые к тому же себя ничем еще особо не зарекомендовали) вполне понятно. Размышляя о будущем, профессор предсказывал урожай на гидропонике, получение продуктов за счет промышленного синтеза белка, производство синтетических тканей, возможность изменять климат и прогнозировать урожай. Поразительная точность футуролога, хотя в двух последних случаях свои достижения мы оцениваем скорее всего со знаком минус. Увы, неизбежная расплата за пренебрежение разработками исследователей организационно-производственного направления.

У всех еще на памяти административные игры с укрупнением, разукрупнением и опять слиянием хозяйств, отселением из неперспективных деревень, хотя уже в двадцать шестом году Чаянов делает вывод, «что для сельскохозяйственного предприятия наиболее важным являются не самые крупные и не самые мелкие размеры, а некоторые средние — оптимальные, при которых уравновешиваются выгоды и недостатки мелкого и крупного земледельческого хозяйства». Нами было показано, что для каждой системы хозяйства свойствен свой оптимальный размер предприятия».

По чаяновской аксиоме, в колхозе «должно быть организовано производство таких продуктов, которые в условиях данного хозяйства и данной рыночной конъюнктуры дают наибольшую выгоду, то есть в которых себестоимость значительно ниже, чем местные рыночные цены на них».

Для Чаянова было очевидным, что налоговая политика государства в отношении крестьянина не должна под-

рывать его желание трудиться. Наоборот, она призвана стимулировать улучшение хозяйства, повышение его эффективности. Поэтому обложению подлежат только те доходы земледельца, которые он получает в виде ренты. Все, что заработано трудом, — его неотъемлемая собственность. Грубо говоря, платить налог надо за землю, за ее количество и качество, а не за рожь, которую на ней вырастил. Тогда «кулак» не станет придерживать хлеб, «заражая этим держателей хлеба вообще». Вся сложность в том, как на практике отделить ренту от валового крестьянского дохода, ведь даже у соседних одинаковых хозяйств в один и тот же год может получиться неодинаковый урожай.

По этому вопросу мнения «организационников» разделились еще в середине двадцатых годов, но к настоящему расколу они пришли в 1928 году, когда к проблеме ренты прибавилось отношение (что очень символично!) к социальному расслоению деревни.

Чаянов и Челинцев ставили под сомнение, что такое расслоение вообще имеет место, отрицали «прогрессивность» развития капиталистических элементов в крестьянской экономике и видели будущее за мелкими крестьянскими хозяйствами, объединенными в кооперативы. За это в перечне других смертных грехов правозащитные экономисты объявили Челинцева и Чаянова сторонниками «американского пути», «эпигонами австрийской маргинальной школы» (вспомним, как советских генетиков клеймили «морганистами-менделистами») и вообще духовными детьми «столипинской реакции».

И надо же беде случиться, что спустя шесть десятилетий мы обнаружили у себя великое множество хозяйств-рантье, которые нежатся в исключительно благоприятных почвенно-климатических и прочих условиях, почти не заботясь о повышении эффективности производства. Теперь мы пытаемся «экспроприровать» их ренту более гибкой налоговой политикой, и это начинает приносить плоды. Но тогда, в начале тридцатых годов, колхозы без материальной базы, без отработанной технологии, системы оплаты и эффективных стимулов труда катастрофически провалили план первой пятилетки. Производство сократилось на 18 процентов. Кто должен был за это ответить? Рассуждая логически — инициаторы. Но, как справедливо заметил в одном из своих исследований все тот же Чаянов, «экономические формы, к сожалению, создаются не логическим, а историческим путем». А посему виноватыми оказались именно те, кто предостерегал: «правые оппортунисты» и «организационно-производственное направление». Доказать вредительство тех и других в условиях «обострения классовой борьбы» было лишь делом техники. И напрасно профессор пытался публично реабилитировать себя перед «блуждающими по чаяновщине» в газете «Экономическая жизнь», доказывая, что когда он в период с 1912 по 1918 год противопоставлял мелкое крестьянское хозяйство крупному, то имелась в виду именно капиталистическая и помещичья владения уже по той простой причине, что ни о каких совхозах-колхозах тогда еще и речи не было. Подобные «исторические мелочи» уже никого не интересовали. А уж «Путешествие моего брата... с победой трудовой крестьянской партии в 1934 году» явилось для следствия дорогим подарком: вот люди, которые заплатят за разбитую посуду.

Известно, что Вавилов взлелеял себе на погибель Лысенко. Аналогичным образом Чаянов пригрел в своем институте молодого, подающего надежды Верменичева и других юношей безупречного рабочего-крестьянского происхождения. До поры до времени молодежь тихо набиралась ума, лишь время от времени позволяя себе туманные инсинуации насчет «буржуазной учено-

сти». Но вот в воздухе запахло крахом хлебозаготовок. И «птенцы» поняли: настало их время. Пора кончать со всей этой ученой буржуазией типа Чаянова, Кондратьева, Юровского, Дояренко, Огановского, Макарова, Челинцева и прочих «последних могикан идеологии народовольцев», «разоблаченных главарей контрреволюционной организации, стремящихся свергнуть советский строй». Так клеймил своих учителей подающий надежды юноша Иван Верменичев, готовя статью «Буржуазные экономисты как они есть» для журнала «Большевик». Он приписывал ученым стремление затормозить рост сельскохозяйственного производства, поощрение кулака, называл их идейными вдохновителями «правого уклона». Это был политический донос по всем правилам того сурового времени.

За Чаяновым пришли 21 июля 1930 года, когда он готовил материалы Зернотреста для обсуждения в «верхах». Но, по-видимому, никакие «тяжести следствия» не смогли придать подобающей весомости обвинению, основанному лишь на чаяновских литературных пасторалях. Поэтому процесс, в отличие от суда над Промпартией, прошел при стыдливо закрытых дверях. Здесь не помог бы и весь пафос Михаила Кольцова, чьи репортажи с процесса Промпартии публиковали газеты из номера в номер: «Нет будущего. Есть только прошлое. Нет сочувствия — родные сыновья предателей отрекаются от них и ломкими голосами подростков всенародно требуют расстрела для своих отцов. Нет политических идей — есть только счета полученных за шпионаж денег...» Никите и Василию — сыновьям Александра Васильевича — не пришлось отречься ни от отца, ни от матери, которую в тридцать седьмом тоже взяли, как «члена семьи врага народа». До войны кое-как перебивались, продавая отцовские книги, гравюры. Старший, Никита, в первые же месяцы ушел добровольцем на фронт и погиб. Младший, Василий, воевал с сорок третьего и до Победы, потом жил «сыном врага народа», занимался кибернетикой.

Дорого у нас обходится утопии. Чаянов заплатил собственной жизнью. За сталинскую же коллективизацию жизнью заплатили другие. Мы ежегодно выплачиваем кругленькую сумму, эквивалентную зерновому и мясному импорту. Мы дошли до мысли о ликвидации нерентабельных хозяйств, передачи их предприятиям и организациям в качестве подсобных, что не так давно воспринималось крамоллой, а в тридцатые годы — «оппортунизмом» со всеми вытекающими кошмарными последствиями. Теперь мы обеими руками за аренду земли и техники (прямо-таки в каждого вселился Бухарин с Рыковым), за подряд и контрактацию, за артель, кооператив. Теперь наши публицисты рыщут по деревням не хуже комбедовцев тех славных, наполненных азартом охоты на кулаков лет, чтобы найти и возвестить: нет, не вымер еще тот реликт, для которого жизненный идеал — «растить хлебушко». И уж если находим такого, нет предела восторгам и слезам умиления.

Как же нам не хватало все эти годы именно таких исследователей, как профессор Чаянов, чей свободный поиск не могли укротить никакие вожжи конъюнктуры, чья мысль излагалась хорошим русским языком и выверялась глубоким изучением отечественного и зарубежного опыта, чему способствовали владение иностранными языками и тот самый необычайно высокий уровень культуры, который позволял русскому интеллигенту быть среди любого европейского народа своим. Свойство, за последние полвека нами почти совершенно утраченное, и вот только теперь мы снова страшными усилиями начинаем его обретать. Точно так же мы заново учимся быть хозяевами, познаем меру и вес. И на этом тернистом пути профессор Чаянов еще не один раз даст нам мудрый и дельный совет.

СТРЕМЛЕНИЕ К ГАРМОНИИ

Дмитрий БИСТИ

Картина называется «Чтение стихов в Крыму». Сосредоточенно и немного отрешенно вслушиваются герои этой картины в музыку стиха, оставив за стенами тесной комнаты свои повседневные заботы, шум и суету обыденности. Так, по-видимому, происходит всегда, когда человек сталкивается с поэзией, с ее высоким духом и эмоциональным накалом. Вглядываясь в полотна Ирины Макаровой-Вышеславской, в стихию ее живописи, тончайшие нюансы цвета, невольно погружаешься в этот поэтический мир, подчиняешься завораживающей зыбкости ощущений, выплеснутых художником на холст.

Несколько лет назад очень много разговоров было вокруг так называемой «тихой графики», когда многие художники-графики увидели удивительный мир вещей и явлений, сопровождающий человека в его повседневной жизни. Началось время сопереживания, попыток проникнуть в интимный круг интересов человека, поиски психологизма и духовности. Художники отказались от бравурной декоративности и ложной экспрессии, стоявших преградой между произведением и зрителем. А что же живопись? Не осталась ли она в стороне от этого очень интересного процесса в нашем искусстве? Те долгие годы, когда на выставках царили парадно-помпезные, псевдомонументаль-

И. Л. МАКАРОВА-ВЫШЕСЛАВСКАЯ. Род. 1939. ЗИМА. 1985.

ные полотна, не могли не сказаться на качестве и содержании живописных произведений. И как результат этого — почти полное забвение основ живописи, ее эстетики и ее главного языка — цвета. Картина существовала сама по себе, вне духовных потребностей человека. Конечно, какая-то часть настоящей живописи прорывалась на выставки. Но это был слабенький ручеек в общем потоке безграмотности и конъюнктуры. И все же «тихая живопись» набирала силы, с годами все больше и больше завоевывая зрителя. Сейчас уже можно говорить об очень интересных достижениях художников, упрямо и после-

довательно отстаивавших принципы человечности в искусстве.

Один из таких художников — Ирина Макарова-Вышеславская.

Быть может, я выскажу нелепую мысль, но мне кажется, что тоска по простоте (как у великих французских импрессионистов) породила ее искусство. Казалось бы, незначительность сюжета, случайное явление мало дают пищи для размышлений. Но для истинного художника даже эта случайность — предмет волнений и раздумий. Эмоциональный накал в ее картинах и создает ту образную структуру, которая отличает настоящую живопись.

Вот картина «Одиночество. Сорока». Предельный лаконизм как нельзя более точно отвечает всему эмоциональному строю вещи. Заснеженное поле с редкими, стынущими деревьями, и такая же одинокая сорока, низко летящая над землей. Кто из нас не переживал моменты одиночества! В этом-то и главное — сопереживание. Вздвиганность чувств — подлинная связь искусства с жизнью. Здесь эмоциональное начало достигается чисто живописными средствами, и прежде всего цветом. Монохромная живопись в «Сороке» создает тот необходимый настрой, который характерен для всего творче-

ства И. Макаровой-Вышеславской И еще. В ее полотнах нет глубокого пространства. Она как бы возвращает изображение зрителю, заставляет его участвовать в разворачиваемом действии. Ее картины сродни театру, своему образному театру живописи, где творец и зритель — соучастники мизансцен, разыгрываемых художником.

Но, пожалуй, самой сильной стороной ее творчества мне представляются портреты, где она ищет, как в поэзии, своего лирического героя. И находит — среди своего окружения — людей, близких ее профессии, среди актеров, поэтов, людей творческих, со сложны-

ми характерами и богатой духовной жизнью.

Все средства живописи И. Макаровой-Вышеславской направлены на решение психологической характеристики образа, его эмоционального начала. Быть может, поэтому ей ближе женские образы с их непосредственностью эмоциональных чувств. Да и ее тонкое чувство цвета, колористической гармонии, вся живописная стихия как нельзя ближе именно женским образам.

И вот что замечательно. В ее работах конкретное лицо, бесспорно, узнаваемое, никогда не замыкается на себе. Оно превращается в образ, перерастает в картину со сложной средой, картину, которая часто превращается в притчу. Мне очень нравится портрет Гали Кунгуровой по очень точной характеристике девочки с наивными и широко раскрытыми глазами, глядящими на мир. Вся она трепетна, полна ожидания. Еще не окрепшая, хрупкая душа полна доверия к людям, у которых она ищет защиты...

В ее портретах цвет обволакивает форму, нет четких границ, все зыбко и подвижно, и во всем чувствуется женская рука, женская утонченность и теплота. И так же, как в пейзажах, в портретах нет глубокого пространства, и образ, как в обратной перспективе, становится ближе, осязаемее и тем дороже для нас.

Стремление к гармонии. Гармонии цвета и формы, гармонии чувств. Такой мне представляется основная концепция замечательного живописца и человека Ирины Макаровой-Вышеславской. Ее светлая, поющая душа понятна каждому, кто любит искусство, кто черпает в нем духовную силу и высокие нравственные идеалы.

ЧТЕНИЕ СТИХОВ В КРЫМУ.
1982.

ЩЕНОК И СКРИПКА. 1983.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО ОПЫТА

Беседа с академиком
Д. С. ЛИХАЧЕВЫМ

— Дмитрий Сергеевич, менее всего хотелось бы, чтобы этот разговор получился столь же круглым и «юбилейным», как сама дата — 1000-летие христианизации Древней Руси. С чего же мы начнем?

— С вопроса о роли крещения Руси в истории культуры Отечества. Я думаю, что с крещения Руси вообще можно начинать историю русской культуры. Так же, как украинской и белорусской. Потому что в общем культура восходит к каменному веку, к неолиту или палеолиту. Но характерные черты русской, белорусской и украинской культуры — восточнославянской культуры Древней Руси — восходят к тому времени, когда христианство сменило собой язычество.

Христианство — письменная религия, приобщившая Русь к высокоразвитой мифологии, к истории европейских и малоазиатских стран. Произошло соединение с культурой Византии, наиболее передовой страны того времени. Причем это произошло, когда византийская культура переживала пик своего расцвета IX — XI веков.

— Итак, вспомним, как это происходило...

— Русь спасла византийского императора Василия в момент восстания Варды Фоки. Владимир I направил на помощь императорам Василию II и Константину VIII шеститысячный отряд отборных своих войск — варягоругов, и они подавили восстание. В результате чего, очевидно, Василий II и обещал выдать свою сестру Анну за Владимира. Но, когда император Василий II и его бездеятельный соправитель Константин VIII укрепились на престоле, Василий II забыл о своем обещании, решил его не выполнять, потому что его дед, Константин Багрянородный, запрещал византийским императорам родниться с инородцами, а тем более с язычниками. И сослался при этом на надпись в алтаре Софии, где говорится о том, что представительницы императорской фамилии не должны выходить замуж за инородцев. Но Владимир сумел доказать свое право военной силой.

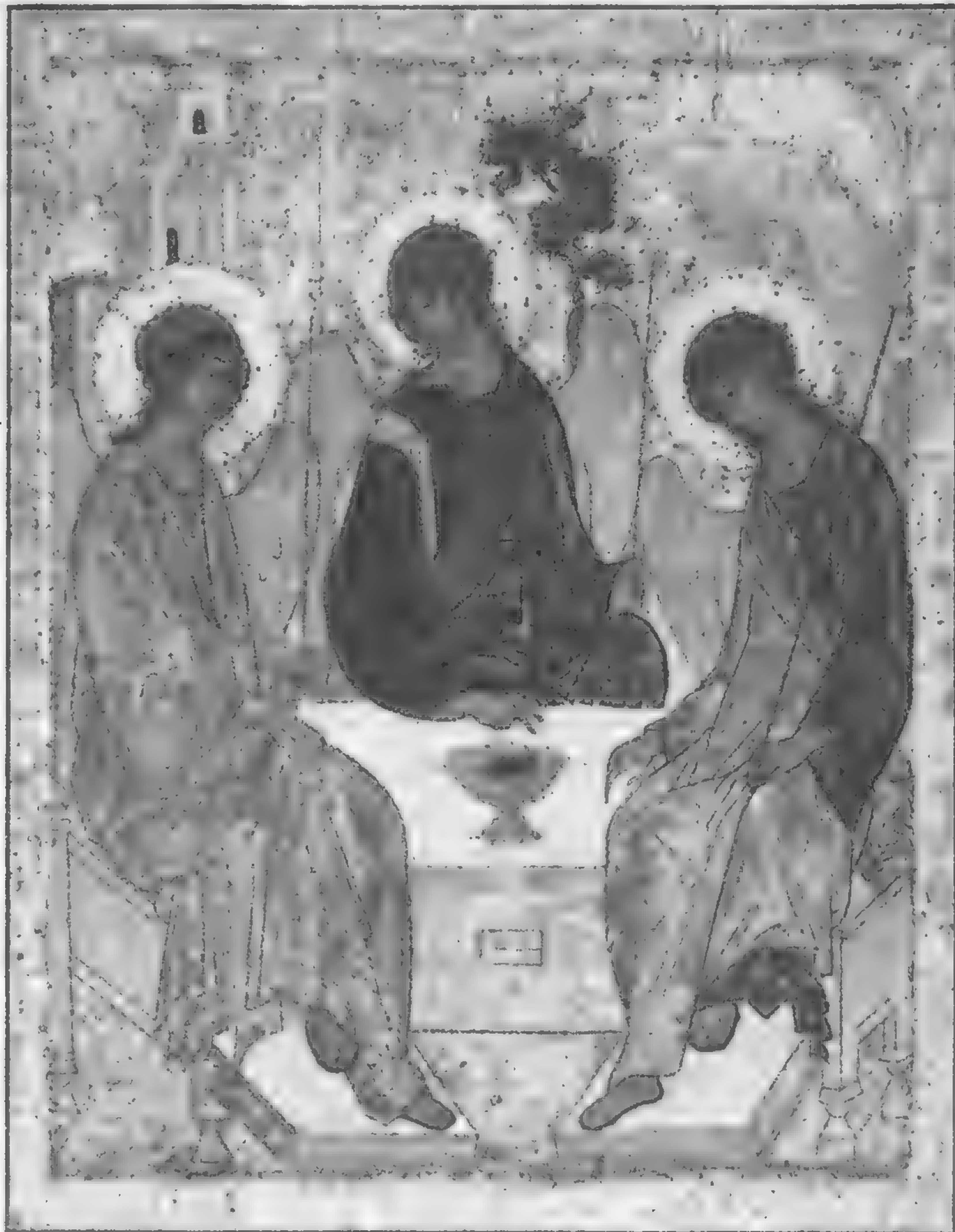
— Он осадил Корсунь — этот греческий город сейчас входит в черту Севастополя. — Корсунь пала, и, по преданию, князь сам крестился в корсунской крещальне, сохранившейся, кстати, до наших дней.

— Тогда Василий II отдал свою сестру за Владимира I, и в династическом плане Русь поднялась на невиданную высоту, она породнилась с императорским домом Византии. И Владимир Мономах был потомком византийских императоров. Из варварской державы на краю света вдруг появилась держава с мировой культурой, мировой религией, и сразу это было озаменовано расцветом древнерусской культуры. Необычайный расцвет виден уже по строительству Софии в Киеве. Это до сих пор центральное архитектурное сооружение в городе.

— И почти тысячу лет киевская Оранта, мозаичная Богородица Нерушимая Стена воздетыми в молитве руками удерживает свод храма. И смальта, из которой она сложена, не потускнела и не осыпалась, несмотря на чреду столетий и разорений матери русских городов.

— А вспомним Полоцкую Софию. Это тоже центральный храм в Полоцке. И новгородский храм Софии. Сколько бы небоскребов ни построили рядом, София будет оставаться центром Новгорода. Если только это будет Новгород, а не какой-то другой, чужой нашей культуре город. Затем собор Спаса в Чернигове: и сейчас это центр Чернигова. Успен-

Андрей Рублев.
Троица.
Начало XV века.

ский собор во Владимире — центральный храм в своем городе. Повсюду возникают храмы, равных которым у соседей по размерам и по красоте не было, ведь в Чехии, в Моравии и в Польше в это время возводились маленькие храмы-ротонды. А к востоку — великая страна с большими храмами — с фресками, мозаикой, замечательными иконами, замечательной литературой. Скажем, «Слово о законе и благодати» Илариона. Это исключительное произведение, потому что таких богословско-политических речей не знала Византия. Там только богословские проповеди, а здесь историософская политическая речь, утверждающая существование Руси, ее связь с мировой историей, ее место в мировой истории. Это поразительное явление, так же точно, как поразительное явление — Начальная летопись. Потом произведения Феодосия Печерского, затем сам Владимир Мономах, в своем «Поучении» соединяющий высокое христианство с воинскими языческими идеалами. Таким образом, Русь сразу становится мировой державой, а Киев — соперником Константинополя.

— Мне хочется обратить внимание наших читателей на то, какими живыми были для современников связи культурных традиций. Если мы не будем по-пушкински «будить мечту сердечной силой», мы не заметим, что знаменитая Ярославна сопоставляется с той же киевской Богородицей Нерушимой Стеной: ведь Ярославна своей страстной мольбой тоже удерживает обожженные стены Путивля. И такое сближение тем важнее, что в 1185 году единственный город, взятый половцами, пал после того, как рухнули, не выдержав тяжести защитников, две городицы с людьми. И, значит, стена между башнями-городницами. А воздетые к Ветру, Днепру и Солнцу руки Ярославны незримо поддерживают стену. А разве не так сравнивали с Марией своих дам в том же XII веке трубадуры? И разве не помогает Ярославне ветхозаветная Рахиль, ведь Плач Ярославны пронизан цитатами из Плача Рахили: «На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ...» — «Гласъ въ Раме слышенъ бысть. Плачь и рыдание, и вопль многъ...» Читатель древнерусский не

требовал комментария этих «сближений». Нам куда труднее... Но как вышло, что Русь так быстро проходит ученическую стадию и включается в мировую культуру на правах равного диалога с ней?

— Я думаю, это потому, что была богатейшая основа в виде фольклора, в виде развитой правовой системы: «Русская Правда» создана, очевидно, до христианизации Руси.

— Значит, почва была уже подготовлена?

— Почва была подготовлена еще великим путем из Варяг в Греки. Ведь Русь владела северо-южным европейским путем. В XII веке он перекочевал на запад, но двумя столетиями раньше великий путь из Варяг в Греки был основным. И христианство идет именно по этому пути. И недаром создается легенда о том, что апостол Андрей путешествовал по этому пути. Здесь, в Херсонесе (той же Корсунь), в Киеве, Новгороде — в этих двух центрах Руси — на этом великом пути и возникает наше христианство. Оно появляется уже в тех языческих войсках, которые нападали на Константинополь. Если по договору с греками 911 года Русь представлена главным образом язычниками, то договор 944 года в первую очередь подписан христианами.

— Это видно по именам?

— Нет, просто в договоре указано. Если вы прочтаете в Повести временных лет договор 944 года, там сказано, что русь-христиане клянутся в церкви Ильи, а русь-язычники клянутся у своих богов в Киеве. Русь была поразительной державой, в которой соединялись и финно-угорские народы, и тюркские народы, и народы иранские, и восточные славяне. Это видно по именам и по именам богов. Что такое Мокошь? Племя Мокошь. Что такое Перун? Это финно-угорский Перкун. А у нас — Велес-Волос, Стрибог...

— Вспомним еще из «Слова о полку Игореве» — Хорс, Дажьбог.

— Тем более Русь нуждалась в политическом объединении. И за несколько лет до принятия христианства, в 980 году, Владимир пытается создать пантеон языческих богов. Но это не выходит.

— То есть незадолго до крещения Владимир

пытается «ввести» язычество, только упорядоченное. Почему же это не вышло?

— Я думаю, что тут причины совершенно объективные: язычество все было раздроблено по местностям и племенам. И объединить можно было только верхушку язычества, но не всю религию целиком. Кроме того, это религия без развитой письменности, и сказалась изолированность язычества от всей Европы, от Византии.

— Другими словами, язычество было хорошо дома, на полянке?

— Вот именно — на полянке. И оно до времени действительно было хорошо, ведь и в язычестве была своя мораль. И очень важная. Вот вышла замечательная книга Марины Михайловны Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» (1986), где доказывается, что каждый обряд включает в себе некую моральную норму. Что такое толока? Это общая работа всей деревни. Но в христианской Руси, на той стадии экономического развития, когда потребность в общей работе отпала, потому что крестьянин владел своей землей и мог ее обрабатывать сам, толока превратилась в форму помощи бедным семьям. Тем, у которых не было главы семейства.

— Название этого обряда от глагола «толочь»?

— Да. Но вспомните еще, как в «Слове о полку» называют союзников-язычников? Они упомянуты в сие Святослава.

— Толковины.

— Вот и дохристианская славянская деревня объединялась во время толоки. И еще о так называемом «двоеверии». Я думаю, что это кабинетный миф. Двоеверие не могло существовать, потому что вы не можете одновременно верить и в языческих богов, и быть христианином. Это невозможно.

— Это значит, что человек не верит ни в то, ни в это?

— Или лжет.

— Или верит в Христа как еще в одного языческого бога.

— Поскольку высшее язычество было раздробленным, оно и было уничтожено Владимиром довольно мирным путем. Столкнули в воду этих идолов, простоявших в Киеве всего несколько лет. О них оплакали; и о них забыли. И заметьте — не порубили, не сожгли. Проводили с почестями: так обветшалую икону будут класть на воду, доверяя ее реке. И все. Древние боги ушли. А вот язычество в своих земледельческих и бытовых нравственных формах живо до сих пор. Пример — хотя бы домовые.

— Ведь и Мокошь жива в народном сознании. Моя мать, всю войну девочкой прожившая в тверской деревне, сама слышала, что Ивановы живут богато, им по ночам Мокошь (так!) в амбар зерно носит. Крестьяне помнят Мокошь-Мокошь до сих пор, хотя ее по всем законам не существует уже тысячу лет. Но кто будет говорить о религиозном двоеверии современных крестьян?

— И эта Мокошь никак не противоречит христианству. Вы помните, что Раскольников у Достоевского кланяется на площади земле, просит у земли прощения? Есть научные работы о поклонении и исповеди земле.

— Так до XX века поклонялись и исповедовались стригильники.

— У земли просили прощения, когда плуг или соха драли землю. Люди пели песню, мол, прости, земля родимая, за то, что твою грудушку вспарываю. На вере в землю, на уважении к земле строилось земледелие.

— И христианство на это не покушалось. Ибо иначе как жить, как растить хлеб?

— Это не двоеверие, а особая любовь к земле.

— Рискну даже предположить, что сам термин «двоеверие» появляется как следствие пренебрежения к крестьянскому укладу, как следствие активного непонимания устройства крестьянского хозяйства, быта, жизни.

— Это термин XIX века. И вот что еще очень важно. Вернемся к той же толоке. Люди, чтобы помочь другим, одевались в праздничные одежды, пели веселые песни, наряжали лошадей. Потом устраивались гонки, игры, пирование. Это был праздник. Помощь и милосердие не были вымученными. Не тяжелая обязанность, а праздничный обряд — вот что такое толока. Так же точно, как и вера в могущество деревьев. Вспомним священные рощи Руси. Перынь — священная роща, может быть, последняя, которая гибнет сейчас в Новгороде от невнимания властей. Она постоянно поддерживалась и возобновлялась новгородцами, а сейчас в роще какой-то лагерь — туристский или пионерский, — и люди вытаптывают Перынь... Вера в деревья, в их целительную силу — как это важно! То, что мы сейчас пытаемся привить всякими научными способами, — все это достигалось жизнью, верованиями: дерево живое, и если жить под большим дубом, то долго проживешь, потому что он отдаст часть своей силы. Разве не так? И христианство это приняло: Троица — праздник всего живущего на свете.

— Дмитрий Сергеевич, да вот же это священное Мировое Древо, древнейшая ось мироздания, прямо в вашем кабинете. Я имею в виду деревце за плечом у среднего ангела на репродукции рублевской Троицы. И сейчас в этот день православные церкви украшаются зелеными ветвями. А не так давно московский биолог Г. В. Сумаруков составил хронологическую таблицу бегства из плена Игоря Святославича, и оказалось, что в «Слове о полку» Игорь прощается с Донцом как раз на Троицу, а Донец «расстилал ему зеленую траву на серебряных берегах под сенью зеленого древа»! И это же древо в тоске приклоняется до земли, когда на Русь приходит беда.

— В одной из своих книг я воспроизводил изображение древнерусской иконы, на которой деревья кланяются Богородице. А вспомните икону с Власием — заместителем языческого Волоса, где разноцветные кони. Кони, как цветы.

— Сколь же безболезненно совершалась замена того же Волоса на Власия?

— Я думаю, что этот процесс шел более-менее безболезненно. Потому что восстание волхвов в 1071 году было вызвано в первую очередь голодом, а не защитой старых богов. Волхвы уверяли, что какие-то ведуньи держат жито за горбом. И надо спорить им горбы, чтобы был хлеб. Так что восстание это не чисто религиозное, а экономическое.

— Но, справедливости ради, здесь, видимо, необходимо напомнить читателю и о христианских поучениях против язычества. Когда языческие обряды и мораль входили в противоречие с моралью христианской, церковь занимала жесткую позицию. Был взгляд на языческих богов, как на родоначальников племен, и его придерживался автор Повести временных лет. И был взгляд, как на бесов. Его разделяли многие более поздние церковные писатели. Но разве редко так получалось, что воинствующий христианин сам поступал как самый настоящий язычник, и, борясь с суевием, сам впадал в жестокие суевия?

— Княжеское поведение в миру долгое время определялось языческим кодексом чести и славы. Идеал воина был не христианским, но языческим. Таким он и оставался. Владимир Мономах рассказывает, сколько он походов совершил, с какой быстротой он из Киева достигает Чернигова. Он хвастает этим.

— И это не христианское поведение.

— Не христианское. Но очень похоже на поведение Святослава, который ходил «воз по себе не возяше», и питался, конину ли, зверину ли нарезав потонку, под седло подклав, возил с собой. А спал на попоне. Вот языческий идеал князя. Повторю: мы не знаем подробностей высшего языческого культа. Мы знаем обряды, а они в каждой местности свои. И знаем этические нормы язычества.

— В прошлом году вышла книга, где утверждается, что тот же автор «Слова о полку Игореве» — язычник. Почему это невозможно?

— Невозможно просто потому, что Игорь в конце поэмы едет к церкви Пирогощей Богородицы, и вся поэма пропитана христианским духом. Это верно заметил уже Карл Маркс, хотя он и не был специалистом по «Слову».

— А вот и возразят, что Карл Маркс не специалист, а концовка дописана де монахом!

— Ну тогда все дописано монахом! По «Слову» ясно, что языческое мировоззрение не забыто в XII веке. Но оно приняло ту форму, которая характерна и для XVIII или XIX века, когда писатели обращались к языческим античным богам как к определенным символам. Те же «стрелы Стрибога» у автора «Слова» — это уже не религиозная, а эстетическая стадия язычества.

— Давайте еще скажем, что упоминание языческих божеств и языческой атрибутики у поэта появляется лишь там, где он говорит о прошлом Русской Земли, или о том, как это прошлое определяет собой трагедию настоящего. Языческой раздробленности поэт противопоставляет христианское поведение и христианское единение родины. Потому, кроме Пирогощей церкви, упоминает и два Софийских храма — полоцкий и киевский. Поэт, если развивать вашу, Дмитрий Сергеевич, мысль, показывает, как следование языческим моральным нормам, сколь бы привлекательными они ни были, ведет к трагедии правнуков Дажьбога.

— В прежних богов уже не верили, как в богов. Но экологическая система язычества была принята и христианством.

— Заметим, что это мировой процесс: М. И. Стеблин-Каменский, исследователь творчества североамериканских скальдов, писал, что после христианизации Ирландии и Скандинавии упоминание о языческих богах исчезает на полтора века. И как раз в эпоху «Слова» они вновь входят в поэзию, но уже в ином качестве.

— Язычество не отрицательная величина. Оно представляет собой определенную культурную цен-

ность, которая с принятием христианства не обесценивается, а поднимается на высоту иного миропонимания. Есть такие строки в одном из псалмов: «всякое дыхание да хвалит Господа...» Языческое представление о «всяком дыхании» поднято здесь на недосыгаемую для язычества ступень.

— Есть прекрасная книга Сергея Сергеевича Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы», где автор, в частности, показал, что христианство было выходом из духовного и интеллектуального тупика античности. Такой тупик к началу эры был весьма ощутим античными писателями.

— У нас было по-иному. Просто государство не могло жить разрозненными верованиями. Ведь христианство принимается в момент, когда Владимир объединил Русь. Надо говорить не о выходе из тупика, а о государственной необходимости, обеспечить которую язычество было не в состоянии. Государство Владимира держалось не на полицейской системе и не на одной системе военной. Это было многонациональное государство, потому столь необходима была интернациональная религия. Уже после крещения Руси Иштван I (Стефан I) вводит христианство в Венгрии, где до этого оно существовало лишь местами — у славянских племен, принявших христианство от Кирилла и Мефодия, великих болгарских проповедников. Иштван вводит христианство западного образца, он объединяет Венгрию силой, как Карл Великий крестил перед этим саксонцев оружием. А у нас и оружия не потребовалось. У нас этот процесс был довольно мирным. Что здесь очень важно, для понимания восточного варианта христианства? Вот патриарх Фотий, тот, при котором Аскольд и Дир неудачно штурмовали Константинополь, отправляет болгарскому князю Борису-Михаилу несколько посланий, где говорит, что истина опознается красотой.

— Кажется, спустя тысячу лет кто-то из великих западных физиков утверждал, что если формула красива, то она верна?

— Вот-вот. Как в человеческом лице ничего нельзя изменить, если это здоровое и красивое лицо, так для Фотия истинная религия опознается красотой. И послы Владимира, отправившиеся в разные страны в поисках истинной религии, вернувшись, говорят князю, что надо принимать именно греческую веру, ибо у греков увидели они красоту.

Рельефы Георгиевского собора
в Юрьеве-Польском. 1234 г.

Церковь Покрова на Нерли.
1165 г.

— Но разве мог Владимир знать изречение Фотия?

— Знал или не знал, но этим было пронизано все. В том числе и решение послов, конечно, не столь лаконичное, как это представлено в летописи.

— Значит, мы можем летописи доверять?

— Можем доверять. Даже если ставить под сомнение посылку послов и саму поездку, и аргументацию, как же не доверять самому выбору? Главный аргумент — храмы, покорявшие живой, истинной красотой. Владимир озабочен постройкой храмов, а Иштван I в Венгрии не озабочен. Так же, как Польша и Моравия, принявшие христианство с Запада, не озабочены. А Владимир строит, строит, строит. Приглашает греков. Создает целую сеть ремесел. И потом это сказывается на всей русской культуре. Это проявляется в примате эстетического момента над философским. Кто лучшие русские философы? Державин (в оде «Бог»), Тютчев, Достоевский, Владимир Соловьев. Даже Чернышевский стремится быть писателем. Можно спорить — хорошим или плохим, но русские философы — это все писатели, художники. И «умозрение в красках» — это иконы. Какой наш самый великий трактат начала XV века? Троица Рублева.

— Дмитрий Сергеевич, об этом мне хотелось бы чуть подробнее. Нам говорили, что Гагарин летал, но никакого бога не видел. Конечно, для растущего в атеистической семье ребенка это может быть аргументом. Но можно ли назвать такой атеизм научным, если верующий знает, что икона — «уподобительное изображение», дабы от зрительного образа он мог подняться к тому, что, как сказано у византийского философа, «никакого чувственного образа не имеет»?

— В стремлении к красоте и постижению мира через красоту было преимущество, но был и недостаток.

— Сейчас в «Науке» выходит сборник, где есть статья о монограмме «ИНЦИ», вписанной в колонны здания на рублевской Троице. Это сокращенная запись того, что написал на табличке креста Понтий Пилат. Левая колонна — «I». Справа — «Н». Вместе они составляют «Ц». А последняя буква совпадает с тем же «Н»: такие графические совмещения встречаются в древнерусских книгах. Монограмма у Рублева устроена так, что малейшее искажение пропорций ее убивает. И вот уже спустя несколько десятилетий иконописцы не видят ее, они рационализируют рублевскую архитектуру. Но, может быть, самое удивительное, что тайнопись у Рублева не самоцель, а ключ к философской картине мира.

— Университетского образования на Руси не было, но страна была грамотная. Очень грамотная. В свое время это доказывал по подписям под документами академик А. И. Соболевский, а теперь это ясно по раскопкам в Новгороде. Мы уже перестали удивляться берестяным грамотам. Университетов нет, зато искусство никак не отстает от Запада.

— И идет по самобытному пути.

— Самобытность в чем? Наши храмы веселые, украшенные. Если хотите, тут даже какой-то элемент Востока. Или, точнее, элемент веселой красоты. Православное христианство — самое веселое христианство. Помните у Тютчева: «Я лютеран люблю богослуженье»? Но поэт подчеркивает мрачность этого богослужения. Обратите внимание, что и католические храмы суровы в своей грандиозности. Тогда как русский храм благодаря светлому, яркому, сияющему иконостасу, благодаря очеловеченному устройству пространства, его космизму и золоту огня просто красив. И светел.

— Давайте остановимся хотя бы на одном памятнике. Прошлым летом я был поражен Спасо-Преображенским собором Мирожского монастыря в Пскове. Сейчас там закончилась реставрация, и во всем великолепии предстали фрески середины XII века. Вот к куполу возносятся на многоцветной радуге Христос, а лучи света из узких окошек его поддерживают. Вот из такого же оконца тянется луч от архангела к Марии. А вот древнерусские мастера пошли на нарушение канона и написали композицию Сретения зеркально. Отступив от буквы, они добились того, что Мария протягивает младенца в центр храма, где на престоле уже сидит ее взрослый сын. Тут каждой псковитянке должно быть понятно: как она принесла сюда свое чадо, так было когда-то и с Марией. Почему понятно? Да потому, что дорога от города как раз и расположена справа налево, с юга на север. И вся северная часть храма повествует о смерти, а южная — о воскресении. А вот пещера с погребенным Лазарем на глазах из черного провала превращается в зеленое дерево. Так при самом беглом первом взгляде видно, что пересекаются верования языческие и христианские, делается гениальная попытка прорыва в одуховленный и одухотворенный космос. Нет картины Страшного Суда: вместо нее — сошествие Святого Духа на апостолов. Оглядываешься, где же Страшный Суд? А он здесь, в тебе, в твоей душе, потому что Судия уже сидит на престоле прямо перед тобой. И более всего меня поразило, что храм расписывали греческие и русские мастера вместе, но создали даже не ансамбль фресок, а единое повествование, аналогов которому я не знаю.

— Надо сказать, что Русь никогда не была отгорожена от других стран: она впитала в себя и византийскую культуру, и западную, и скандинавскую, и культуру южных соседей — кочевников. Потому что своя основа была необычайно сильна. Какой язык был у нас еще до влияния церковного, книжного языка? Как поразительны по краткости и красоте обращения князей к войску и речи на княжеских съездах! Эта не фольклорная, но ораторская, устная традиция была необычайно сильна.

— Дмитрий Сергеевич, хотелось бы коснуться роли монастырей в христианизации Руси.

— Роль монастырей чрезвычайно интересна. Мы привыкли к тому, что культура развивается главным образом в городах. На самом же деле смерды с самого начала становятся крестьянами, то есть христианами. В древнейшей летописи смерды упоминаются только один раз. Значит, в крестьянской среде христианство распространялось очень быстро. И это невозможно было при помощи меча, но возможно при помощи самого язычества, которое христианизовывалось и делало понятным христианство. Смерды видели в христианстве как бы продолжение своего язычества. Но открывались новые горизонты, и они готовы были эти горизонты принять. Русь поняла, что, помимо кругового календарного времени, есть и горизонтальное, в которое втянуты соседние народы. Или, скажем, вертикальное время.

— Круг стал спиралью?

— Да. Христианство у нас начало развиваться по великому пути из Варяг в Греки потому, что тут видели иностранцев, иноземные товары, знали о существовании других народов. И тут появляется понимание, что история не ограничивается местными курганами, что есть история человечества. У славян была письменность, но письменность неорганизованная. Ведь черноризец Храбор говорит о том, что славяне писали чертами и резами, но без устройства. Для первой письменности использовались или свои знаки, или даже греческие буквы. Скажем, знак того, что в этом сосуде находится вино, и такого-то сорта, а в этом — зерно. С христианством пришла письменность иного, высочайшего класса. Это была письменность с устройением, со знаками препинания, с разде-

лением на слова, с определенной грамматикой. Это письменность литературного языка и богатейшей литературы. Появляются сложнейшие понятия: значит, язык был подготовлен к принятию христианской идеи, к принятию письменности. И тут примечательна роль монастырей. Как осваивались новые земли? Они осваивались монастырями, где прежде всего занимались письменностью. Самое богоугодное дело — письмо. Вот почему при продвижении христианской культуры на север сначала образуются монастыри. Ярославль — это Спасо-Преображенский монастырь. Вологда — Кирилло-Белозерский монастырь. И там главным образом развивается письменность. Потом Валаам. И там письмо. Потом Соловки — и там та же картина. При монастырях колоссальные книгописные мастерские. Книга осваивала новые территории. Теперь ясно, что в Сибирь возли книги. И этим завоевали Сибирь. Не столько оружием, сколько книгой.

— Вспомним хотя бы так называемую зырянскую Троицу, икону с пространной надписью по-зырянски, сделанную Стефаном Пермским, просветителем зырян. Она дошла до нас из XIV века, и ее можно увидеть в вологодском музее.

— Монастыри строились за городом. И Киево-Печерский монастырь был за городом, и Троице-Сергиев, главнейший центр русской книжности, монастырь — мать многих русских монастырей. Наш отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома занимается изучением книжных центров Древней Руси. Совершенно ясно, что книжность идет на окраины, и на окраинах происходит огромная книжная работа. Если сейчас пишут в домах — пятиэтажных и двадцатиэтажных, то тогда писали в лесах.

— А могла ли существовать русская дохристианская литература? Что вы думаете о «Влесовой книге»?

— Это подделка. Ясно, и когда, и как появляется эта примитивная фальсификация, и почему она становится популярна в белоэмигрантской среде. «Влесова книга» — это неинтересно. Давайте о чем-нибудь настоящем...

— Если Русь крещена, как представляют некоторые авторы, огнем и мечом, почему за три века татарщины не произошла реставрация язычества?

— Татаро-монголы, которые завоевали Русь, были многобожниками, а многобожие сильно тем, что признает новых богов. Батый был веротерпим. Когда мусульманство овладело татаро-монголами, тогда и началась священная война Дмитрия Донского против Мамаю. Поход Мамаю — это не просто очередной поход, это поход ислама на Русь.

— Кстати, это понимали и современники: в повестях Куликовского цикла говорится, что Мамай собирается не разрушить русские города, а захватить и владеть ими. То есть ставится задача оккупации и порабощения Руси, ее мусульманизации. И перехода монголо-татар к оседлому владению русскими городами.

— Тогда Дмитрию понадобилась поддержка христианства, и он обращается к Сергию Радонежскому. А Сергий — главный авторитет в русском крестьянстве. Почему? Да потому, что он делал всю крестьянскую работу. Сергий Радонежский — русский аналог Франциска Ассизского: у него то же отношение к природе, птицам, зверям... Это нищенствующее христианство, идущее от бедности и тесно связанное с народом. Но Франциск был на полтора столетия раньше и действительно жил подаянием. Сергий не занимался нищенством, он занимался простой крестьянской работой. Для крестьянина Сергий Радонежский был более авторитетен, чем митрополит, чем церковь в Москве и где бы то ни было.

— Но почему московский князь едет к нему?

— Дмитрию необходимо ополчение. Впервые в русской истории пришла нужда мобилизовывать народное, крестьянское ополчение. И князь обращается к главному авторитету крестьянства, христианства. Для них Сергий глава народа. И Сергий Радонежский пошел на нарушение церковных канонных...

— Дал Дмитрию двух иноков...

— Не просто иноков, а схимников! И это не значит, что дал двух богатых. Два богатыря, какими бы они ни были, ничего бы не значили в такой битве. Но они создали уверенность у войска, что это святая битва, что умершие здесь пойдут в рай, что эта битва не просто убийство ради спасения родины, а священная война. Они идут защищать свою землю и потому разрушают на Оке за собой перевозы. Они перешли. И назад не пойдут: они тут станут, на Рязанской земле.

— И тут умрут, скрепив своей кровью русскую землю. Недаром само понятие Россия появляется с конца XIV столетия. Напомним, что и Андрей Рублев пишет Троицу «в похвалу преподобному отцу Сергию», и — как сказано у Епифания — «дабы воззрением на Святую Троицу уничтожался страх розни мира сего».

— Сергей Радонежский был проводником определенных идей и традиций: с церковью связывалось единство Руси. Князья ссорились, наводили татар на Русскую Землю, как когда-то половцев. Шло постоянное соперничество за великое княжение, за титул великого князя. А церковь-то была едина. И поэтому главная идея рублевской Троицы — идея единства, столь важная во тьме разделения нашего... Дмитрий Донской начинает не с объединения территории, а с объединения национально-нравственного. Этим-то и замечателен московский князь, ставший во главе русского войска. И Москва от этого выиграла в глазах всей Руси. Она выиграла не потому, что, как пытаются это доказать, стояла на очень выгодных торговых путях, а потому, что в этой сложнейшей ситуации возглавила политику объединения Русской Земли. То есть Москва выиграла духовно.

— Но есть же экономические законы!

— У нас бытует неправильное, вульгарное представление об экономических законах. Эти законы, конечно, в основе всего, но когда они приводят к духовному процветанию, в какой-то момент духовное начало начинает играть главную роль. Москва не была экономически сильнее Твери или Новгорода, она оказалась духовно сильнее. Если Новгород ничего не делал для объединения Руси, потому что был республикой, то в Москву переехал митрополит Всея Руси, и Москва стала символом духовного объединения.

— Был ли обязательным церковный раскол в XVII веке? Были ли необходимы и неизбежны никонианские реформы?

— В какой-то мере они были обязательны, но могли быть иными. Москва стала центром и для Украины, и для Белоруссии, и поэтому православная церковь должна была иметь единые обряды. Инициатором раскола был Никон, потому что он отменил старое двуперстие ради нового троеперстия. К тому времени обряды у греков, как говорили на Руси, «испоганились», было много «новизны», а в России сохранялись традиционные обычаи. Можно было найти какое-то компромиссное решение, но Никон взял сторону Украины для объединения ее и Белоруссии с Россией. На Украине же было «от грек идущее» троеперстие. Сейчас ясно, что во многих случаях старообрядцы были правы, поэтому, как известно, никонианам пришлось подделывать некоторые документы. Кроме того, Никон обладал чрезвычайно жестоким характером. Как и Алексей Михайлович, тоже обладавший крутым характером: недаром он был отцом Петра. Никон и Алексей начали вводить обрядовое единообразие очень жестокими мерами, чем усилили раскол русской церкви. Вот пример роли личности в истории.

— Когда же наступает тот исторический миг, после которого духовные искания цвета нации расходятся с установками официальной ортодоксии?

— Я думаю, что очень большую роль, отрицательную роль, тут сыграла система семинарского обучения. В XIX веке на смену дворянскому образованию пришло семинарское. На смену дворянской культуре — разночинная. Культура Добролюбова и Чернышевского. Разночинство было главным проводником атеизма, потому что их образовательной опорой была, как это ни парадоксально, семинария. Она отбивала охоту от казавшихся устарелыми церковных догм. Когда к священным предметам и обычаям слишком близко подходит человек, священное теряет обаяние священности. Слишком обыденной, слишком простой стала церковь для интеллигенции из разночинцев. Было в ней что-то деревенское, устарелое. Было и что-то от театра, где роли и актеры заранее известны. Кроме того, как и у католиков, в наших семинариях проводились дискуссии: кто-то брал на себя роль атеиста или еретика, и ученики вживались в роль просто по юношескому духу противоречия. Их атеизм провоцировался начальством и преподаванием. Но главная причина, конечно, заключалась в том, что вообще весь цивилизованный мир становился атеистическим. Это относится и к Европе, и к Америке. Появление материалистов было закономерностью развития тогдашней науки. Есть научный дух, разный в разные времена. Скажем, в эпоху Ренессанса наука была зрительной, поэтому в Италии образуется академия Рысьих глаз. В это время главный признак ученого — точный глаз, способный замечать и мелкое в быту, и то, что на небе, например, звезды в телескоп. Потом наступает период математизации науки и объяснения явления из самого явления. Затем появляется формула: человек есть то, что он ест. Появляются всякие Базаровы. Базаров — это явление общеевропейское, потому что наука переживает такой период, что Бог ей не нужен. А потом, уже в XX веке, в космическом пространстве и в пространстве атома обнаруживаются различные неясные явления, и тут ученый может быть и верующим человеком. Таких случаев мы знаем немало.

— Но сначала, еще веке в XVI—XVII, когда зарождается конфликт науки и церкви, когда

западноевропейские ученые в рясах в силу научных фактов вынуждены идти против церковной картины мира, видимо, в этом конфликте повинна сама ортодоксия? Ведь монах Коперник выступает против геоцентрической системы языка Птолемея и язычника Аристотеля.

— Конечно. Но и ученому XIX века казалось, что вот-вот здание науки будет достроено и все будет объяснено. Так до появления таблицы Менделеева. И возникает миллион новых вопросов. После таблицы Менделеева появляется возможность атомной физики. И расширяющаяся Вселенная, и многое другое.

— Целые отрасли современной науки выросли из религиозных исканий средневековых ученых. Скажем, из подсчета, сколько ангелов поместятся на острие иглы, возникло интегральное и дифференциальное исчисление, теория «размытых множеств». Многие из того, что наукой было сделано в архив как суеверие, в конце XX века осмысливается как прозрение донаучной мысли.

— Многие идут от недостатка воображения. Система Коперника и Галилея не покушалась на церковные догмы: Земля могла оставаться центром Вселенной и вращаясь вокруг Солнца. Просто надо было построить несколько более сложную математическую модель. Ведь Солнце само движется в космическом пространстве.

— И чтобы заключить эту тему: у нас образуется разрыв между развитием собственно религиозной мысли и ее оппонентом — научным атеизмом. Критика религии у нас нередко подменяется тем, что ниже всякой критики. Пользуясь случаем, хочется сказать о необходимости специального издания, некоего «Диалога», где на равных правах выступали бы ученые, богословы, философы, поэты и писатели. Так по крайней мере мы сможем освободиться от предрассудков, найти общие точки позиций. И уж, во всяком случае, не вести полемику в разных плоскостях, не слыша и не понимая друг друга. Итак, когда же идеология официального православия стала духовным тормозом в развитии нации? Откуда отсчитывать? С николаевской формулы Самодержавие — Православие — Народность? Или раньше? Почему декабристы в своем большинстве люди верующие, а разночинцы — нет?

— Я думаю, что очень многое зависело от Петра I. Хотя сам Петр любил православное богослужение и пел на клиросе и ни в коем случае не был атеистом. Петровские реформы были продолжением реформ Никона и привели к страшному падению авторитета церкви. Если исповедник лишается права тайны исповеди, если священник государственным указом обязан доносить, то какой же может быть авторитет у церкви? Тут и расцветает старообрядчество. Расцветает не столько при Алексее Михайловиче, сколько при Петре и Николае I. И уже ничего нельзя сделать. Роль Николая I в этом процессе очень отрицательная: он гонением на староверов во многом разрушил экономику России. Наиболее состоятельный и работающий класс — старообрядцы. И уральскую промышленность старообрядцы создали. Законы Николая I против них разрушили русскую металлургию. При Екатерине и при Александре I русская артиллерия была первой в мире. Россия была передовой по количеству и по качеству выплавляемого металла. Если вы спросите археологов, копающих на Бородинском поле, они скажут, что сразу видны отличия русских ядер от французских. У русских качество отливки другое, нет раковин. Захваченные англичанами русские пушки старой отливки стоят во многих английских и шотландских городах. До сих пор англичане восхищаются качеством отливки этих пушек. А при Николае Россия начинает отставать.

— А все же почему уваровско-николаевская формула Самодержавие — Православие — Народность была с таким отвращением встречена русской интеллигенцией?

— Самодержавие нельзя было отождествлять с православием. Я не берусь судить, насколько тут вина церкви, хотя вина, скажем, митрополита Фотия и других была. Гарантия авторитета церкви — отдельность ее от государства. Церковь и государство переплелись, и все вины государства падали на церковь. Эта формула погубила тогдашнее православие или, во всяком случае, подрубила его. Церковь должна быть отделена от государства. Тысячелетие назад христианство стало государственной религией Древней Руси и объединило Русь, а потом Россию, Белоруссию и Украину. В этом была сила, в этом же и слабость: подчиненная государству церковь утратила свою духовную свободу, свободу совести. Дальнейшее было предопределено: верующий — значит, монархист. А христианство — это не идеология, буржуазная или социалистическая. Это мировоззрение плюс этические нормы поведения в быту, в жизни.

— Последние лет пятнадцать на страницах наших газет замелькало слово «духовность». Упо-

требляется оно в сугубо светском смысле и противопоставляется бездуховности...

— Я не знаю, что такое «духовность» в газетном смысле. Слово пестрит, но определения ему никто не дает.

— Так что же, слово-фантом? Слово-эрзац?

— Я понимаю так: если под этим подразумевается жизнь умственная, жизнь интеллектуальная, то уровень ее действительно падает. Падают интеллектуальные интересы — меньше стали читать философскую, классическую, художественную литературу, настоящую поэзию. В поэзию вторгаются фельетонизм. Это плохо. Интеллектуальная сторона, столь сильная в Пушкине, Тютчеве, Фете, в поэзии Владимира Соловьева и Александра Блока, сейчас у наших наиболее популярных поэтов ослаблена. Стихотворный фельетон, то есть стихи, разоблачающие или воспевающие какое-то событие общественной жизни, подменяет поэзию. Это, кстати, было и у Некрасова. Но все-таки Некрасов умел поднять фельетон до поэзии, а нынешние не умеют.

— Несомненен вклад русской православной церкви в Победу над фашизмом. Почему же не появились яркие церковные памятники, или мы просто не знаем этих произведений?

— Ну где же они могли появиться, если не печатали Платонова и Набокова? Тем более, что общедуховное падение коснулось и церкви.

— И тем не менее в 70-е годы многие из моих сверстников обратились к религии. Гражданская реализация личности была крайне затруднена для того, кто не хотел принимать участия в словословиях или делать карьеру...

— Ну, тут я с вами, Андрей Юрьевич, не соглашусь. Когда человек идет в церковь ради моды или только ради перемены мировоззрения, — это тоже ложь. Церковь — это не одна перемена мировоззрения, это уже перемена образа жизни, обычаев. У верующего и быт должен быть религиозным, с соблюдением постов, праздников и так далее. А многие ходили в церковь из чувства протеста против официальной лжи. И в этом тоже был элемент лжи. Христианство требует не одного христианского мировоззрения, а действий. Без действий вера мертва. А действий-то и не было.

— Веру верить значит дело делать? Но в 70-е годы печать забила тревогу: комсомольцы крестят детей. А православные батюшки стали даже поговаривать о втором крещении Руси.

— Очень неточное выражение. Христианство было на Руси и до крещения Руси, до принятия христианства. И княгиня Ольга крестилась, и церковь Ильи существовала в Киеве. Крещение Руси — официальное принятие христианства государством, соединение церкви и государства. Говорить о втором крещении Руси ни в коем случае нельзя, это было бы несчастьем для христианства — воссоединение церкви и государства. Наоборот, церковь должна быть полностью отделена от государства для того, чтобы она могла свободно развиваться и быть религией в полном смысле этого слова. Вообще общественный прогресс заключается в свободе, в увеличении сектора свободы. Я писал об этом в статье «О будущем литературы», она повторена и в моем трехтомнике. Сектор свободы по всем линиям увеличивается, а сектор свободы церкви в том, что она отрешается от своей зависимости от государства. Зависимости какой? Либо поощрительной, либо непоощрительной.

— Вопрос из волнующих сегодня особо: почему христианин не может быть националистом, а националист — христианином?

— Это легкий вопрос. Потому что христианство — вселенская религия, в равной мере религия и для негров, и для китайцев. Поскольку христианство интернационально, постольку оно является великой религией. Если оно сводится к религии национальной, оно перестает быть собой. Мне не хочется упоминать религий, замкнутых в одном народе. Их несколько, но это большой недостаток этих религий.

— Дмитрий Сергеевич, в чем же главный итог юбилея русской церкви?

— В том, что церковь не должна вмешиваться в дела государства, а государство — в дела церкви. Эта зависимость их друг от друга была predetermined еще Владимиром I. Многие еще предстоит сделать, в частности преодолеть страх чиновников. Вот малый пример: под Гатчиной перед музеем Вырской почтовой станции кто-то боится поставить крест на восстановленной часовне. Тоже суеверие? Наконец, надо издать Библию, потому что Библия — это код современного искусства. Значит, от такого положения страдают не только верующие, но и атеисты. Мы воспитываем патриотизм, но не знаем богатейшей древнерусской словесности, ведь она недоступна без знания христианской проблематики. Отсюда и спекуляции, и секты, и увлечение бог знает чем. Остается надеяться, что положение поправимо, если мы не будем бояться диалога.

Беседу вел и записал Андрей ЧЕРНОВ.

Юрий РОСТ

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ СВИНАРОК НА ПЛЕНЭРЕ

И потянулись, как журавли весной, хорошие слова о том, что работать надо, как написано этими словами. И во главе клина самые главные на самых главных страницах...

И многие произносят их и полагают, что остальные должны следовать этим словам, что справедливо, и многие читают и тоже считают так.

Но некоторые не только не произносят, но и читают мало и потому не знают, как надо работать, а просто делают свое дело, как делали, и волнуются, узнав случайно по телевизору или из печатной продукции, что остальные собираются работать лучше, чем умеют, и тем самым дают понять, что это довольно легко, только они — которые собираются и даже пробуют — ждали новых (в отличие от уже потрепанных употреблением) слов о том, что это необходимо...

Между тем все же кажется, что хорошая работа не бывает легкой и красиво выглядит только если есть красивые условия. Это я оправдываю рабочий вид моих героинь. Извините...

Ефросинья Федоровна Воронова пришла на ферму под Белгородом в 1953 году. И рабочее долголетие ее совхоз отметил выдачей благоустроенного жилья с ванной, в которой, по ее словам, она год просидела для удовольствия. Потом к работе присоединились Любовь Константиновна Пересыпкина и Нина Гавриловская. Красоваться бы им в районных и областных газетах, будь более привлекателен для нашего брата фотографа фон их труда. Но ферма старая, темноватая, хоть и чистенькая внутри, да и холодноватая — не до белых халатов. Но в этом вины их нет. Даже, более того, есть, как пишут в газетах, достижения, что не ждут они, когда соорудят свиньям дворец, а делают свое дело, как привыкли, — хорошо.

И поэтому с гордостью взяли на руки свою хрюкающую продукцию.

— Как там мы получились — не важно, — сказала Ефросинья Федоровна, став между товарками, как Илья Муромец, — главное, чтоб поросята хорошо вышли — чисто. Они наш главный внешний вид.

Поросята вышли чисто.

Тысячи туристов и командированных со всей страны, приезжая в Ленинград на Московский вокзал, первым делом спешат в расположенную поблизости гостиницу «Октябрьская». И для многих из них становится она гостеприимным и уютным домом. Построенная на месте бывшего «слонового двора» около ста пятидесяти лет назад и предназначавшаяся первоначально под увеселительное заведение с казино, она хранит множество воспоминаний, по-настоящему исторически значимых и сенсационных, трогательных и комических. Сегодня бывшая «Знаменская», а впоследствии «Большая северная» также может многое рассказать о своих постояльцах.

ПОСЛЕ НАС ХОТЬ ПОТОП...

Виталий ЗАСЕЕВ,
спец. корр. «Огонька»

ОГРАБЛЕНИЕ ПО... СЕКУНДОМЕРУ

В тот ноябрьский, 1986 года, день в Ленинграде стояла ненастная погода, и самым заветным желанием туристов, прибывших в Северную Пальмиру из совхоза «Сафоновский» Раменского района Подмоскovie, было, конечно же, поскорее заполучить крышу над головой. Животноводов и механизаторов, полеводов и шоферов разместили в уютных, со вкусом обставленных номерах. Предупредительная дежурная по бельэтажу Невской линии гостиницы, той самой, которая принимала когда-то участников «Олимпиады-80», Зоя Васильевна Иванова хлопотала, сбиваясь с ног. Истинная ленинградка, она дорожила честью родного города и изо всех сил старалась побыстрее разместить озябших людей. Индийский чай с душицей, печенье, шоколад, конфеты — все было предоставлено в их распоряжение. Однако раменцы не спешили становиться в очередь к самовару. Из комплекта стакана с подстаканником явное предпочтение отдавали первому. «То, что мы пьем, пальцы не обжигает», — красноречиво шутили они.

Зоя Васильевна рассказывала прибывшим гостям, как побыстрее добраться до Эрмитажа, где сделать пересадку, чтобы удобнее проехать в Петропавловскую крепость, но, как выяснилось вскоре, тружеников полей и ферм интересовала одна достопримечательность — ближайший магазин вин.

— Попойки начались с первых часов пребывания их в городе, — рассказывали мне позже дежурные и горничные по этажу. — Пили всё, что удавалось достать, а напившись, дебоширили и сквернословили. И так трое суток кряду. Наконец, пятого ноября, изрядно помятые и опустошенные, совхозные туристы начали отбывать из гостиницы.

— Вы бы видели, во что они превра-

тили номера, — с болью в голосе вспоминает З. Иванова. — Залитые вином стены и ковры, темные пятна от окурков, которые умышленно гасились о полированную поверхность мебели, исполованное постельное белье и полотенца... Мне было им стыдно смотреть в глаза, и хотелось одного, чтобы они как можно скорее выписались и оставили гостиницу раз и навсегда...

З. Иванова — одна из самых корректных и терпимых старших горничных «Октябрьской», но и ее начинает «колотить», когда она вспоминает о нашестии раменцев.

— Одним из последних в тот день покидал номер В. С. Гришаков, представившийся совхозным шофером, — продолжает Зоя Васильевна. — Он занимал одноместный полулюкс и, как мне показалось, еле держался на ногах. Приняв его номер и убедившись, что все на месте, я по обычаю заглянула в ванную комнату и обнаружила там забытую Гришаковым бритву. Он уже стоял в коридоре с сумкой в руках и виновато улыбался. Мне его стало жалко. «Раскаивается, должно быть», — подумала я про себя.

— Бритву-то вы кому оставили? — как можно дружелюбнее сказала я Гришакову и, пропуская его, вышла в коридор.

Не зря говорят — вор караульщика стережет.

— В этот момент в номере напротив раздался грохот бьющейся посуды, — как бы вновь переживая случившееся, упавшим голосом рассказывает З. Иванова. — Как выяснилось потом, отъезжающие с Гришаковым односельчане вываливали пустые бутылки. Желая предупредить очередной вандализм, я кинулась в их номер и пробыла там от силы секунд десять. А вернувшись, застала Гришакова возле двери с ключом в руках. Теперь уже на его лице блуждала загадочная улыбка. «Номер я закрыл, до свидания, — сказал Гри-

шаков и протянул мне ключ. — Спасибо, что о бритве напомнили. А то пришлось бы новую покупать...»

Едва за ним захлопнулась дверь, как в его номер поспешила горничная. На очереди была группа туристов из ФРГ. То, что она увидела, потрясло ее...

Позже, с секундомером в руках, восстанавливая ситуацию, в которой орудовал Гришаков, я и сам, признаться, изумлялся проворности совхозного шофера. За десять секунд ему удалось «с мясом» вырвать из стены телефонный шнур, снять с трехметровой высоты хорошо укрепленные портьеры, открыть сумку и уложить в нее похищенное, выйти из номера, не забыв при этом о собственной бритве, и дважды повернуть ключ в замке. Должно быть, на этот раз гостиницу посетил подлинный профессионал своего дела, о котором в народе говорят, что при желании он из-под стоячего подшошу срежет.

Как выяснилось позже, ущерб, нанесенный В. Гришаковым, составил более ста тридцати рублей. Однако сколько ни писали об этом совхозному начальству работники гостиницы, к кому ни обращались — ответа не последовало.

«КОВБОЙ» ИЗ БАТКЕНА

Солнечным майским днем, а точнее, 4 мая 1987 года, Ленинград осчастливил своим визитом Курбанбек Соорбаев. Если верить листку учета, собственноручно заполненному жителем далекого киргизского селения Баткен Ошской области, то привела его сюда с гор Памира не романтика и жажда знакомства с достопримечательностями дитища Петра I, а обычная проза жизни — производственная командировка.

Уезжая к берегам Невы, Курбанбек, должно быть, вспомнил завет предков: «В день, когда ты вооружен, враг не встречается» — и, запасшись острым клинком, сел в самолет. А прибыв в Ленинград и «оседлав» такси, помчался в «Октябрьскую». Ему достался один из лучших номеров с финской мебелью и коврами.

За окном бурлил Невский проспект, приближались величественные белые ночи, и то ли от этого, то ли еще от чего, взгрустнулось тридцатидвухлетнему джигиту, и принялся он... метать в стол с инкрустациями привезенный с собой нож. День метал, второй... А на третий горничная обнаружила следы упражнений «ковбоя» из Баткена. Однако Курбанбек не только не смутился, а даже обрадовался этому. Как-никак, а его «упражнения» наконец-то оценили по достоинству. Почти в сто рублей штрафа обошлись они джигиту.

С брезгливостью бая швырнув деньги на изуродованный стол, Курбанбек Соорбаев вскоре отбыл в родное село Баткен. Не уверен, что есть люди в селении, которые знают о проделках Курбанбека. Но убежден, что, прочитав эти строчки, напомним великовозрастному «ковбою» одну из заповедей жителей Памира: «Делаешь руками — отвечаешь головой». Головой, а не только кошелем.

МОРДОБОЙ ПОД ЗВУКИ КЛАВЕСИНА

Тот день старшая горничная третьего этажа Лиговской линии И. Фомкина запомнит на всю жизнь. Рассказывая корреспонденту «Огонька» о происшедшем, Инна Ивановна признается в сердцах: «Более десяти лет работаю в гостинице. Всякое повидала за это время, но такого...»

Что же так удивило опытную дежурную? Для этого нам придется вернуться в апрель прошлого года.

Когда группа Валерия Леонтьева ясным солнечным днем «высадилась» в Ленинграде, ее встречали с цветами. Работники гостиницы также не поскупились на эмоции и предоставили популярному коллективу лучшие номера.

Ленинградские гастролеры В. Леонтьева проходили с успехом, и у его «команды» были все основания, соответствуясь с прежними нормами поведения, обмывать популярность своего «метра». Справедливости ради отметим, что сам «метр» участия в этом не принимал.

Однажды вечером, когда время приближалось к полуночи, а из трехпрограммного репродуктора лились чарующие звуки клавесина, И. Фомкина услышала душераздирающие вопли, доносившиеся из двухместного полулюкса под номером 566. С детства, когда с замиранием сердца она следила за приключениями Тарзана, Инна Ивановна помнила, что именно так общаются между собой в африканских джунглях встревоженные бабуины. Но еще точнее она знала, что в номере проживают не дрессировщики обезьян, а «сопровожающие В. Леонтьева лица». Торопливо постучав и не услышав ответа, дежурная приоткрыла дверь и... похолодела. Сквозь густую пелену табачного дыма ей представилось жуткое зрелище. Один из членов популярного коллектива, закончив «крестить» стулом своего коллегу, тут же принялся вываливать его... за окно. Тот, кому предстояло выпасть с третьего этажа, хоть и был в стельку пьян, все же соображал, что это для него может плохо кончиться. Усиленно сопротивляясь, он по пути следования к подоконнику пускал в ход все, что попадалось под руку. Как пишут в таких случаях юмористы, номер напоминал посудную лавку, в которой порезвился слон. Переломанные стулья и залитый кровью пол, вдребезги перебитая посуда и напрочь уничтоженный телефонный аппарат, выбитые стекла и порванное постельное белье — таков был итог этой «дружеской вечеринки». Инна Ивановна крикнула, больше от испуга, нежели от возмущения, и это спасло жизнь двадцатичетырехлетнему жителю Киева Игорю Савицкому, которому оставалось совсем немного до «катапультирования» из окна. Ибо его «партнер по команде» Гришин в эти минуты был настроен решительно.

— Они и дальше продолжали бы «расслабляться» в том же духе, если бы не вмешательство милиции, — говорит И. Фомкина.

Утром работники гостиницы подсчитали: «художества» сопровождающих лиц обошлись им без малого в сто пятьдесят рублей. Виновники разгула тут же все оплатили, дабы история эта не попала на страницы газет. Но...

Комментируя акты вандализма, зафиксированные в нескольких папках, начальник эксплуатационного отдела Управления гостиниц исполкома Ленсовета Светлана Георгиевна Черкашина поясняет:

— Чтобы обставить двухместный номер, в котором проживал И. Савицкий и К°, государство расходует около тысячи рублей. Причем мебель заказывается, как правило, специально. Художники и дизайнеры, работающие с нами, внимательно следят за тем, чтобы выдерживался не только общий стиль обстановки, но и вся цветовая гамма его внутреннего интерьера. Сегодня «Октябрьская» относится к числу гостиниц высшего разряда, а следовательно, и требования к ней предъявляют-

ся особые. И приходится нам годами подбирать обстановку, затрачивая не только силы, но и дополнительные средства на ее восстановление. Это, к сожалению, не учитывается при составлении актов вандализма заезжих «гастролеров».

Листая акты и слушая Светлану Георгиевну, подумалось вот о чем. А почему бы не сделать так, чтобы виновник причиненного государству ущерба оплачивал его не в одинарном, а в тройном размере? Да не «втихую» (сердобольные служители гостиниц иной раз прощают своих обидчиков), а с непременным обнародованием их имен, мест работы, занимаемого положения. Думается, настало время использовать гласность и в таком очевидном деле, как перевоспитание хулиганов, которых, к слову сказать, становится все больше и больше. И не только в гостиницах, а и на производстве, в кинотеатрах и концертных залах, на общественном транспорте и даже в больницах.

КОЧУЮЩИЕ АМАЗОНКИ

Кто сказал, что слабый пол не способен нынче повторить «достижения» мужчин в области вандализма? Экстравагантные амазонки из Москвы Светлана Алексеевна Алимбаева и Ирина Валерьевна Добронравова начисто опровергли эти сомнения.

Поселившись в 749-м номере с туристическими намерениями, как собственноручно записали они, Алимбаева

и Добронравова в один из вечеров устроили между собой «Мамаево побоище». Сейчас трудно выяснить причину, по которой схватились не на жизнь, а на смерть кочующие амазонки. Равно как трудно определить, то ли 23-летняя Светлана была 26-летней Ириной, то ли наоборот. Однако, по словам персонала гостиницы, побоище было лютое. Кровь рекой лилась по паркету. В ход пошли: мебель, посуда, телефонный аппарат и другой «подсобный» инвентарь. Разъяренных землячек с трудом удалось уговорить и образумить. Утром, исполнив макияж и старательно заретушировав следы побоев, подружки без промедлений оплатили причиненный гостинице ущерб, дабы работники «Октябрьской» не стали выносить «сор из избы». Вскоре, как ни в чем не бывало, амазонки покинули гостеприимный Ленинград, пообещав на прощание снова сюда вернуться.

СТАКАН ЧАЯ В... ТЫСЯЧУ РУБЛЕЙ

Когда представительница театрального мира Р. Г. Хамидулина получила ключи от 359-го номера, дежурная вежливо ей сообщила: «Чай можете заказывать круглосуточно. Стакан ароматного и крепкого напитка, с сахаром в придачу, стоит... пять копеек».

— Всего пять копеек? — удивилась Хамидулина.

— И притом в любое время суток, — подтвердила дежурная.

Гостья была растрогана до слез. Подумать только, после спектакля, в полночь, за пятак стакан горячего душистого чая... Однако не зря говорят, что лень раньше нас родилась.

Однажды, вернувшись из театра, Р. Хамидулина обнаружила вдруг тьму неудобств с чаем на заказ. Оказалось, что для этого ей надо снять трубку, позвонить дежурной и подождать несколько минут, когда чайник издаст призывную трель...

«Дешево, но неудобно!» — подумала Р. Хамидулина и, не утруждая себя заботами, примостила возле розетки пластмассовый стаканчик с водой и опустила в него дорожный кипятильник. Опустила и буквально на минутку выскочила в соседний номер. О том, какой была эта минутка, можно судить по акту, составленному на следующее утро. В номере 359 сгорели кровать деревянная (217 руб.), стол письменный (167 руб.), ковер (195 руб.)... В общей сложности стакан чая обошелся словоохотливой Хамидулиной в тысячу сорок девять рублей. И хотя это событие произошло два года назад, о нем и сегодня вспоминают в «Октябрьской» с содроганием. Ибо в результате начавшегося пожара могли сгореть не только вещи. Халатность одного человека способна обернуться трагедией для многих людей. Сегодня о таких случаях мы слышим, к сожалению, очень часто.

ПОСЛЕ НАС ХОТЬ ПОТОП

Изучая «почерк» заезжих вандалов, я объехал многие ленинградские гостиницы и везде слышал сетования персонала, суть которых сводилась к одному: благоустройство и гостиничный сервис нынче зачастую превосходят уровень культуры иных людей, въезжающих в номера.

— Взгляните на неорганизованного приезжего, который вымаливает у администратора коечку до утра, — говорит директор одной из крупнейших гостиниц города — «Советская» — Алла Павловна Каштылянова. — В эти минуты он ведет себя сверхинтеллигентно. Но стоит ему въехать в отдельный номер, как его словно подменяют. При наличии специального ключа он предпочитает открывать бутылки только о край стола. Ему покажется заманчивым свою обувь почистить... бархатной шторой, хотя рядом будет лежать сапожная щетка. Мы уже заметили, что такой, с позволения сказать, гость любит раскачиваться на стуле и использовать кровать, как батут. Особенно этим грешат некоторые спортсмены, приезжающие в Ленинград на соревнования. В результате только в нашей гостинице мы ежегодно ремонтируем и обновляем более ста пятидесяти стульев и несколько десятков кроватей.

— Умышленно варварское отношение к гостиничному имуществу уживает-

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА.

ся в таком человеке с мелким жульничеством, — продолжает свой рассказ А. Каштылянова. — Он обязательно устроит получасовой разговор по междугородному телефону и закончит его за минуту до выезда. И будет невинными глазами смотреть на дежурную, подписывающую ему пропуск, а потом опрометью мчаться вон из гостиницы.

Есть и другая разновидность постояльцев. Поселившись по командировочному удостоверению, они тут же начинают вести себя по принципу: «После нас хоть потоп».

Директор «Советской» рассказала о нескольких «свежих» эпизодах из жизни гостиницы.

Когда военнослужащий из Баку Виктор Никифорович Олейников поселился в гостинице, вряд ли кто из обслуживающего персонала мог подозревать о грозящей беде. Подтянутый, общительный, Олейников излучал оптимизм и доброжелательность. Обслуживающая 1132-й номер горничная нарадоваться не могла на своего постояльца. Но вот однажды, вернувшись к себе и изрядно «нагрузившись» спиртным, жизнерадостный В. Олейников задумал на ночь глядя простирнуть носки и еще кое-что. Зашвырнул свое белье в умывальник и открыл кран с горячей водой. По мнению хозяина, к утру вещи должны были стать чище новых. Когда дежурной удалось проникнуть в его номер, тот напоминал больше бассейн, нежели жилое помещение. Рядом с башмаками хозяина плавали деловые бумаги и прочие вещи. Готовилась отшвартоваться от стены и кровать, на которой мирно посасывал заезжий гость.

Утром, окончательно протрезвев и оглядев содеянное, Олейников... наотрез отказался оплачивать причиненный им ущерб. А вскоре с высоко поднятой головой отбыл восвояси.

Конечно, не все так откровенно в собственном бескультурье. Иные, заломив руки и поклонившись, что сполна все оплатят, тут же «смыкаются» из поля зрения работников гостиницы. Именно так повел себя визитер из Москвы Л. И. Ресин, прибывший в Ленинград по командировке издательства «Книга». Проживая в номере 4011, Леонид Ильич по рассеянности включил злополучный кипятильник и... спалив подушку, одеяло и прикроватную тумбочку, «растворился» среди белой ночи. Работники «Советской», проявив настойчивость, разыскали Леонида Ильича, и тогда ему, в меру смущенно, пришлось-таки раскошелиться.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Когда материал был собран и настало время отъезда из Ленинграда, я побывал у начальника Управления гостиниц исполкома Ленсовета Николая Михайловича Казанцева. Он много сил и энергии отдает совершенствованию гостиничного сервиса.

— Конечно же, далеко не все командированные и гости нашего города позволяют себе «отличаться» подобным образом, — говорит Н. Казанцев. — И тем не менее гостиничный вандализм становится подлинным бичом в нашем хозяйстве. Мы порой не успеваем менять интерьер номеров, завозить мебель, аппаратуру, как все это под натиском «гостей» превращается в рухлядь. Вот недавний горький пример. В дни зимних каникул в «Октябрьскую» заехала группа московских школьников. Заехала в сопровождении учителей и родителей. Посидели разок столы и детские в холле первого этажа и... начисто искромсали бритвами и ножами новенькие, только что завезенные и обитые натуральной кожей кресла и диваны. Убыток составил несколько сот рублей, а виновных и след простыл. А что выделывают иные гости с телефонными аппаратами? Мы за год меняем сотни штук взамен покалеченных и искорененных. О мебели вы уже слышали. А о прочем и говорить

не приходится. Сотни выбитых стекол в окнах и дверях, искалеченные умывальники и ванные полочки, тысячи чашек, блюдец, стаканов и тарелок, бесследно исчезнувшие из номеров, — таковы следы деятельности иных наших гостей, которые выросли не в джун-

глях. Я могу назвать десятки фамилий тех, кто считает себя воспитанными и интеллигентными людьми, а, побывав в гостинице, оставляет после себя горькие воспоминания и разочарования. Кое-кто из них выступает со сцены, хорошо поставленным голосом проповедуя высокую мораль нашего общества. Другие несут культуру и знания в массы посредством своего пера. Третьи и вовсе облечены званием воспитателей молодежи. Совершая акты вандализма и бесчестия, они забывают об истине, которая гласит, что пагубность дурного поступка в том и состоит, что таит в себе зародыш новых мерзостей...

И еще. Сегодня кое-кто усиленно хлопочет об отмене дежурных на этаже, о ликвидации швейцаров, призванных следить за поддержанием порядка в гостиницах. Но случись, к примеру, инцидент с Р. Хамидулиной, спалившей целый номер, и не окажись поблизости дежурной — могло бы поглотить целое крыло здания. И сотни спящих людей оказались бы в весьма и весьма критическом положении, если не сказать большего.

Заместитель министра Минжилкомхоза РСФСР Иван Васильевич Терехов, в чьем ведении более двух тысяч гостиниц Российской Федерации, также разделяет мнение Н. Казанцева.

— Говоря о вандализме в гостиницах, — замечает И. Терехов, — можно сослаться на «издержки» воспитания, низкий уровень нравственной культуры иных гостей и туристов, предпочитающих тем не менее жить не в шалашах и палатках, а в комфортабельных номерах с ванными комнатами и цветными телевизорами, кондиционерами и телефонами. Можно, конечно, говорить и о человеческих слабостях. (Ну, увез с собой, по забывчивости, ключ для открывания бутылок.) Однако все это не следует смешивать со злом, которое обходится государству, только по нашим гостиницам, ежегодно почти в четверть миллиона рублей. Слабости и низкий культурный уровень можно прощать. Но со злом надо бороться. Бороться решительно и последовательно, пока оно не превратилось в «нравственный СПИД», излечиться от которого будет не так-то просто.

Публикуя критический репортаж из Ленинграда нашего специального корреспондента, «Огонек» заводит новую рубрику «Досье на варвара», в которой будет рассказываться о вандализме не только в гостиницах, но и на транспорте, в театрах и концертных залах, стадионах и кинотеатрах, а также на производстве и в быту. Ждем ваших писем, уважаемые читатели.

МНЕ СТРАШНО ПОВТОРЯТЬСЯ!

Геннадий СУХИН

Актриса эта поразила меня какой-то легкостью, воздушностью, чистосердечностью. Зритель просто не может остаться равнодушным к душевной ее чистоте, не откликнуться на духовный свет, который исходит от ее героини», — отзывался в проведенном журналом «Искусство кино» двенадцать лет назад опросе о запомнившемся дебюте Евгений Иосифович Габрилович.

«Актрисой» же Вере Глаголевой только предстояло стать.

— Первая киногероиня была моей сверстницей, современницей, и мальчишечьи ее ухватки, руки в карманах джинсов были для меня абсолютно естественными... И начались звонки с киностудий: «Почитай сценарий... Героиня — юная, наивная, искренняя — для тебя...» Я отказывалась. Мне страшно было повториться. Ведь первая роль для актера должна быть точкой отсчета. А она иногда становится и последней его ролью. Начинается «тираж». ...Даже внешний облик второй моей героини — Нади во «Врагах» по М. Горькому — был мне незнаком и чужероден: я никогда не носила соломенных шляпок, длинной косы, никогда не шнуровала высоких ботинок... Иной была ее пластика, манера говорить, держаться; все было настолько другим, что мой житейский опыт современной девчонки вряд ли чем уже мог мне помочь. И нужно было уже действительно перевоплощаться. Я выстраивала роль, преодолевая себя. Собственно, с этой работы и началась для меня актерская профессия.

Ей было у кого учиться: О. Ефремов и И. Смоктуновский, Л. Добржанская, О. Даль и Н. Гриценко, Р. Адомайtis и Н. Русланова... Во «Врагах» и телефильме «Не стреляйте в белых лебедей», в «Звезд

допаде» и в фильме А. Эфроса «В четверг и больше никогда»...

— Я как раз только прочла его книжку «Репетиция — любовь моя». И думала: репетировать мы будем с утра до ночи! А он в первый съемочный день вдруг мне говорит: «Вера, возьми вот эту баночку, подойди к окну, покрути ее там и вылезай в окно...» Спрашиваю: «Анатолий Васильевич, как, вот так прямо сразу?» «Да, да, давай...» Странно, конечно, но у меня даже не возникло сомнений: чего это я с ногами в окно лезу, сижу там, свесила их, как это все вообще объяснить?! — настолько я верила ему. А в следующем эпизоде он мне говорит: «Выпрыгивай из окна!» Оказывается, он за мою героиню все уже прочитал! Вот это для меня и остается святым, когда режиссер точно находит тип, нужный ему, точно знает, про что и какое у него должно быть кино! Мы приходили на площадку, а у него уже совершенно продуманы были до мелочей даже мизансцены! Но у меня было абсолютное ощущение, что все шло от меня, от моей органики, во всяком случае, все было совершенно естественным...

«Вера Глаголева снялась у меня в фильме «В четверг и больше никогда» в одной из главных ролей. Помимо замечательного — с профессиональной точки зрения — результата, должен отметить удивительную естественность ее исполнения, способность легко и разнообразно импровизировать, не изменяя при этом чувству правды, чувству современности. Но самое главное — сужу об этом и по последующим ее работам — в ее исполнении все явственнее звучит голос ее сердца, глубокий, добрый, искренний...» — вспоминал А. В. Эфрос.

Сегодня она одна из самых снимаемых наших актрис. «Искренне Ваш...» и «Воскресный папа», «Зонтик для новобрачных», «Снайперы» и «Сошедшие с небес» — фильмы только последних двух лет. В трех из них — роли главные, когда актриса практически в каждом эпизоде фильма... А еще «Выйти замуж за капитана», где за исполнение главной роли в ежегодном конкурсе журнала «Советский экран» она названа лучшей актрисой в фильмах минувшего года.

А еще телевидение. А фильмы законченные, но пока ждущие своего экранного часа...

Работает она чаще всего в фильмах по добротной литературной основе. В которых судьба персонажа не исчерпывается только тем, что происходит с ним в данный момент. В которых роль оказывается лишь верхним слоем большого и значительного содержания экранной истории. Между прочим, на международном фестивале в Монте-Карло телефильм «О тебе» отмечен был призом «Золотая Нимфа» за лучший сценарий. А писался он в расчете на индивидуальность актрисы Веры Глаголевой!

Профессиональный уровень актерской ее работы в трагическом этом мюзикле достаточно высок. Но фильму нужна была не только индивидуальность, оправдавшая бы соединение живого характера девочки «не от мира сего» с безытийностью, нужно было еще и умение актрисы передать крылатость души своей героини... Чтобы история о странной девушке, от рождения умеющей петь, но не умеющей... разговаривать, оказалась не просто сказкой, но притчей о судьбе таланта, подмятого серой повседневностью обыденщины и суетности. Нужна была актриса, не только внешний облик которой в стилистике картины равнозначен был бы ветру, камышу, реке...

И все-таки очаровательно-непредсказуемая и соседом по коммуналке затерроризированная «эмансипе» со щенячьими притязаниями на самостоятельность — героиня фильма «Выйти замуж за капитана» — завоевала наибольшую популярность из киногероинь прошлого года. Сама актриса уверяет, что девушка эта ей: «...очень симпатична. С ней все складывалось как-то очень легко: тонкий «актерский» режиссер, удачный сценарий, близкий, понятный образ... На сегодняшний день это любимая работа. Правда, чтобы понять, как она движется, сидит, разговаривает, мне не приходилось «ломать» себя. Но вот поступки, которые она совершает, я бы никогда не сделала!»

«В своем письме мне бы хотелось прежде всего выразить признательность за ваш труд. Ваши героини всегда запоминаются, потому что у вас очень достоверная и, главное, разноплановая манера игры... Мне очень понравилось, как вы сыграли Лену, которая полюбила капитана: внешне раскрепощенная, незащищенная, искренняя в своих чувствах, она очень жен-

ственна... Как верно, правдиво вы ее показываете! Я бы очень хотела, чтоб у меня была такая подружка. Или сестра. В таких людях есть что-то близкое мне, дорогое. Мне кажется, вам можно довериться» (из писем актрисе).

— Вера, влияет ли на выбор вами сценария, роли, режиссера ваш муж Родион Нахапетов?

— Никогда! Ну что значит «никогда»? Спрошу его: Радик, как ты думаешь, стоит ли это чего-нибудь? Иногда он говорит: знаешь, не лезь в это дело... Самое обидное, что чаще всего он оказывается прав. «Обидное» — потому что я все-таки на что-то надеюсь, прикидываю для себя: получится кино?! А обнаруживается, что зря мучилась, зря копы ломала...

— Давайте под занавес попробуем традиционные вопросы про хобби, планы, «сверхзадачи» творчества...

— Все мои хобби — это семья. И уроки. Старшая дочь уже в третьем классе, младшая — первоклассница... Люблю ходить в театр. Даже больше, чем в кино... Конечно, я могу заявить о желании своем сыграть роль в диапазоне от Достоевского до Теннесси Уильямса, но пока не будет такого сценария, что проку в том...

— Довольна ли актриса Глаголева творческой своей судьбой?

— Довольна. Была бы только и дальше хорошая работа, материал, не забывали бы только режиссеры...

— Счастлива ли Вера Глаголева?

— Счастлива? Да. Но...

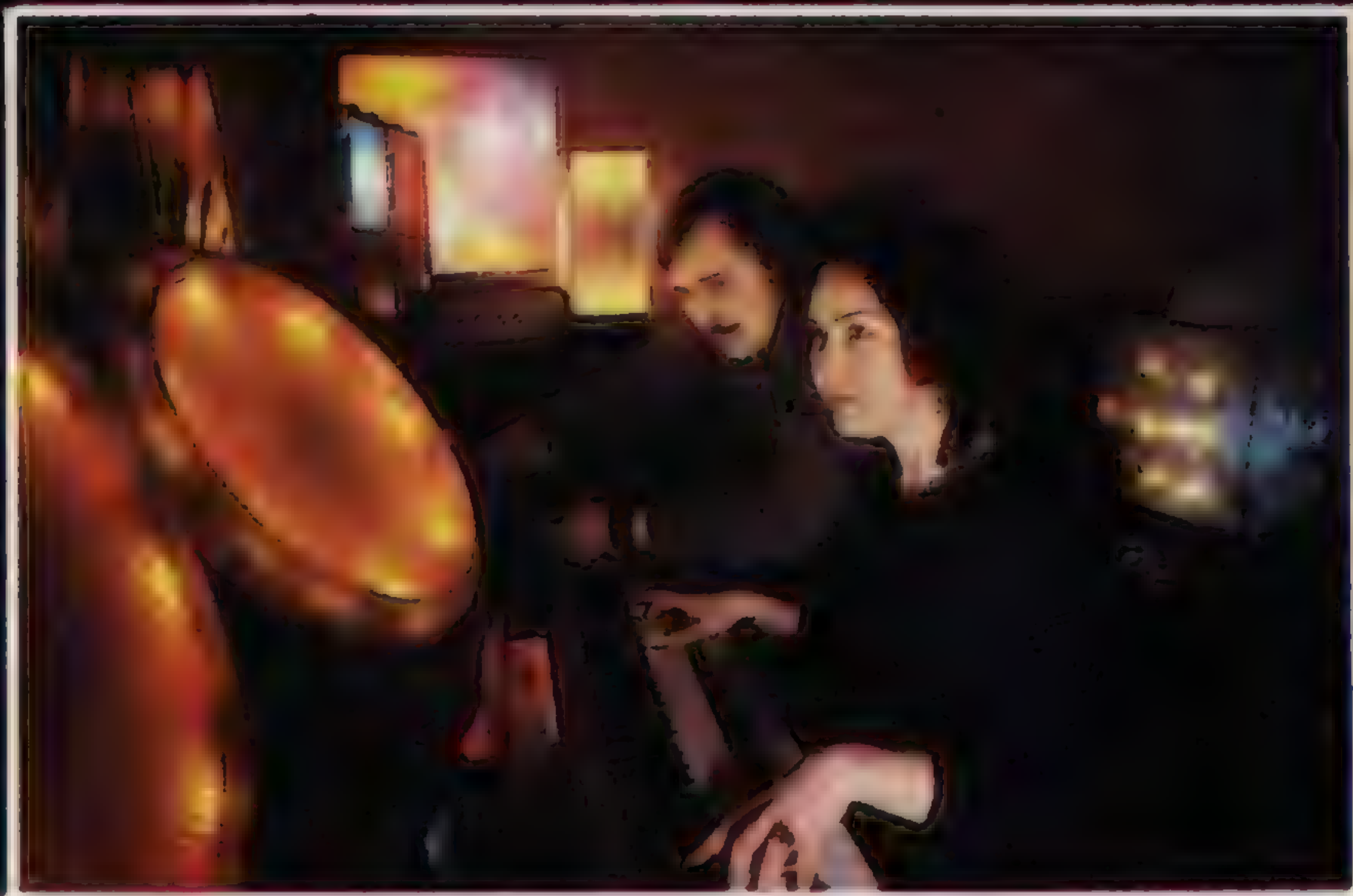
И вместо «послесловия» или «заклучения». Слово режиссеру фильма «Выйти замуж за капитана» В. Мельникову:

— Вера Глаголева — актриса яркого, своеобразного дарования. Не имея специального актерского образования, она успешно работает в кино, широко известна зрителям и кинематографистам. Взыскательное отношение к делу, вкус, профессионализм — все это есть у Глаголевой и дает основание ждать от нее новых значительных работ...

Фото
Александра
НАГРАЛЬЯНА

ВЕРА ГЛАГОЛЕВА НЕ ИМЕЕТ
СПЕЦИАЛЬНОГО АКТЕРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.
НО ЭТО НЕ МЕШАЕТ ЕЙ
УСПЕШНО РАБОТАТЬ В КИНО.
ЗА ИСПОЛНЕНИЕ
ГЛАВНОЙ РОЛИ В ФИЛЬМЕ
«ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА КАПИТАНА».
ПО ДАННЫМ ОПРОСА
ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ ЭКРАН»
ОНА НАЗВАНА ЛУЧШЕЙ КИНОАКТРИСОЙ
МИНУВШЕГО ГОДА.

ВСЕ НА ЭТОЙ ВЫСТАВКЕ БЫЛО НЕОБЫЧНЫМ — ПОДБОР ЭКСПОНАТОВ И СОСТАВ УЧАСТНИКОВ. ПРИЗЫВНОЕ «ЭКСПОНАТ РУКАМИ МОЖНО ТРОГАТЬ!» И КОНЦЕРТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ И ЭЛЕКТРОННОЙ МУЗЫКИ. ТЕМАТИЧЕСКИЕ СПЕКТАКЛИ СТЕРЕОРАДИОТЕАТРА, СЛАЙДОМУЗЫКАЛЬНЫЕ КОМПОЗИЦИИ... БЫЛА ПОКАЗАНА ОПЕРА Н. РИМСКОГО-КОРСАКОВА «СНЕГУРОЧКА» СО СВЕТОМУЗЫКАЛЬНЫМ ОФОРМЛЕНИЕМ. ФИЛЬМЫ О СКРЯБИНЕ И ЧЮРЛЕНИСЕ. ЗДЕСЬ МОЖНО БЫЛО УВИДЕТЬ ФОТОГРАФИИ РОДЧЕНКО И ГОЛОГРАММЫ, РАБОТЫ В. КАНДИНСКОГО, А. ЛЕНТУЛОВА, Д. БУРЛЮКА...

НЕИЗБЕЖНО

Вахит ШАРИПОВ.
Фото Фарита ГУБАЕВА.

Называлась эта выставка «Время — пространство — искусство» и проводилась она — уже в шестой раз — в рамках Всесоюзной школы-фестиваля «Свет и

СТЬ БУДУЩЕГО

музыка», организованной ЦК ВЛКСМ в Казани.

«Искусство и НТР», «Свет пластики и пластика света», «Музыка и живопись», «Дети рисуют музыку», «Свет в архитектуре», «Светомузыкальные устройства» — эти разделы выставки, естественно, кого-то поражали, удивляли, восторгали, кого-то настораживали, разочаровывали и даже вызвали чувство протеста, но исподволь делали свое дело, разрушая в нас

стереотипы мышления, ограниченность восприятия и самодовольство всезнайства, открывая новые грани привычных понятий и образов.

Издавна люди догадывались о таинственной связи между цветом и звуком. Время от времени появлялись композиторы, пытавшиеся «озвучивать» свои цветовые ощущения, и художники, «рисовавшие» музыку. В доэлектрическую эпоху полностью осуществить идею не представлялось возможным, лишь в нашем веке звук

Окончание на стр. 23.

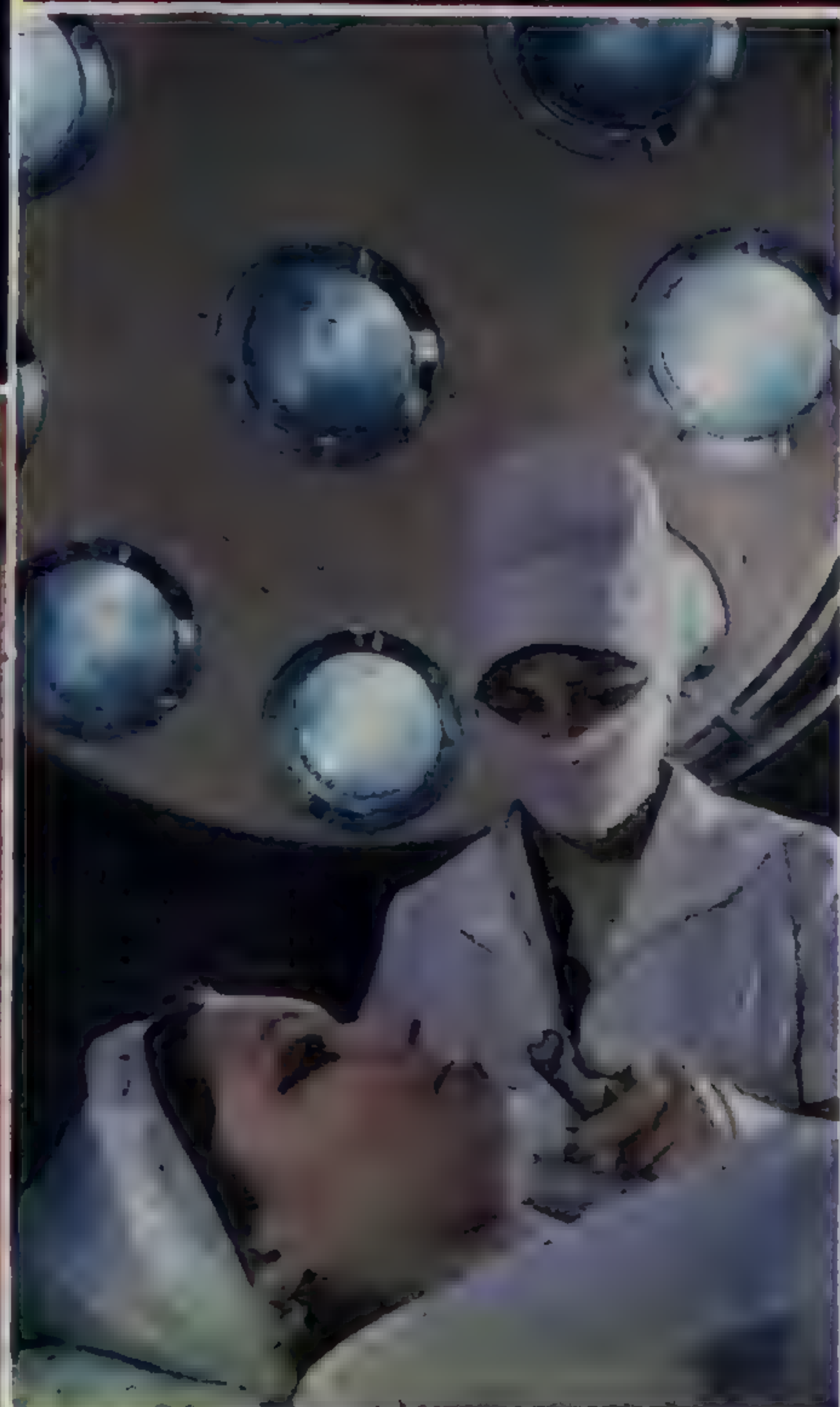
КРАСОТА...ПО ЗАКАЗУ

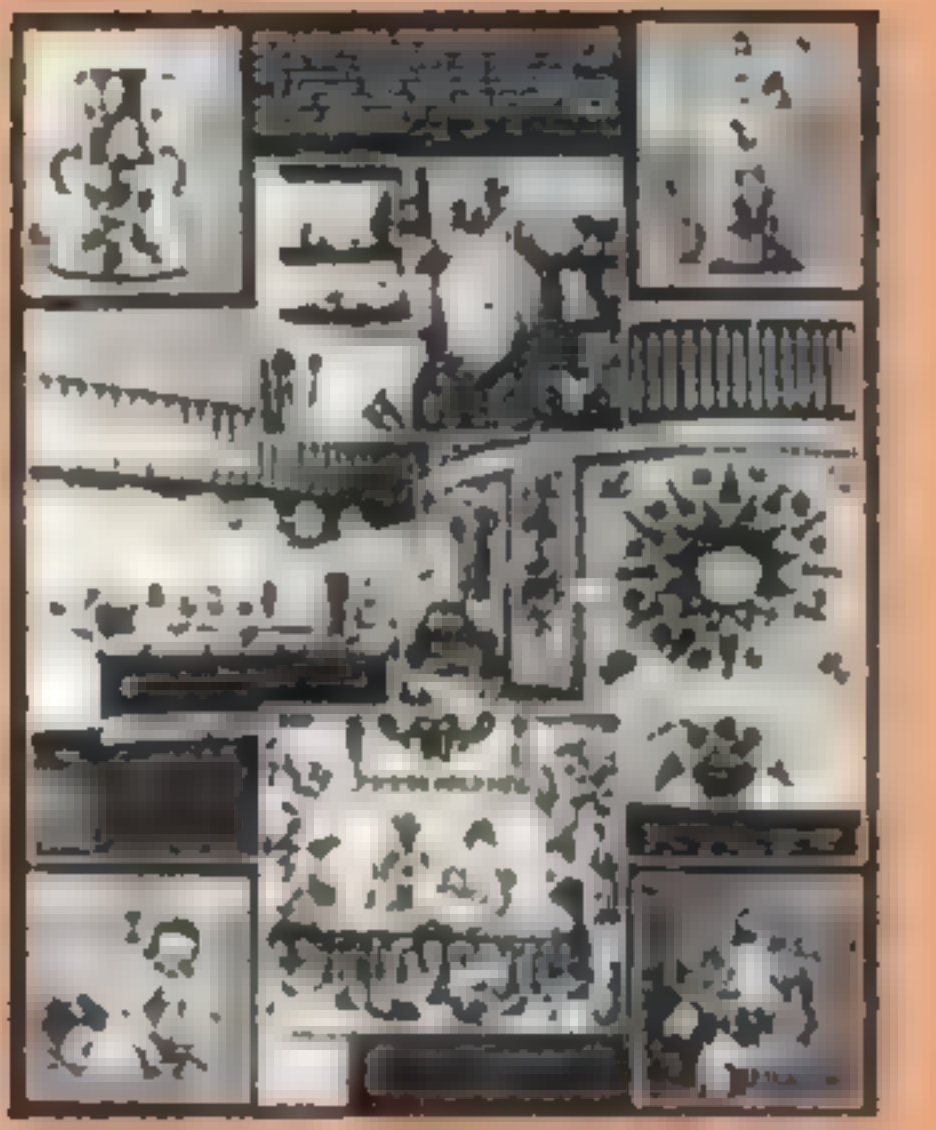
КТО ИЗ НАС, ЖЕНЩИН,
ПО СЕКРЕТУ ГОВОРЯ,
НЕ МНИТ СЕБЯ В ГЛУБИНЕ
ДУШИ В ЧЕМ-ТО АФРОДИТОЙ?
БЛАГО КОСМЕТИКА.—
ИСКУССТВО УЛУЧШАТЬ
СЕБЯ И УКРАШАТЬСЯ,
ИЗВЕСТНОЕ
ЕЩЕ ДРЕВНИМ ЭЛЛИНАМ.—
В НАШ ВЕК СКОЛЬ ХИТРОУМНА,
СТОЛЬ И ВИРТУОЗНА,
ОТ БЛАГОВОННИИ,
ТЕРМАЛЬНЫХ ВАНН И
КРЕМА, ИЗОБРЕТЕННОГО
ОСНОВОПОЛОЖНИКОМ
АНТИЧНОЙ МЕДИЦИНЫ
КЛАВДИЕМ ГАЛЛЕНОМ,
МЫ ПРИШЛИ К ИНДУСТРИИ
КОСМЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ:
ЛОСЬОНЫ И РУМЯНА, ТУШИ,
БАЛЬЗАМЫ И БЕЛИЛА,
И КРЕМЫ, КРЕМЫ НА ВСЕ
СЛУЧАИ ЖИЗНИ,
ДЛЯ САМЫХ СКРОМНЫХ
И САМЫХ КАПРИЗНЫХ
ПОКЛОННИЦ БОГИНИ
КРАСОТЫ...
ОДНАКО ИМИ
В САМОЙ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ
СТЕПЕНИ УДОВЛЕТВОРЯЮТСЯ
НЫНЕ ПОТРЕБНОСТИ
КОСМЕТОЛОГИИ.

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото)

Августа Петровна Хрунова, заместитель директора по научной работе Московского научно-исследовательского института косметологии, профессор, доктор медицинских наук, познакомила меня с почтой одного дня. Письма сегодня — барометр жизни. А их поступает на Ольховскую, 27, по сорок — пятьдесят каждое утро.

«Работаю стюардессой, — читаю в первом. — Появились морщины, а они, сами понимаете, мне ни к чему. Не можете ли мне помочь избавиться от них?» О страстном желании задержать и вернуть убегающую молодость просят пиометристка сталеплавильного цеха и инженер-программист, продавщица магазина и лектор... А тут что? О-го-го! «Лицом и волосами я похожа на Аллу Пугачеву. Только вот вся в веснушках, хожу только в платье с длинными рукавами. Слыхала, что у вас выводят веснушки...» Дебютнику известной певицы вторит девушка из Осетии: «Мне 17 лет. Замучили угри и веснушки...» А у Инны из Ставрополя — другая беда: в местной поликлинике вывели угри, но зато стали расти волосы на щеках и подбородке. «Знакомые спрашивают

Целый год трудилась народная художница РСФСР Людмила Павловна Азарова в своей московской мастерской: сто квадратных метров расписала она — сотни плиток, из которых потом сама собрала синевелую гжель, украшающую сегодня Дворец спорта в Тольятти. Закончив рисунок, возила сырые плитки на фаянсовый завод обжигать. Там их помещали в печь, предавали жару, а потом они, еще теплые, возвращались к хозяйке. Порой доставало то одной, то другой плитки, и приходилось вновь восстанавливать исчезнувшие мазки...

У каждого художника есть своя излюбленная тема. Для Людмилы Павловны, пожалуй, это чайники. Идея от народных традиций, используя старинные фляги и штофы, она варьирует их формы, украшает лепниной. Стараются воскресить изобретательность и жизнерадость гжельских мастеров, расписывавших изразцы, прялки, сани, сундуки...

Трудно «вживалась» в производство молодая художница. Более тридцати лет назад, после окончания Строгановского училища, пришла она в артель. «Первое время ничего не получалось, — сознается Людмила Павловна. — Меня заставляли перекладывать каждую вещь. Вот тогда я обратилась к традициям промысла. И намечались успехи. Сначала признали кувшин «Гжельский», потом кружку-шутиху, квасник-сувенир «Петух».

В шестидесятые годы Азарова становится известной, ее изделия уже определяют «лицо» Гжели. Художница с одинаковым мастерством работает и над производственными изделиями, и над выставочными. Ею возрождена к жизни фарфоровая скульптура. Четыреста двадцать авторских работ, и все выполнены только в кобальте. «Я считаю, что голубая гжель лучше всего, надо ее сохранять, не выдумывая новых красок».

На этом можно было бы закончить рассказ о замечательной художнице, если бы не одно обстоятельство...

Рассматривая росписи во Дворце спорта в Тольятти, замечаешь, что вместо Тельца на панно «Знаки Зодиака» торчит какой-то цветочек, и от Овена только половинка осталась... Испорчены и «Козлята». Обиднее всего, что и плитка здесь цела, и рисунок: просто кто-то небрежно ее приклеил. Переверни он плитку, часть цветка соединилась с другой, и получилось бы так, как написала художница. И «Чаепитие» «отреставрировали» таким же образом. Выпавшую в вазе плитку не мудрствуя лукаво тут же заменили обычной белой.

— Панно в Тольятти создано в 1975 году. С тех пор не была там, но мой адрес хорошо известен, — говорит Азарова. — Если уж не смогли местные умельцы и художники поправить роспись как следует, написали бы мне, я бы непременно откликнулась...

Зоя КРЯКВИНА,
Михаил САВИН (фото)

с усмешкой: «Что это с тобой случилось? А мне не до шуток, хоть брейся, хоть плачь».

У Василия Н. из Коми АССР неприятности противоположного свойства: «Лысею в 22 года. В роду у нас такого не было. Иглоукалывание не помогло. Травы не действуют. Услыхал о венгерском лосьоне «Банфи». А если и он не поможет, то как мне быть?»

— Однако и представителям сильного пола не дают покоя кудри Аполлона, у них ведь свой кумир красоты...

— Если бы только кудри! — со вздохом произносит Хрунова.

Позже мне станет понятной такая горестная реакция.

— Представьте себе: мужчины засыпали нас письмами — лысые и лысеющие, по поводу выведения татуировки и исправления носов...

— Надеюсь, не того, который, как у Гоголя, отделившись от обладателя, разгуливает по городу?

— Всякое бывает. Бывает, что у пациента не то, чтобы совсем не было носа, что-то есть. И хирургу, особенно ловко это получается у Николая Савельевича Руденко, приходится сооружать часть лица, обезобразенную при ударе. У иных пациентов согласно просьбе приходится убирать лишнее. Красота, так сказать, по заказу. Кроме ринопластики, у нас есть и отоларингология, когда надо пересадить торчащие уши. Об этом как раз и письмо. «У меня родился сын с деформацией правой ушной раковины. Ему уже три годика. Можно ли ему сейчас делать операцию или подождать?» Мы принимаем семилеток.

— А что вы ответите автору на такое письмо?

«У моей жены гипотрофия молочных желез. Жена очень переживает, нервничает. Летом боится показаться на людях. Нельзя ли ей сделать в вашем институте протезы?» Неужели можно?

— Делаем. Пошлем вызов на консультацию. А порой убираем жировые отложения. Понимаем, что это не прихоть, а естественное стремление человека чувствовать себя физически полноценным. Иногда родовые или приобретенные дефекты или изъяны фигуры или лица приводят к тяжелым психическим травмам. Мы всегда в таких случаях идем навстречу людям.

— И ходите на острие, по грани между косметической и большой хирургией...

— Мы располагаем для этого необходимыми диагностическими средствами. Есть отдел патоморфологии, клиническая и биохимическая лаборатории. При хозрасчетной поликлинике — операционная и стационар, кабинеты электрохирургии, физиотерапии, криотерапии, иглорефлексотерапии. Имеется зал корригирующей гимнастики. В нынешнем году институту исполняется тридцать пять лет. Создана своя школа специалистов. Каждый год проходят защиты докторских и кандидатских диссертаций. Установлены контакты и деловые отношения с косметологами Болгарии и Венгрии, с фирмами других стран.

Стоит ли после того удивляться, что сюда едут люди из дальних мест: и с Сахалина, и из Средней Азии, и с берегов Днестра. Ведь Московский НИИ косметологии — единственный не только в России, но и в стране. Это ощущается и по разноязычному говору, слышному еще в вестибюле здания, где переполненный гардероб и длинная очередь к справочному окну. Из Киргизии, из города Ош, привез отец сына. По-русски говорят плохо, да я и не спрашиваю, что с мальчиком. И так видно: расщелина верхней губы. Предполагаю, в чьи руки может попасть мальчик... Хорошо бы в добрые руки Владимира Алексеевича Виссарионова!

Любопытна и поучительна для молодых профессиональная судьба этого хирурга. В московской больнице по

окончании 2-го мединститута оставался недолго. Надоело, как он выразился, «ходить в подручных», полетел аж в Тюмень и еще дальше. Обосновался в больнице Кондинского, райцентра Ханты-Мансийского национального округа. Общая хирургия. Наверное, застрял бы там надолго, если б не та шепелявая девочка с расщелиной на губе. Ни в Кондинском, ни в Тюмени оперировать и исправлять этот дефект не умели. Не знал тогда этого и Виссарионов. Надо было ребенка везти в Москву, а у родителей не было такой возможности. Тогда молодой врач взял все на себя. В Институте косметологии работал талантливый хирург Игорь Андреевич Козин, теперь уже доктор медицинских наук. Он-то и оперировал девочку, ассистировал ему Виссарионов. Через некоторое время операцию повторили. Она ведь двухэтапная. Затянулось все на год. И когда Виссарионов предложил остаться в институте — согласился. Заинтересовали его тонкости и своеобразие косметической хирургии, увлекся.

Двенадцать лет прошло с тех пор. Сегодня та девочка учится как ни в чем не бывало в институте, шлет своему изжителю новогодние открытки.

Рассказывал Виссарионов в присутствии хирурга из Читинской области, приехавшего на стажировку. Только в прошлом году в институте прошли первую и повторную специализацию 75 врачей и 139 медсестер. Им есть чему здесь поучиться: сотрудникам института выдано 75 авторских свидетельств, подтверждающих их права на изобретения. У Виссарионова уже двенадцать принятых, приоритетных и еще несколько передано на рассмотрение.

Пятьдесят шесть изобретений на счету доктора медицинских наук профессора Нелли Борисовны Королевой и сотрудников возглавляемого ею отдела экспертизы и создания новых косметических средств. Она лучший изобретатель Москвы среди женщин.

— Мы работаем совместно с косметической промышленностью, — говорит Королева.

Какие же из созданных кремов для увядающей кожи лица Нелли Борисовна считает наиболее удачными?

— Мне до сих пор очень нравится «Камелия», хотя ей уже 17 лет. Главный в ней компонент — АТФ. Хороша «Лесная нимфа», содержащая биомассу женьшеня, «Принцесса» с экстрактом пихты, «Малахит» с янтарной кислотой, улучшающей окислительные процессы. Из новинок я назвала бы прежде всего «Геронтол», производство которого наладило косметическое объединение «Свобода». Оротовая кислота, входящая в его состав, регулирует содержание нуклеиновых кислот. Совместно с институтом элементоорганических соединений имени А. Н. Несмеянова и краснодарской парфюмерно-косметической фабрики «Сувенир» разработано и начато производство нового крема, еще не получившего даже названия. Он содержит автолизат пекарских дрожжей, богатый аминокислотами. Все эти препараты зарегистрированы в государственном реестре изобретений. Я бы отнесла к удачным новинкам и лосьон для ногтей на основе хлореллы и морских водорослей.

Итак, средства и резервы косметологии имеются и тиражируются, популярность института растет. И это радует. Значит, забота человека о своем внешнем облике и гармонической красоте становится повседневной для него необходимостью. Но вот что в институте огорчает и настораживает...

Скученно, душно, суточно в переполненных людями узких длинных коридорах. А ведь многие пациенты сидят с забинтованными лицами, пришли на перевязку. На третьем этаже вообще столпотворение. Как на вокзале у касс,

толчея в регистратуре, и оглушительные вызовы в кабинеты звучат словно объявления об отправлении поездов. В самих кабинетах тоже теснота. Ведется прием в одном помещении двух пациенток одновременно.

Поликлиника работает напряженно, в две смены. Пропускная ее способность — полторы тысячи посещений в сутки — как в кинотеатре. Полторы тысячи пластических операций в год. И все же очередь до девяностого года включительно. Теперь мне понятно, почему хмурится, просматривая пачки свежих писем, профессор Хрунова, почему нервничают, ведя прием, врачи и медсестры. Есть от чего им нервничать!

Беда в том, что весь институт размещается в одном-единственном шестизэтажном корпусе.

— Моссовет обещает нам подыскать помещение, в котором можно было бы разместить наши самые большие отделения — косметические, — делится трудностями институтского роста А. П. Хрунова. — Тогда нам стало бы намного легче. Но время идет, и ничего не меняется.

Однако будут ли решены даже при быстром предоставлении дополнительного помещения назревшие проблемы практической косметологии? Разумеется, нет!

Для нормального обслуживания населения одна лечебница должна быть рассчитана примерно на 200—300 тысяч жителей. А у нас? 140 платных лечебниц на всю страну, сконцентрированных преимущественно до Урала. Оголены Сибирь и Дальний Восток. Потому и идет оттуда основной поток писем и приезжающих. В Министерстве здравоохранения РСФСР вынашивается (не слишком ли долго?) проект создания научно-производственного объединения на базе Московского НИИ косметологии. Филиалами предполагается платные лечебницы Москвы, Ленинграда, Калининграда, Новгорода, Калининграда, Сочи. То есть снова города европейской части страны. И это в то время, когда ведущие медицинские учреждения и комплексы в своей деятельности ориентируются на восток. Не пора ли и косметологии повернуться лицом к Сибири?

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

В африканской секции одного из отделов разведслужбы, где работают Морис Касл и Артур Дэвис, произошла утечка секретной информации.

В этом заподозрили молодого сотрудника Дэвиса, который неоднократно нарушал правила обращения с секретными документами. Возглавляющий разведслужбу сэр Харгривз беспокоится о том, чтобы это дело не повредило репутации его «конторы».

Вместе с доктором Персивейлом он решает еще раз проверить Артура и, если подозрения подтвердятся, ликвидировать его так, чтобы не вызвать подозрений в свой адрес.

И вот неожиданно для всех Дэвис заболел и через два дня скончался.

Узнав о его смерти, Морис Касл поехал на квартиру покойного. Там уже находились доктор Персивейл и представители спецслужбы, производившие обыск.

По репликам и поведению доктора Морис понимает, что именно Персивейл повинен в смерти Дэвиса. Дома Касл составляет последнее донесение, понимая, что с кончиной Дэвиса поток информации из африканской секции должен прекратиться.

Мюллер посмотрел на часы. — Вы сказали, что похороны назначены на одиннадцать. Сейчас без десяти одиннадцать. Вам, пожалуй, уже пора идти.

— Похороны, полагаю, обойдутся и без меня. Если существует загробная жизнь, Дэвис это поймет. Ну, а если нет, то...

— Лично я действительно верю в загробную жизнь, — перебил его Корнелиус Мюллер.

— Неужели вы никогда, хотя бы чуть-чуть, не боялись ее?

— Почему, по-вашему, я должен бояться? — переспросил Мюллер. — Я всегда старался выполнять свой долг.

— А ваше ограниченное применение тактического ядерного оружия? Подумайте только о тех чернокожих, которые уйдут на тот свет раньше вас и будут вас там дожидаться.

— Так ведь они — террористы, — возразил Мюллер. — Лично я не собираюсь там с ними встречаться.

— Я не имел в виду партизан. Я говорил о населении пораженных районов: детях, девушках, старухах.

— Думаю, на небесах у них будут свои поселения.

— Апартеид в раю?

— О, вижу, вы иронизируете надо мной. Однако, мне сдается, им вряд ли придется по вкусу и наш рай на небесах. В любом случае пусть над этим ломают себе голову богословы. Ведь вы сами не очень-то щадили детишек в Гамбурге, не так ли?

— Спасибо всевышнему, тогда я в этом не участвовал, теперь же все обстоит иначе, — с горечью заметил Касл.

— Если вы не идете на похороны, Касл, думаю, мы могли бы продолжить деловой разговор.

— Виноват. Конечно.

Касл действительно почувствовал свою вину, более того, он испугался. Испугался не меньше, чем в то памятное утро в Претории в кабинете БОСС. В течение семи последующих лет он осторожно пробирался через встречавшиеся на пути минные поля, а теперь с Корнелиусом Мюллером допустил первый промах. Возможно, он угодил в ловушку, устроенную кем-то, кому был хорошо знаком его характер?

— Разумеется, — заметил Мюллер, — мне известно, что вы, англичане, любите поспорить ради самого спора. Да, кстати, даже ваш шеф «С» и тот не обошел меня стороной по поводу апартеида, но, когда речь идет о «Дядюшке Римусе», лучше говорить на полном серьезе.

— Действительно, давайте вернемся к проекту.

— Мне разрешено проинформировать вас, правда, в общих чертах, о том, как шли переговоры в Бонне.

— Какие-нибудь сложности?

— Незначительные. Германия, в отличие от других бывших колониальных держав, весьма симпатизирует нам, хотя тщательно скрывает это. Можно привести в пример известную телеграмму кайзера президенту Крюгеру. Их, конечно, беспокоит положение в Юго-Западной Африке, поскольку они предпочли бы, чтобы там не было вакуума и эту территорию контролировали мы. В конце концов они действовали на Юго-Западе более жесткими методами, чем мы; к тому же западным странам нужен нац уран.

— Вы пришли к какому-то соглашению?

— Видимо, не следует называть это соглашением. Времена, когда заключались секретные договоры, уже прошли. Я встречался там только со своим коллегой, а не с министром иностранных дел или канцлером. Точно так же, как ваш «С» ведет переговоры с ЦРУ в Вашингтоне. Надеюсь, всем трем сторонам удастся добиться полного взаимопонимания.

— Секретное взаимопонимание вместо секретного договора?

— Совершенно верно.

— Ну, а как с французами?

— Никаких проблем. Если нас можно считать кальвинистами, то французы остаются последователями Декарта. Декарт в свое время не очень-то обращал внимание на религиозное преследование. Французы имеют большое влияние в Сенегале, Береге Слоновой Кости, им даже удается весьма сносно договариваться с Мобуту в Киншасе. На худой конец, применив несколько атомных бомб — небольших тактических зарядов, — мы выиграем пять лет спокойной жизни, если на нас решат напасть.

— Ну, а потом?

— Тут и вступает в силу наша договоренность с Германией. Нам необходимо провести техническое перевооружение, нам нужна самая совершенная горнодобывающая техника, хотя мы и добились бо-

лее значительных успехов, чем принято считать. Через пять лет мы сможем более чем вдвое сократить число рабочих на рудниках, нам удастся тогда больше чем в два раза увеличить зарплату квалифицированным рабочим, и мы приступим к формированию того, что в Америке называют чернокожим средним классом.

— А как с безработными?

— Они могут вернуться в свои бантустаны. Для того они и создавались. В этом смысле я оптимист, Касл.

— А сам апартеид сохранится?

— Апартеид в том или ином виде всегда будет существовать так же, как здесь, у вас, были и будут богатые и бедные.

Корнелиус Мюллер снял очки, протер их, и золотая оправка засверкала с новой силой. Он заметил: — Надеюсь, вашей жене понравилась шаль. Знайте, что мы всегда рады снова видеть вас у себя. Особенно теперь, когда нам стало известно, кто вы на самом деле. Привезжайте, конечно, вместе с семьей. Можете быть уверены, что к ним отнесутся, как к самым уважаемым белым.

Каслу захотелось ответить: «Но я ведь останусь уважаемым чернокожим», однако на сей раз он проявил некоторую сдержанность.

— Благодарю вас.

Мюллер открыл портфель, вынул оттуда листок бумаги и сказал:

— Я сделал для вас несколько записей о моих встречах в Бонне. — Он достал шариковую ручку, такую же золотую, как и очки. — Может, у вас найдется ценная для меня информация вот по этим пунктам, когда мы встретимся в следующий раз. Понедельник вас устроит? В то же время? — Затем Мюллер добавил: — Пожалуйста, уничтожьте записку по прочтении. Моим шефам в БОСС наверняка не понравится, если документ осядет в ваших, пусть даже сверхсекретных досье.

— Конечно, как скажете.

Когда Мюллер вышел, Касл сунул листок в карман...

Глава II

В церкви святого Георгия на Хановер-сквер было совсем мало народа, когда туда зашли доктор Персивейл и сэр Джон Харгривз, накануне вечером вернувшийся из Вашингтона.

Мужчина с черной повязкой на рукаве один стоял в первом ряду у прохода. «Очевидно, тот самый зубной врач из Дройтвича», — предположил Персивейл. Всем своим видом мужчина как бы давал понять, что на правах ближайшего родственника покойного никого в первый ряд больше не пустит. Доктор Персивейл и «С» заняли места в последних рядах. Секретарша Дэвиса Синдра сидела за ними в самом конце. Полковник Дейнтри вместе с Уотсоном — по другую сторону прохода. В церкви находилось еще несколько человек, которых доктор Персивейл едва знал в лицо. Скорее всего он мимоходом встречал их где-то в коридорах конторы или на совещаниях с контрразведчиками. Не исключено, что на отпевание в церковь просто зашли посторонние — похороны, как, впрочем, и свадьбы, часто привлекают прохожих. Два взлохмаченных молодых человека в последнем ряду наверняка были соседями Дэвиса по квартире, которые работали в министерстве окружающей среды. Негромко заиграл орган.

— Как прошел полет? — шепотом спросил Харгривза Персивейл.

— Самолет приземлился в Хитроу на три часа позже. А кормили во время полета просто плохо, — сокрушенно вздохнул сэр Джон. Вероятно, при этом он вспомнил о прелестном вкусном мясном пироге своей жены или о копченой форели, которую подавали в клубе.

Прозвучал последний траурный аккорд. Кто-то преклонил колени, другие, наоборот, поднялись со своих мест.

Похоже, пришедшие на похороны толком не знали, как вести себя в церкви.

Священник, с которым никто из присутствовавших, да и сам покойный Дэвис, вряд ли был знаком, начал отпевание:

— «Отклони от меня удары Твои; я исчезаю от поражающей руки твоей».

— От какого «удара», кстати, умер Дэвис, ты не в курсе, Эммануил?

— Не беспокойся, Джон. Со вскрытием все в порядке.

Служба в церкви, как показалось доктору Персивейлу, который уже несколько лет не был на отпева-

нии усопших, изобиловала ненужной информацией.

Священник стал читать из первого послания святого апостола Павла к Коринфянам:

— «Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у людей, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц».

«С этим утверждением, — подумал доктор Персивейл, — нельзя не согласиться». В гробу сейчас действительно находилась не рыба, хотя доктор наверняка отнесся бы ко всей процедуре с большим интересом, если бы там, скажем, лежала огромная форель. Персивейл оглядел окружающих. Глаза девушки были полны слез. Полковник Дейнтри с сердитым, вернее, угрюмым видом взирал на происходящее, что не предвещало ничего хорошего. Уотсон тоже, судя по всему, был чем-то озабочен, наверно, прикидывая, кого из сотрудников назначить на место Дэвиса.

— Мне хотелось бы переговорить с тобой по завершении службы, — обратился к нему Харгривз.

«Предстоящий разговор тоже может быть нелегким», — отметил про себя Персивейл.

«Говорю вам тайну», — вещал священник.

«Тайну того, расправился ли я с тем, с кем следовало?» — задал себе мысленный вопрос Персивейл. Убедиться в этом можно лишь в том случае, если не приостановится утечка информации. Тогда это будет означать, что он допустил непростительную ошибку. Шефа, да и Дейнтри, это весьма огорчит. Жаль, что человека нельзя вернуть в стремительный поток жизни, как можно, например, поступить с рыбой — сначала поймать ее, а потом отпустить, даруя жизнь.

Священник с пафосом зачитал известную фразу из святого писания:

— «Смерть! Где твое жало?»

Фраза прозвучала несколько неестественно, как бывает, например, когда актер, играющий Гамлета, декламирует знаменитый монолог, вырывая его из контекста пьесы. Священник вернулся к монотонному и невыразительному чтению библии и закончил отпевание еще одним известным изречением:

— «Жало же смерти — грех; а сила греха — закон».

Последние слова прозвучали, как евклидова теорема.

— Что ты сказал? — шепотом переспросил доктор Персивейла сэр Джон.

— «Что и требовалось доказать», — по-латыни ответил ему Персивейл.

— Что ты имел в виду, сказав, «что и требовалось доказать»? — поинтересовался сэр Харгривз, когда им, наконец, удалось выйти на улицу.

— Фраза показалась мне более уместной, чем последнее «Аминь» пастора.

Почти в полном молчании они направились в клуб «Травеллерз». Не сговариваясь заранее, они решили, что в данном случае «Травеллерз» больше подходит для ленча, чем «Реформ», ибо Дэвис наверняка приобрел статус почетного путешественника, отправившись в небытие, и уж, конечно, не станет поддерживать теперь девиз «один человек — один голос».

— Не припомню, когда последний раз был на похоронах, — заметил доктор Персивейл. — Пожалуй, лет пятнадцать назад, когда провожал в последний путь свою престарелую тетку. Довольно утомительная церемония, не правда ли?

— В Африке мне нравилось бывать на похоронах. Там эта процедура сопровождается шумной музыкой, даже если музыкальными инструментами служат лишь кастрюли, сковороды да консервные банки из-под сардин. Кажется, что смерть в конце концов не такая уж скучная штука. Кстати, что за девушка плакала на похоронах?

— Секретарша Дэвиса. Ее зовут Синдра. Судя по всему, Дэвис был в нее влюблен.

— Да, видимо, мы о многом еще не догадываемся. Но это неизбежно в таком учреждении, как наше. Надо думать, Дейнтри ее как следует проверил? — Естественно. Сама того не подозревая, она сообщила нам много полезного, например, помните тот случай с зоопарком?

— Каким зоопарком?

— Когда Дэвис...

— Да, да, теперь вспомнил.

Как всегда в уик-энды, в клубе было почти пусто. По привычке они хотели уже начать ленч с копченой форели, но ее не оказалось. Доктор Персивейл с неудовольствием согласился заменить форель копченой семгой.

— Жаль, что не познакомился с Дэвисом поближе, — произнес он. — Не исключаю, что он мог бы понравиться мне.

— Тем не менее, ты по-прежнему считаешь его виновным в утечке информации?

— Дэвис довольно умно играл роль простака. Ценю в людях ум и мужество. А вот мужества Дэвису как раз очень не хватало.

— Он сделал неправильный выбор.

— О, Джон! Мы с тобой просто не можем судить о чьем-либо выборе. Мы ведь не какие-то там крестоносцы, да и живем мы в другом веке. И крестоносцы давным-давно изгнали султана Салах-ад-Дина из Иерусалима. Трудно сказать, выиграл ли от этого Иерусалим.

— Тем не менее; Эммануил... Не могу восхититься предательством.

— Тридцать лет назад, студентом, я воображал себя коммунистом. Ну, а теперь?.. Так кто же предатель — я или Дэвис? В те годы я действительно верил в интернационализм, а сейчас веду скрытую войну за национализм.

— Ты просто повзрослел, Эммануил, вот и все. Какое вино ты предпочитаешь — бордо или бургундское?

— Бордо, если не возражаешь.

Сэр Джон Харгривз поудобнее устроился в кресле и самым серьезным образом стал изучать список вин. Он был явно чем-то недоволен, скорее всего тем, что никак не мог сделать выбор между двумя марками — «сент-эмилионом» и «медком». Наконец сэр Джон решил и сделал заказ.

— Иногда, Эммануил, я задаю себе вопрос: почему, собственно говоря, ты работаешь у нас?

— Ты сам только что объяснил, что я просто повзрослел. Не думаю, что коммунизм — в длительной перспективе — окажется лучше христианства. Но я не причисляю себя и к крестоносцам. Капитализм или коммунизм? А, может, всевышний — тоже капиталист. Я хочу еще при жизни быть среди тех, кто скорее всего окажется победителем. И пусть тебя, Джон, не шокирует моя откровенность. Вероятно, ты считаешь меня циником, но мне не хочется терять зря время. Победившая страна сможет строить лучшие больницы, выделять больше средств на исследования по борьбе с раком, когда можно будет, наконец, отказаться от ядерного безу-

мия. А тем временем я наслаждаюсь играми, в которые мы тут играем. Наслаждаюсь. И только. Я не притворяюсь, что преклоняюсь перед богом или Марксом. Остерегайся людей, которые во что-то верят. Они перестают уже быть надежными игроками. Так или иначе начинаешь ценить хорошего игрока, хотя он и играет против тебя, — удовольствие от этого получаешь еще большее.

— Даже, если он — предатель?

— Видишь ли, Джон, «предатель» — устаревший термин. Хороший игрок значит ничуть не меньше, чем сама игра. Скажем, я не получал бы наслаждения от игры, если бы против меня выставили посредственного игрока.

— Тем не менее... Ты все же убил Дэвиса? Или нет?

— Дэвис скончался от цирроза печени, Джон. Таковы результаты вскрытия.

— Что же это — счастливое совпадение?

— Просто сработал трюк с крапленой картой, который, кстати, ты сам предложил. Старый, проверенный временем трюк. Только нам с Дэвисом двоим было известно о Портоне.

— Все же следовало, наверно, дожидаться моего возвращения. Вы обсуждали это с Дейнтри?

— Но ведь ты поручил операцию мне, Джон. Когда рыба у тебя уже на крючке, просто глупо стоять на берегу и ждать советов, как поступить.

— Как ты находишь букет «Замка Тальбо»? Тебе не кажется, что он несколько терпковат?

— Прекрасное вино.

— В Вашингтоне моим вкусовым ощущениям явно был нанесен серьезный урон. Одни эти «сухие мартини» чего только стоят! — Сэр Джон отпил вина. — А ты все же не допускаешь, что ошибся? Или тебя ничто не заставит сомневаться в себе, Эммануил?

— Честно говоря, кое-что меня беспокоит. Похоронная служба, например. Ты, очевидно, заметил, там был даже орган, потом сама процедура погребения. Все это выльется в копеечку, не думаю, что Дэвис оставил после себя большие средства. Поэтому, раскошелится его бедный родственник — зубной врач, или еще лучше наши «друзья» с востока? Мне кажется, тут что-то явно не так.

— Не стоит беспокоиться, Эммануил. За все заплатит контора, мы не отчитываемся в секретных фондах. — Харгривз отодвинул бокал с вином. — Сомневаюсь, что «Тальбо» действительно урожая 1971 года.

— Джон, я сам удивлен такой скоропалительной реакцией Дэвиса на препарат. Я точно рассчитал его вес и дал дозу, которая никак не должна была привести к летальному исходу. Пойми, ведь афлатоксин никогда ранее не применялся на людях. Поэтому, на всякий пожарный случай, я дал ему тщательно выверенную дозу препарата. Скорее всего, надо полагать, его печень действительно была в плачевном состоянии.

— Как тебе это практически удалось?

— Я заглянул к нему в гости, и он угостил меня каким-то странным сортом виски, который называл «Белым уокером». Смесь сама по себе была необычной на вкус, и афлатоксин ее не испортил.

— Остается лишь молиться, что рыбку ты поймал подходящую, — прокомментировал сэр Джон Харгривз.

Дейнтри, в подавленном настроении, свернул на Сент-Джеймс-стрит; когда он поравнялся с «Уайтсом», кто-то окликнул его. Полковник поднял глаза и узнал мужчину. Правда, никак не мог вспомнить его фамилию и обстоятельства, при которых они познакомились. Мужчину звали то ли Боффин, то ли Баффер.

— Ну как, старина, угостите «молтизерз»?

И тогда только полковник с некоторым смущением наконец припомнил, где они встречались раньше.

— Как насчет того, чтобы пообедать вместе, полковник?

Баффи — так звали молодого человека. Довольно глупое имя. У него наверняка было и другое, полное имя, но Дейнтри его не знал.

— Прошу извинить, но ленч меня ждет дома, — ответил на приглашение полковник.

Отговорка не была лишена правды. Дейнтри действительно перед уходом вынул из холодильника баночку сардин, а со вчерашнего дня у него оставалось еще немного хлеба и сыра.

— Тогда давайте выпьем чего-нибудь за компанию. Ведь домашний обед всегда подождет, — настаивал Баффи, и Дейнтри не смог отказаться.

Было еще сравнительно рано, и в баре клуба, кроме них, находилось лишь два посетителя. Они, видимо, хорошо знали Баффи, поскольку приветствовали его без особого восторга. Баффи, судя по

всему, не придавал этому никакого значения. Он широко развел руками, как бы приглашая присутствующих, в том числе и бармена, познакомиться с вошедшим.

— Позвольте представить полковника.

Оба посетителя из приличия кивнули Дейнтри.

— Не запомнил вашу фамилию тогда на охоте.

— Я тоже не расслышал вашу.

— Мы познакомились, — стал объяснять Баффи, — в гостях у Харгривза. Полковник занимается суперсекретными делами. Ну прямо, как Джеймс Бонд.

— Никогда не увлекался книгами Яна¹, — подержал разговор один из завсегдатаев бара.

— По-моему, в них много секса, — добавил второй. — Больно уж он сгущает краски. Я не пуританин там какой-нибудь, женщин тоже люблю. Но ведь не это главное, не так ли? На самом-то деле все иначе.

— Что вы будете пить? — спросил Баффи.

— Сухой мартини, — ответил Дейнтри и, вспомнив разговор на эту тему с доктором Персивейлом, добавил: — Только действительно сухой.

— Двойной мартини, очень сухой, Джо, и бокал розового. Только не скупись, приятель.

В баре воцарилась полная тишина, будто каждый думал о своем — о романе Яна Флеминга, об охоте, о похоронах.

— У нас с полковником общие вкусы, мы обожаем «молтизерз», — прервал молчание Баффи.

— «Молтизерз»? Лично я предпочитаю «смартиз», — очнулся от собственных мыслей один из посетителей.

— Что такое «смартиз», Дикки, черт подери?

— Разноцветный горошек с шоколадной начинкой. По вкусу ничем не отличаются, но сам не знаю, почему мне больше нравятся красные и желтые горошинки, а лиловые — нет.

— Я обратил внимание, полковник, что вы идёте по улице и вроде бы разговариваете сами с собой... Простите за бестактность, — заметил Баффи, — но интересно, о чем это вы задумались? О государственных секретах? И куда, собственно говоря, вы держите путь?

— Домой всего-навсего, — ответил Дейнтри. — Я живу поблизости.

— Но выглядели вы довольно угрюмо. И я подумал про себя, наверно, наступили смутные времена. Ведь вам известно больше, чем нам, простым смертным.

— Я шел с похорон.

— Хоронили, надеюсь, не вашего родственника?

— Нет, сослуживца.

— Знаете, я почему-то всегда считал, что похороны намного лучше свадьбы. Лично я терпеть не могу свадебных церемоний. С похоронами все предельно ясно. А свадьба — непонятная промежуточная ступень, за которой скрывается неопределенность. Я с большей охотой готов праздновать развод, хотя зачастую это тоже временная остановка перед очередной свадьбой. Ведь люди рабы своих привычек.

— Не увлекайся, Баффи, — упрекнул его Дикки, тот самый, который обожал «смартиз». — Ты ведь и сам однажды чуть не женился. Тебе просто чертовски повезло, что ты избежал этой участи. Джо, налей-ка полковнику еще мартини.

Дейнтри, чувствуя некоторую растерянность в непривычной для него обстановке, допивал первый бокал. Затем, словно человек, наугад выбирающий из разговорника фразу на незнакомом языке, произнес:

— Не так давно я побывал и на свадьбе.

— Снова кто-нибудь отличился из ваших засекреченных коллег?

— Нет, на этот раз замуж выходила моя дочь.

— Господи, помилуй! — воскликнул Баффи. — И когда бы не подумал, что вы женаты.

— Это ни о чем не говорит, — возразил ему Дикки.

Третий завсегдатай клуба, практически не участвовавший в разговоре, тоже решил высказаться:

— Не стоит, Баффи, судить свысока. Я тоже когда-то был женат, правда, чертовски давно. Кстати, моя жена и приобщила Дикки к «смартиз». Помнишь тот день, Дикки? Мы уныло сидели за обеденным столом, потому что уже знали, что собираемся разводиться. И тут моя жена предложила всем «смартиз», да, именно «смартиз»... Я тогда не понял, почему она это сделала, может, для поддержания разговора. Главным для нее было соблюсти приличия.

— Честно говоря, Вилли, не стану утверждать, что хорошо это помню. Мне кажется, я знал о существовании «смартиз» целую вечность, причем всегда считал, что нашел сладости сам. Джо, налей полковнику еще мартини.

¹Ян Флеминг — автор книг о Джеймсе Бонде.

— Не стоит, пожалуй... Мне действительно пора уже домой.

— Я угощаю, — заявил Дикки. — Наполни полковнику бокал до краев, Джо. Он только что с похорон и должен встряхнуться.

— К похоронам я привык с детства, — к собственному удивлению заметил Дейнтри, отпив от третьего по счету коктейля с джином.

Полковник почувствовал, что не в меру разговаривал с неизвестными людьми, хотя в его случае неизвестными считались практически все. Ему тоже захотелось угостить новых знакомых, но это было не так просто, ведь в клубе они завсегдатаи. Полковник проникся к ним искренней симпатией, но для них — и тут Дейнтри не сомневался — он по-прежнему оставался чужаком. Полковника подмывало рассказать что-нибудь забавное, но большинство тем были для него закрытыми.

— Интересно, почему? У вас что, много родственников ушло из жизни? — поинтересовался Дикки, с трудом подбирая слова.

— Нет, не совсем так, — ответил Дейнтри.

Судя по всему, его застенчивость улетучилась вместе с третьим martini. Полковник почему-то вспомнил небольшую железнодорожную станцию в провинции, куда более тридцати лет назад направили его роту. Таблички с названием станции были сняты из предосторожности, ввиду угрозы возможного вторжения немцев. И сейчас Дейнтри ощущал себя так, словно снова сбросил с себя обременительную ношу.

— Видите ли, — продолжил полковник, — мой отец был священнослужителем. И мне ребенком часто приходилось бывать на похоронах.

— Никогда бы не подумал! — воскликнул Баффи. — Мне казалось, вы вышли из семьи военного — сын генерала какого-нибудь, служили в королевском полку и все такое прочее. Если представить, что ваш отец — священнослужитель, многое проясняется.

— Что, собственно говоря? — недоуменно переспросил Дикки. Он, похоже, был чем-то расстроен и цеплялся к словам. — «Молтизерз», что ли?

— Да нет, «молтизерз» здесь ни при чем. Я не буду сейчас говорить о них, поскольку на это уйдет много времени. Полковник имеет дело с тайнами, как, впрочем, и священнослужители, если хорошенько подумать... Понимаете, с одной стороны, тайна исповеди, с другой — охрана секретов, много есть общего.

— Мой отец не был католиком, да и к англиканской церкви тоже не принадлежал. Он был капелланом на военном судне. В первую мировую войну.

— Первой войной, — вставил угрюмый Вилли, имевший когда-то семью, — считается война между Каином и Авелем. — Это замечание он сделал невзначай, словно хотел подвести черту под бесполезным разговором.

— Отец Вилли тоже был священнослужителем, — вставил Баффи. — Причем высокого ранга — епископом. Епископ против капеллана. Превосходно!

— Мой отец участвовал в ютландском сражении, — произнес Дейнтри.

Он не хотел бросать кому-то вызов, противопоставляя воинскую доблесть, проявленную отцом в сражении, высокой церковной должности. Просто полковник вспомнил об этом сейчас.

— В военных действиях, надо полагать, ваш отец непосредственного участия не принимал. А это уже несколько другое, не так ли? — переспросил Баффи. — С точки зрения противостояния Каина и Авеля.

— Вы очень молодо выглядите, — подозрительно заметил Дикки, потягивая из бокала.

— Отец тогда был холостяком. Он женился на матери после войны. В двадцатые годы.

Дейнтри вдруг осознал, какую чушь они тут несут. Джин развязал ему язык. Полковник понял, что стал болтать лишнее.

— Он женился на вашей матери? — резко, как на допросе, спросил Баффи.

— Разумеется. Они поженились в двадцатых годах.

— Ваша мать жива?

— Их обоих давно уже нет на свете. Мне пора домой. А то пропадет обед, — добавил Дейнтри, вспомнив о сардинах, которые предусмотрительно достал из холодильника. Ощущение, что он находится среди незнакомых, но дружески расположенных к нему людей, прошло. Разговор стал приобретать черт знает какую окраску.

— А какое, собственно, отношение это имеет к похоронам? При чем здесь вообще похороны?

— Не надо, Дикки, — попросил Баффи. — Ему нравится допрашивать людей. Во время войны он работал в контрразведке. Еще джину, Джо? Он ведь нам

уже все сказал, Дикки. Хоронили какого-то типа из их конторы.

— А при самом погребении вы присутствовали? — Нет, я был только на отпевании. На Хановерсквер.

— Должно быть, в церкви святого Георгия, — заметил сын епископа, протянув бармену, словно нашу для причащения, свой бокал.

Дейнтри потребовалось какое-то время, чтобы выбраться из бара. Баффи проводил его к выходу. Мимо проехало такси.

— Видите, о чем я говорил, — возмущился Баффи. — Автобусы на Сент-Джеймс-стрит. Теперь никто уже не застрахован от неожиданностей.

Дейнтри понятия не имел, что хотел этим сказать Баффи. Идя по улице к Сент-Джеймскому дворцу, полковник почувствовал, что изрядно выпил, больше, чем позволял себе в последние годы днем. Он познакомился с приятными людьми, но все равно нужно быть начеку. Сегодня он чересчур разболтался, много говорил об отце и матери.

Полковник миновал шляпный магазин Лока, ресторан «Овертонз» и дошел до пересечения Сент-Джеймс-стрит и Пэлл-Мэлла. И только тут, на перекрестке, Дейнтри понял, что прошел свой подъезд. Он повернул назад и поднялся к себе домой, где его давно ждал ленч.

Сыр и хлеб были на месте, тут же красовалась баночка сардин, которую он не успел заранее открыть. Полковник непослушными пальцами стал открывать заветные сардины, но жестяную крышку удалось приоткрыть лишь на одну треть. Так или иначе Дейнтри вилкой смог выковырять из банки половину сардин, превратившихся от этой операции в сплошное месиво. Полковник не был голоден, и ему этого вполне хватило. Немного подумав, стоит ли после martini выпить чего-нибудь еще, он оставил свой выбор на пиве.

Обед длился не более четырех минут, но Дейнтри показалось, что еда заняла гораздо больше времени, настолько он задумался. Мысли же его путались и перескакивали одна с другой, как обычно бывает у подвыпивших людей. Сначала он вспомнил, что доктор Персивейл с сэром Джоном Харгривзом вместе вышли из церкви по окончании службы и что он шел за ними по улице, наблюдая, как они о чем-то переговаривались вполголоса.

Полковник подумал о Дэвисе. И дело было вовсе не в том, что он испытывал какую-то личную симпатию к молодому человеку, Дейнтри беспокоил сам факт его смерти. Полковник заговорил вслух, обращаясь как бы к своему единственному собеседнику — хвосту сардинки на кончике вилки.

«Суд присяжных никогда бы не признал его виновным, и виновным в чем, собственно говоря?» У Дейнтри не было никаких доказательств, что Дэвис умер насильственной смертью: вскрытие показало, что смерть наступила в результате цирроза печени. Полковник пытался вспомнить, что сказал ему на охоте доктор Персивейл. Тогда он выпил лишнего, как, впрочем, и сегодня, поскольку чувствовал себя неловко в незнакомой компании. Персивейл зашел к нему без приглашения и стал что-то говорить о художнике Николсоне.

К сыру Дейнтри так и не притронулся и вместе с использованной тарелкой отнес его на кухню, вернее кухоньку, как их теперь называли, поскольку там от силы мог поместиться лишь один человек. Он вспомнил большую кухню на первом этаже их дома в графстве Суффолк, где после ютландского сражения обосновался отец. На ум пришло неуместное замечание Баффи об исповеди. Отец никогда не был сторонником исповеди, поэтому осуждал знакомого пастора англиканской церкви за обет безбрачия и за то, что он установил в своем приходе исповедальню. Отец относился к исповедям как к чему-то второстепенному, поэтому прихожане иногда исповедовались матери Дейнтри, которую уважали и любили. Дейнтри доводилось слышать, как его матушка пересказывала отцу откровенные высказывания прихожан, без лишнего преувеличений, наговоров и прочих наветов. «Думаю, тебе не помешает знать, что подала мне вчера миссис Бейнз», — обычно начинала разговор мать.

Дейнтри снова заговорил вслух, в этот раз обращаясь к раковине, — очевидно, эта привычка стала укореняться в нем. «Никаких существенных улик против Дэвиса и не было», — заметил полковник. Дейнтри чувствовал долю своей вины в случившемся, ему не так уж много оставалось до ухода в отставку — отставку от чего? Просто одно одиночество сменилось бы другим.

Полковнику вдруг захотелось вернуться в родительский дом в Суффолке, пройтись по заросшей травой дорожке, вдоль которой росли невзрачные лавровые кусты, и заглянуть в дом. Там даже прихо-

жая была больше его нынешней квартиры. Слева на вешалке висели шляпы, а справа в бронзовой подставке хранились зонтики. Дейнтри осторожно открыл бы дверь в гостиную. Отец с матерью сидели на ситцевом диванчике, держась за руки, полагая, что здесь, в комнате, они одни и никто не посягнет на их покой.

«Не лучше ли мне подать в отставку, — спросил бы он их, — или подождать, когда предложат уйти по возрасту?» Дейнтри хорошо знал, что родители ответили бы отрицательно. Отец всегда считал, что начальство, подобно капитану крейсера, наделено пророческим правом вершить чужими судьбами, поэтому его сыну должно прислушаться к мнению старшего по званию. Что касалось матери, то она, например, советовала деревенским девушкам, которые не ладили со своими хозяевами, не делать поспешных выводов, поскольку «не так-то легко найти себе другую работу». Отец, бывший военный капеллан, искренне веривший в капитана и бога, дал бы полковнику ответ, достойный христианина. Матушка надела бы его практическим житейским советом. И действительно, шансов устроиться на работу в случае отставки у Дейнтри ничуть не больше, чем у простой молочницы в небольшой деревеньке, где они жили с родителями.

Полковник вернулся в комнату с вилкой, так и забыв оставить ее на кухне. Впервые за несколько последних лет у него появился телефон дочери — после свадьбы она прислала визитку с адресом и телефоном. Визитка являлась единственным связующим звеном с дочерью. «Не исключено, — подумал Дейнтри, — что меня пригласят на обед. Сам я, конечно, напрашиваться не стану... но если она предложит...»

Дейнтри не узнал мужчину, снявшего трубку. Полковник переспросил:

— Это номер 673-10-75?

— Да. Кто вам нужен? — ответил незнакомый голос.

Дейнтри растерялся, все фамилии перемешались у него в голове, и он сказал:

— Попросите миссис Клаттер, пожалуйста.

— Вы не туда попали.

— Извините.

Полковник положил трубку. Безусловно, он мог исправиться: «Я имел в виду миссис Клауф», — но было слишком поздно. Незнакомец, который подходил к телефону, по всей вероятности, был его зятем.

— Ты не сердись, что мне не удалось пойти на похороны? — спросила Сара.

— Нет, разумеется, нет. У меня тоже не получилось, я встречался с Мюллером.

— Я боялась, что не успею вернуться до прихода Сэма из школы. Он мог спросить, где я была.

— Так или иначе, но когда-то придется ему рассказать.

— Все правильно. Но спешить не стоит. Много народа присутствовало?

— По словам Синдры, не так много. Пришел, естественно, Уотсон, как руководитель нашего сектора. Были доктор Персивейл и сэр Джон, благородно, конечно, с их стороны. Ведь Дэвис не занимал в нашей конторе высокого положения. Еще кузен Дэвиса, Синдра по крайней мере так считает, поскольку видела у него на рукаве черную повязку.

— А что было после службы?

— Не знаю точно.

— Я имею в виду, как поступили с телом?

— Думаю, кремировали, как распорядились родственники покойного.

— Тот самый кузен?

— Наверно.

— У нас в Африке похороны проходили более пышно.

— Ты же знаешь... в каждой стране — свои обычаи.

— Да, но культуру Старого Света принято считать более древней.

— Ты права. Однако древние цивилизации не всегда славилась состраданием. В этом смысле мы не уступаем римлянам.

Касл допил виски и сказал:

— Поднимусь к Сэму и минут пять почитаю ему на ночь, чтобы он не думал, будто что-то стряслось.

— Поклянись, что ты ничего ему не скажешь, — попросила Сара.

— Ты что, мне не веришь?

— Верю, конечно, но...

Перевела с английского Мария ОСИНЦЕВА.

Продолжение следует.

ОСТАНЬСЯ С НАМИ,

ИЛИ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ВЕНГРЫ ПРЕОДОЛЕВАЮТ СОЦИАЛЬНЫЙ НЕДУГ

Дмитрий ЛИХАНОВ,
спец. корр. «Огонька»

**ВЕНГРЫ СТОЛКНУЛИСЬ С НАРКОМАНИЕЙ ГОРАЗДО
РАНЬШЕ НАШЕГО. В КОНЦЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ
ДЕСЯТКИ И СОТНИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ НЕОЖИДАННО
ПРИСТРАСТИЛИСЬ К ТАК НАЗЫВАЕМЫМ
«ТАБЛЕТКАМ ПАРКАН» — СРЕДСТВУ
ОТ БОЛЕЗНИ ПАРКИНСОНА.
ЭТО ЛЕКАРСТВО ОКАЗАЛОСЬ СТОЛЬ ДЕШЕВЫМ
И ЭФФЕКТИВНЫМ ДУРМАНОМ, ЧТО В ТЕЧЕНИЕ
НЕСКОЛЬКИХ МЕСЯЦЕВ «ЭПИДЕМИЯ ПАРКАН»
ПРОКАТИЛАСЬ БУКВАЛЬНО ПО ВСЕЙ СТРАНЕ.
К СЕРЕДИНЕ СЕМИДЕСЯТЫХ СТРАСТИ
ВОКРУГ «ПАРКАНА» ЗАМЕТНО ПОУТИХЛИ,
НО ИМЕННО К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ
ОТНОСИТСЯ ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ВЕНГЕРСКИХ
ТОКСИКОМАНОВ. НАРКОМАНИЯ ПОШЛА В НАСТУПЛЕНИЕ.
ОБ ЭТОМ, КОНЕЧНО ЖЕ, ЗНАЛИ И ГОВОРИЛИ.
МОЛОДЕЖЬ С НЕСКРЫВАЕМЫМ ЛЮБОПЫТСТВОМ,
ЛЮДИ ПОСТАРШЕ СО СТОЛЬ ЖЕ
НЕСКРЫВАЕМОЙ ТРЕВОГОЙ.**

К началу восьмидесятых годов вопреки всем ожиданиям наркомания в Венгрии не только не исчезла, а, наоборот, лишь набрала силу. Проблема оказалась для венгров настолько серьезной, что на последнем съезде партии о ней говорили уже открыто.

...Вначале он меня несколько обескуражил. «Давайте сравним,— сказал председатель подкомиссии по наркомании государственной комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом Силард Лошка,— примерно пять процентов венгров страдают хроническим алкоголизмом — полмиллиона человек. Еще полмиллиона чрезмерно употребляют спиртное. Каждый год по причине пьянства в стране умирает около 10 000 человек. Я уже не говорю о пьяных зачатках, разводах, самоубийствах... Что же касается наркоманов, то их у нас в стране всего 30—35 тысяч человек, из которых только тысяча находится в зависимости от наркотиков. Именно поэтому мы и расцениваем алкоголизм как проблему первостепенной важности. Одним словом, наркотики для Венгрии — не самая большая опасность». Тут он помедлил немного и добавил: «Однако мы и не приуменьшаем всей значимости этой проблемы. И уж если бороться со злом, то делать это надо прямо сейчас».

ПРАВИТЕЛЬСТВО

По существу, именно венгерское правительство начало фронтальное наступление на наркоманию. В 1982 году Совет Министров Венгерской Народной Республики затребовал от специалистов подробный анализ всех социальных недугов. К концу следующего года такой анализ был готов. В нем говорилось о высоком уровне самоубийств, алкоголизме, разводах, сиротстве, о преступности и наркомании в том числе. Примерно в это же время Всевенгерская комиссия по борьбе с алкоголизмом разработала и представила в Совмин ВНР комплексную программу по борьбе с алкоголизмом и наркоманией. Программа была одобрена и принята на заседании Совмина республики

всего через пять (!) дней. В том же году с целью усиления борьбы с алкоголизмом и наркоманией была создана специальная государственная комиссия. Ее возглавила врач Юдит Чехак — член Политбюро ЦК ВСРП, министр социального обеспечения республики.

Сегодня государственная комиссия имеет своих полномочных представителей практически во всех районах страны и располагает ежегодной государственной дотацией в пятьдесят миллионов форинтов. Эти деньги расходуются на финансирование всевозможных местных начинаний.

— Ну, хорошо,— спросил я Силарда Лошку,— создание аппарата — дело, безусловно, нужное, однако ведь в конечном итоге не это главное, а то — какова его отдача?

— Не считите за бюрократический прием, но результаты нашей работы и в самом деле трудно проверить на ощупь. Ведь мы не ловим контрабандистов, как делают это полицейские, не лечим наркоманов, как врачи. Наша задача — пресечь это зло на корню, сделать так, чтобы слово «наркомания» вызывало у нормального человека только отрицательные эмоции.

В этом смысле государственная комиссия и в самом деле кое-чего добила. К примеру, по заказу комиссии уже начались съемки трех документальных фильмов о губительности наркотиков. Первый фильм будет предназначен для подростков от десяти до шестнадцати лет, второй — для их родителей, третий — для специалистов. Эти фильмы планируется прокрутить по телевидению, а затем растрировать его для школьных видеосистем.

Кроме этого, министерство просвещения Венгрии, опять же с подачи государственной комиссии, подготовило на эту тему специальные школьные программы, которые будут предназначены не только для старшеклассников, но даже для пятиклашек. (Представляю себе реакцию нашего Минпроса, предложи им кто-нибудь подобное.)

— Впрочем, все это очень длинная история,— сказал Силард Лошка,— лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Так, кажется, у вас говорят?

ПОЛИЦИЯ

Что касается полиции, то ее в большей степени волнуют квартирные кражи и дорожно-транспортные происшествия, нежели наркоманы. В самом деле: по статье за незаконное хранение и торговлю наркотиками во всей Венгрии ежегодно привлекается к уголовной ответственности не более ста человек. Кстати сказать, это вовсе не свидетельствует о неповоротливости полицейского аппарата, просто, как справедливо считают в министерстве внутренних дел республики, наркомания — это вовсе не преступление, а болезнь, а стало быть, и незачем полнить тюрьмы подобного рода людьми, нет смысла.

Своеобразие наркомании порождает своеобразие преступлений. В Венгрии не встретишь подпольных торговцев опиумом, ни за что не услышишь о вражде между сбытчиками героина. Для венгров все это из области детективного жанра. А вот местные газеты нет-нет да и сообщают о том, что в таком-то городе ограблена больница или совершен налет на аптеку. Расследовать такое дело проще пареной репы, ибо наркоманы, как объяснили мне в полиции, держатся стойкой: дернешь за ниточку, и размотается весь клубок. Впрочем, подобные налеты случаются крайне редко.

Что касается фармацевтических фабрик, то их уже давно снабдили тройным заслоном и контролем, так что возможность выноса наркотиков за проходную практически исключена.

— Однако строить радужные прогнозы просто не имею права,— сказал начальник отдела МВД ВНР подполковник Иштван Лоци,— дело в том, что, судя по всему, наркомания и впредь все глубже будет проникать в социалистические страны. Мы достаточно тесно сотрудничаем с Интерполом, регулярно получаем от него необходимую информацию, из которой следует, что полиция европейских стран активно теснит сбытчиков дурмана на всех фронтах, конфискует грузы, потрошит притоны. А стало быть, не исключено, что эти люди могут перенести свои незаконные операции в ту же Венгрию.

Ведь ежегодно в ВНР приезжает около 17 миллионов иностранных туристов...

— К этому следует добавить,— сказал подполковник доктор Ласло Киш,— что, например, в Голландии, дабы избежать возни с нелегальными торговцами, додумались выдавать наркотики в централизованном порядке. И туда съехались наркоманы со всей Европы. А Голландия от Венгрии не так уж и далеко. Словом, нам, полицейским, в этом смысле ухо надо держать востро.

НАРКОАМБУЛАТОРИЯ

Учреждений, подобных этому, я, к сожалению, в отечестве нашем пока не встречал. Быть может, и существует у них что-то общее с наркологическими диспансерами, но только весьма и весьма отдаленное. Главная же разница состоит в том, что силком в наркоамбулаторию никто никого не тащит, на учет вопреки твоему желанию не ставят, не смотрят на тебя как на изгоя. Для любого из сотрудников наркоамбулатории ты прежде всего человек. Человек, попавший в беду.

Сейчас в Венгрии существует всего три наркоамбулатории: в Будапеште, Сегеде и Пече. Будапештская — самая новая. Она открылась в августе прошлого года. Но, несмотря на это, весь ее небольшой штат с первых же дней энергично включился в работу. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что заработная плата у сотрудников наркоамбулатории несколько превышает заработную плату в системе здравоохранения страны. Возглавляет наркоамбулаторию молодой врач-психиатр Иштван Перне.

— Понимаешь,— объяснял Иштван,— тут главное — разобраться, чего мы хотим. Если человек попал, как говорится, в систему, стал полностью зависим от наркотиков, наше учреждение ему уже не поможет. Для этого существуют психиатрические больницы. Наша задача — спасти начинающих.

Однако, как справедливо считает Иштван Перне, отучить человека от наркотиков — это еще полдела. Главное — вернуть его обществу, восстановить те нити, которые связывали его прежде с любимым делом, семьей, обществом. Именно ради этого в штат наркоамбулатории, помимо профессиональных психиатров и психологов, включены педагог, социолог и юрист. Эти люди как бы исполняют роли доверенных лиц попавшего в беду человека: обзванивают его знакомых и друзей, пытаются внести лад в семью, переговорить с его руководителями по службе. В этих же целях родственники наркоманов организовали при наркоамбулатории своеобразный клуб, в котором за чашечкой кофе можно поделиться друг с другом своим печальным опытом или посоветоваться, как поступить в той или иной ситуации.

ЦЕРКОВЬ

Прошлой осенью в Будапеште прошел представительный теоретический диалог между католиками и марксистами, в ходе которого, между прочим, об-

суждались вопросы совместного сотрудничества не только в миротворческой, но и в гуманитарной, и в социальной сферах.

Церковь, в частности, открывает собственные сиротские приюты и специальные интернаты для инвалидов. Вполне естественно, что она никак не могла пройти мимо такого порока, как наркомания.

— Вам, наверное, известно об «эпидемии Паркан», — сказала мне представитель объединения Свободных церквей Эгонне Готтл, — так вот, уже тогда церковь вступила в непримиримую борьбу с наркоманией. Один из основных постулатов христианства — оказание помощи страждущим, и поэтому венгерские церкви в течение довольно короткого времени включились в создание специальных служб помощи тем, кто жаждет очищения от порока. Вот, к примеру, реформатская церковь организовала большую миссию, куда сегодня приходят десятки молодых людей, страдающих наркоманией. Церковь ежегодно получает большие пожертвования внутри страны и из-за рубежа, а потому имеет возможность не только содержать специальный фонд призрения, но и готовить своих специалистов в области борьбы с наркоманией.

Эрика — молодая симпатичная девушка в джинсах и несколько легкомысленной майке. В течение нескольких лет Эрика работала в церковном приюте для девушек-наркоманов.

— Обычный день в приюте строился таким образом, — рассказывает Эрика, — подъем в семь утра, затем девушки убирают свои комнаты, завтракают, после чего до полудня работают в саду либо по хозяйству. Во второй половине дня они отдыхают, читают Библию, занимаются спортом или ходят на экскурсии. Словом, в приюте весь день у них занят делами. Кроме того, они проходят курс лечения и специальную реабилитационную программу. На все это уходит примерно два года.

Что поразило: ни один из моих собеседников, начиная от представителей государственной комиссии и кончая полицейскими, ни разу не подвергал сомнению деятельность церковных организаций в деле борьбы с наркоманией.

Наоборот, все они подчеркивали, что помощь церкви в благом государственном начинании весьма значительна и отказываться от нее нельзя.

СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ

Раньше в Венгрии существовала всего одна Государственная страховая компания. В июле прошлого года от нее отпочковалась и приобрела статус самостоятельности страховая компания «Унгария», взявшая на себя страхование личного имущества, автомобилей, а также большую часть страхования за рубежом.

Именно «Унгарию» принадлежит инициатива финансирования некоторых программ в области здравоохранения, в том числе программы по борьбе с наркоманией.

Социолог компании Андраш Маркош буквально ошарашил меня громадным устрашающим цифр. «По сравнению с Западной Европой, — сообщил он, — Венгрия занимает лидирующее положение по смертности от раковых и кардиологических заболеваний, низка продолжительность жизни, высоко число самоубийств, а детская смертность превышает средневропейскую в два раза. Все это наводит на грустные размышления, — подытожил Андраш Маркош, — но если к статистике подойти по-деловому, то окажется, что каждая случайная смерть или потеря трудоспособности невыгодны по чисто экономическим соображениям, ибо вынуждают нас выплачивать гигантские страховки. Эти суммы на сегодняшний день составляют многие миллионы форинтов».

Исходя из этих соображений, «Унгария» решила поместить часть своего капитала в развитие системы венгерского здравоохранения.

В марте этого года в одиннадцатом районе Будапешта произойдет интересное событие. Здесь откроется первый в стране наркологический центр, созданный на средства страховой компании «Унгария». Компания будет финансировать всю научную, практическую и методологическую работу центра и выплачивать зарплату его сотрудникам. Правда, лишь до тех пор, пока центр сам не будет приносить доход и обеспечивать свое полноценное существование.

— До марта следующего года на борьбу с наркоманией «Унгария» намеревается потратить примерно 20—25 миллионов форинтов, — сказал Андраш.

— А как же прибыль, доходы, — спросил я, — да и вообще окупятся ли вложенные средства?

— Окупятся, — уверенно сказал Андраш, — здоровые люди — вот наш «капитал».

ФОНД

На стене — плакат: шприц с перехваченной иглой и надпись: «Останься с нами». Под этим лозунгом летом прошлого года на самом большом стадионе Будапешта состоялся грандиозный рок-концерт. На нем выступили популярнейшие венгерские ансамбли и исполнители. И все они в своих песнях призывали к одному: «Брось наркотики, не уходи, останься с нами!». Сбор от концерта, на котором побывало более десяти тысяч молодых людей, был перечислен в специальный фонд по борьбе с наркоманией. Организатором фонда стал журнал венгерского комсомола «Мадьяр ифьюша».

— О проблеме наркомании мы, журналисты, знали давно, — рассказала мне редактор международного отдела журнала, одна из инициаторов фонда Вера Вельди, — знали и очень хотелось хоть как-то помочь тем, кто пытается вырваться из одурманивающего плена. Но как это сделать, как помочь? И вот тогда возникла идея с этим концертом. Ведь слово рок-кумира порою доходит до молодого человека лучше, чем увещевания собственных родителей. Это с одной стороны. А с другой — заработанные от концерта деньги можно перечислить на вполне конкретную помощь. Как мы и ожидали, расчет оказался верным. Песня «Останься с нами» явилась своеобразным гимном отказа от наркотиков, а доход от концерта — около полутора миллионов форинтов — помещен в банк под выгодные проценты. Одним словом, мы сделали ставку на общественность и не проиграла.

...Венгрия — очень маленькая страна, и у этой маленькой страны в последнее время все больше и больше трудностей; непомерные внешнеэкономические задолженности, рост цен, высокие налоги, масса социальных проблем, среди которых и наркомания... Но вот что поразительно: граждане этой маленькой страны все-таки, несмотря ни на что, находят в себе силы сплотиться перед лицом трудностей, навалиться, что называется, всем миром и попытаться победить.

...Наша страна куда больше Венгрии, и трудностей у нас никак не меньше, а даже больше, и наваливаться, если приспичит, умеем не хуже. А вот с наркоманией никак не совладаем. Неужто не приспичило? Неужто и далее будем бороться с этим злом по принципу кто в лес, кто по дрова, а лучшим средством от недуга будет считаться психушка и ЛТП? Неужели не хотим, чтобы внуки наши и дети не ушли и остались с нами?

Будапешт — Москва

НЕИЗБЕЖНОСТЬ БУДУЩЕГО

Окончание.

Начало на центральной вкладке.

и цвет наконец-то «повенчались».

В 1962 году группа студентов-энтузиастов Казанского авиационного института приступила к целенаправленному изучению проблем светомузыки, конструированию аппаратуры, экспериментам в области кино, театра и живописи. Поскольку именно им впервые в стране удалось реализовать в концертном исполнении поэму А. Н. Скрябина «Прометей», это название и было присвоено студенческому конструкторскому бюро. За четверть века ему — под руководством физика Булата Галеева, ныне доктора философских наук, — удалось сделать то, что не каждому НИИ под силу. Созданы городская студия и музей светомузыки. Разработан ряд уникальных светоинструментов. Осуществлена постановка первого в стране спектакля «Звук и Свет». Снято несколько фильмов, причем «прометеевцы» разработали оригинальную технологию получения цветного изображения на черно-белой пленке, на которую удалось получить авторское свидетельство.

Аппаратура, приборы и фильмы «прометеевцев» награждены медалями, демонстрировались на советских выставках в США, Канаде, Англии, Франции, Греции, Сирии, ГДР, ЧССР, ПНР, представлялись в культурной программе Всемирных фестивалей молодежи и студентов, на Московской Олимпиаде...

Что мы знаем о светомузыке? Гремящая дискотека с батареей ослепляющих светопушек и мигалок? Выступления рок-групп с обязательными световыми эффектами? Продающиеся по доступной цене бытовые «цветомузыкальные установки»? Вот, пожалуй, и весь стандартный набор обыденного представления.

Удивительное дело! Существует целое научное направление в технике, культуре, философии, эстетике, занимающееся вопросами синестезии в искусстве. Существуют грандиозные спектакли — театрализованное воспроизведение библейских сюжетов в Иерусалиме, у подножия египетских пирамид, в замке Гамлета в Дании, в Версале под Парижем; спектакли и театральные коллективы, в основе творчества которых лежит синтез света, цвета и звука, — театр пластической драмы Г. Мацквичюса и кукольный театр М. Цифринович; студии музыкальной светоживописи Ю. Правдюка и И. Прищенко в Харькове, группы «Экос» и «Андромеда» в Москве, «Лазериумы» в Дзержинске, Ужгороде, Ленинграде; антология отечественных и зарубежных светомузыкальных фильмов, как классические ленты О. Физингера, У. Диснея, Н. Макларена, так и современные... И в то же время всего перечисленного как бы не существует, если и существует, то в тени.

Светомузыка — дитя техники и искусства. Беспризорной она остается, видимо, в основном из-за трудности на практике объединить в одном лице конструктора и музыканта, инженера и художника, настройщика электроники и режиссера, человека с паяльником и отверткой и артиста. В наш век узкой специализации подобный универсализм вряд ли возможен, а реализация каждого серьезного светомузыкального произведения требует разработки оригинальной или уникальной аппаратуры и техники.

Теория же светомузыки, в целом

обобщив фактический материал за последнее столетие, приступает к разработке боковых ветвей и ответвлений. Генерально направление более или менее ясно — на смену эпохе автономного существования музыки, живописи, театра и т. д. приходит эра взаимовлияния и взаимообогащения муз, синтеза всех родов искусств.

В некоторых выступлениях ученых во время работы школы-фестиваля звучала озабоченность неблагополучием в нашей духовной жизни. Профессор Ленинградского университета М. Каган констатировал стыдливо замалчиваемый факт увеличивающегося разрыва между культурой интеллигенции и культурой широких масс. Пора перестать утверждать, что массовая культура существует лишь «у них». Советская массовая культура существует и будет существовать, вопрос — каким содержанием мы будем наполнять ее?

Потеряно целое поколение театральных зрителей, слушателей классической музыки, посетителей музеев и художественных салонов. Как их вернуть к непреходящим духовным ценностям? У аудиовизуальных средств, основывающихся на синтезе традиционных искусств, — широчайший и еще не до конца познанный диапазон воздействия на все категории населения, и особенно на детско-юношескую аудиторию. Таким образом, решая, казалось бы, специальные вопросы, мы решаем задачи первостепенной идеологической важности.

Сегодня игнорирование явления светомузыки чревато и значительными материальными издержками. Так, накануне Московской олимпиады мы закупили у западногерманской фирмы светомузыкальный фонтан за полмиллиона валютных рублей, в то время как в СКБ «Прометей» пылится более интересная разработка светомузыкального фонтана следующего поколения. Около ста городов нашей страны, затеявшие строительство фонтанов, проделывали сизифов труд, бессмысленно растративая уйму денег, сил и материалов. А когда представители венгерского «Электроимпекса» обратились к «Прометею» с предложением: «Ваши идеи и разработки — наше внедрение в производство и совместный выход на европейский рынок», — им были вынуждены отказать. Откуда у студенческого бюро, до недавнего времени ютившегося в двадцатиметровой комнате, забитой аппаратурой до потолка, штат конструкторов, технологов, чертежников, художников, дизайнеров для подготовки гор чертежей и технологических карт для продажи или кооперации? Выпуск бытовых светомузыкальных установок в стране идет уже на десятки миллионов рублей, и каждое предприятие заново изобретает велосипед, плодя семейство примитивных мигалок, лишенных каких-либо художественных и эстетических достоинств. Теперь каждому непредвзятому человеку очевидно, что дальнейшая разрозненность и кустарно-самодельный уровень светомузыкального движения приносят прямые финансовые и материальные убытки.

Наконец-то на нынешней школе-фестивале было решено организовать Всесоюзный совет по светомузыке при ЦК ВЛКСМ, призванный координировать и направлять на местах усилия студий и лабораторий. Казалось бы, прогресс налицо и можно радоваться... Но ЦК ВЛКСМ при всем понимании вопроса и помощи в организационных делах не сможет подменить собою министерств культуры и высшего образования, Академию наук СССР и промышленные предприятия. Двадцать пять лет ведутся разговоры о создании Всесоюзного центра светомузыки — организации, которая бы целиком отвечала за судьбу этого движения.

Вопрос пока остается открытым, но рано или поздно принимать решение придется. Разумеется, лучше бы сделать это своевременно.

Александр ПРОКОФЬЕВ

1900—1971

Родился в ладожской рыбацкой деревне, участник гражданской войны. Лучшими стихами Прокофьева были не его риторические рифмованные декларации в стиле а-ля рюс, а выросшие на благодатной почве северного фольклора народные озорные стихи, похожие то ли на удичные припевки, то ли на ладожские буйные волны, по-океански разгулявшиеся под ветром. От рождения талантливый поэт, берущий стихийной силой («тырли-бутырли, дуй тебя горой», «Враги прокричали — амба! Цолундра! — сказали мы»).

К сожалению, бывший бунтовщик и литературный задира, кореш Бориса Корнилова, став руководителем Ленинградской писательской организации, оставил о себе далеко не лучшую память, неоднократно выступая против писателей, требовавших гласности.

НЕВЕСТА

По улице полдень, летя напролом,
Бьет черствую землю зеленым
крылом.
На улице, лет молодых не тая,
Вся в бусах, вся в лентах —
невеста моя.
Пред нею долины поют соловьем,
За нею гармоники плачут вдвоем.
И я говорю ей: «В нарядной стране
Серебряной мойвой
ты кажешься мне.
Направо взгляни и налево взгляни:
В зеленых кафтанах выходят линии,
Ты видишь линия иль не видишь
линия?
Ты любишь меня иль не любишь
меня?»
И слышу по чести ответ не прямой:
«Подруги, пора собираться домой,
А то стороной по камням-валунам
Косые дожди приближаются к нам».

«Червонная краля, постой,
подожди,
Откуда при ясной погоде дожди?
Откуда быть буре, коль ветер —
хромой?»
И снова: «Подруги, пойдемте домой.
Оратор сегодня действительно прав,
Бесчинствует солнце у всех
переправ;
От близко раскиданных солнечных
вех
Погаснут даренные ленты навек».
«Постой, молодая, постой,—
говорю,—
Я новые ленты тебе подарю.
Подругам на зависть, тебе
на почет.
Их солнце не гасит и дождь
не сечет.
Что стало с тобою? Никак не пойму.
Ну хочешь — при людях тебя
обниму?..»
Тогда отвечает, как деверю мне:
«Ты сокол сверхъясный в нарядной
стране.
Полями, лесами до огненных звезд
Лететь тебе, сокол, на тысячу
верст!
Земля наши судьбы шутя развела.
Ты сокол, а я дожидаю орла!
Он выведет песню, как конюх коня,
Без спросу при людях
обнимет меня.
При людях, при солнце, у всех
на виду».
...Гармоники смолкли, почуяв беду:
И я; отступая на прах медуниц,
Кричу, чтоб «Разлуку» играл
гармонист.

1934.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Борис РУЧЬЕВ

1913—1973

Рабочий комсомольский поэт, пришедший в литературу с Магнитки. В 1933 году в Свердловске вышла первая книга «Вторая Родина»... В 1937 году был незаконно репрессирован, реабилитирован только в 1957 году. Поэмы «Прощание с юностью», «Любава» близки «Строгой любви» Ярослава Смелякова, рассказывают о комсомоле первых пятилеток. Однако в отличие от Смелякова, который в целом поддерживал «новую волну» советских поэтов, выступивших после 1953 года со стихами против Сталина, Ручьев неожиданно для нас всех стал критиковать это направление и за содержание, и за новую форму.

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Александра Соловьева,
ты ли все четыре дня
в платье шелку голубого
наряджалась для меня?

Из-за ясных глаз, родная,
по такой в ночном бреду
вечно юноши страдают
на семнадцатом году.
Встанешь с правой стороны —
мне и ноги не верны.
Склонишь голову к плечу —
я от страха замолчу.
И шагаю, как в метели,
радость в сердце затая,
Александра, неужели,
Александра, ты моя?..
Фонари горят — не вижу,
поезда гремят — не слышу,
грудь подставляю хоть ножу
и ни слова не скажу.

Я считал себя ученым,
кое-как науки знал,
подростающих девчонок
вечерами провожал.
Первым басом песни пел,
целоваться не умел.
Не нашел я в мире слова,
от какого бродит кровь,
Александра Соловьевой
описать свою любовь.
Не ответил, как хотел,
ей в глаза не поглядел.
Говорил про легкий воздух,
про медовый лунный свет,
о больших и малых звездах,
о скитаниях планет.
Грел на сердце, не таю,
думку тайную мою —
думал:
ахнет Александра,
Александру удивлю,
думал, скажет Александра:
«Я за то тебя люблю!»
Александра Соловьева,
где ты видела такого?
Подымал я к звездам руки,
спотыкаясь о кусты,
познавала ты науки
и в глаза глядела ты.
На четвертый вечер вдруг
отказалась от наук...
Сел я, горький и суровый,
папиросу закурил.

Алексадре Соловьевой
ничего не говорил.
Час — ни слова, два — ни слова,
только дым над головой.
Александра Соловьева,
ты ли мучилась со мной?
Ты ли кудри завивала,
чтобы я их развивал,
ты ли губы раскрывала,
чтобы я их закрывал?
Ты ли кудри расчесала,
робость подлую кляня,
ты ли губы искусила
от досады на меня?..

Над зарей фонарь горит,
Александра говорит:
— Ах, как холодно в саду,
ноги стынют, как на льду,
за науки вам спасибо,
а домой — сама дойду!..
Я сидел как равнодушный
и ответил, как в бреду,
что, напротив, очень душно
в этом пламенном саду...
Длинной бровью повела,
руку в руку подала,
Александра Соловьева
повернулась и ушла.

II

Всю ту зимушку седую
как я жил, не знаю сам,
и горюя и бедую
по особенным глазам.
Как два раза на неделе
по снегам хотел пойти,
как суровые метели
заметали все пути...
Как пришел я в полночь мая,
соблюдая тишину,
задыхаясь, замирая,
к соловьевскому окну —
про любовь свою сказать,
Александру в жены звать.
Александра Соловьева,
ты забыла ли давно,
двадцать пять минут второго,
неизвестный стук в окно?

Вышла в сени по ковру,
улыбнулась не к добру,
вышла с тальными глазами,
вся в истоме, вся в жару.
Будто пчелы с вешних сот
на лице собирали мед,
да ослепли медоноски,
всю изжалили впотьмах —
две медовые полоски
прикипели на губах.
Кудри сбиты и развиты,
пали замертво к плечам,
плечи белые повиты
в крылья черного плаща.
Плащ до самого следа,
сверху звезды в два ряда,
плащ тяжелый, вороненый,
весь зеркальный, как вода.
Перелетные зарницы
на волнах его горят,
самолеты на петлицах
к небу медленно летят...
И ударил с неба гром,
улыбнулся я с трудом.
— Вот, — сказал я, —
здоровствуй, что ли,
я стучался под окном.
Объясни мне, сделай милость,
если дома ты одна,
в чью одежду нарядилась,
от кого пьяным-пьяна?..
Покраснела Александра,
погасила в сени свет.
И сказала Александра:
— Александры дома нет!..

Александра Соловьева,
как бежал я до огня
от холодного, ночного
соловьевского окна!
Над землею птички стаи,
птички свадьбы засвистали.
Я, шатаюсь, шел вперёд
от калиток до ворот.
И лежала в реках мая,
палисады окрыля,
в тайных криках, как немая,
оперенная земля,
вся в непряде шелку,
вся в березовом соку.

И ТВОРЧЕСТВО, И ЧУДОТВОРСТВО...

А. И. КАЛЬПУС.
Род. 1939.
МАЛЬТА.
Ла-Валлетта.
1977.

ПАЛИТРА

Офорты и монотипии Алисы Кальпус давно обосновались в музеях нашей страны и в частных коллекциях состоятельных меценатов Италии и Америки, Испании и Франции, Югославии и Румынии; побывали на различных вернисажах — всесоюзных, республиканских и международных.

Художница много путешествует. Ее маршруты — Дагестан, Средняя Азия, Крым и северная Рос-

Из серии
«Рим».
1983.

УЛИЦА В РИМЕ. 1978.

ПОЛДЕНЬ. 1985.

сия, крошечная Мальта в Средиземном море и Рим. Карандашные наброски и эскизы, привезенные из путешествий, спустя некоторое время становятся офортом или монотипией.

Алису Кальпус привлекает и природа, и люди. Но, пожалуй, особое внимание художница обращает на городской пейзаж.

В ее творческой биографии есть прочная привязанность, похожая на первую любовь. Это «римские каникулы». С той поры минули годы, давние впечатления постепенно теряют четкость очертаний, отсюда «размытая» фактура ее «римских» офортов.

Нина ВИКТОРОВА

РАССКАЗ

ГОД ЛЕБЕДИ

ПЕРВАЯ КНИЖКА Р. КИРЕЕВА ВЫШЛА В 1962 ГОДУ. ЭТО БЫЛ СБОРНИК СТИХОВ. КАК ПРОЗАИК ДЕБЮТИРОВАЛ В 1965 ГОДУ В «НОВОМ МИРЕ». АВТОР РОМАНОВ «ПРОДОЛЖЕНИЕ», «МОИ ЛЮДИ», «ПОБЕДИТЕЛЬ», «АПОЛОГИЯ», «ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ТЕТРАДЬ», «КРОВЛИ ДАЛЕКОГО ГОРОДА», А ТАКЖЕ СБОРНИКОВ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ В ЯНВАРСКОМ НОМЕРЕ «ЗВЕЗДЫ» ЗА ЭТОТ ГОД ОПУБЛИКОВАЛ ПОВЕСТЬ-ЭССЕ О ЧЕХОВЕ «ПРИБЛИЖЕНИЕ К ТАГАНРОГУ»

Помимо пляжа, который некогда назывался Золотым, помимо знаменитых лиманов, помимо старой турецкой бани и античных руин в центре города — словом, помимо всех этих чудес, о которых мне уже приводилось писать, Витта славится еще своими чебуреками. Но не теми, что жарят неподалеку от рынка и тут же, на рынке, продают — в огромных эмалированных тазах, прикрытых ветошью. Это кушанье скверное. Настоящими чебуреками вас угостят в кафе «Бриз», ничем не примечательной на вид типовой стекляшке возле морского вокзала. На ваших глазах выловит их из котла тучная раздатчица, шлепнет, не считая, в мокрую тарелку.

— Кушайте на здоровьице!

Чебураки лежат, раздувшись, как диковинные рыбы, живые еще, огненные (пузырьки масла лопаются), и золотистые бока их медленно опадают. Ровно полдюжины — глаз у раздатчицы точен.

Все, даже зеленые юнцы, зовут ее Ниночкой.

— Салют, Ниночка! Как чебураки сегодня?

— Ничего, — охотно отвечает она. — Вкусные. — И по тому, как говорится это, вы чувствуете: правда вкусные.

Живет она вдвоем с матерью, крепкой, широкой кости старухой, охраняющей по ночам пляж. Перемахнуть через невысокий забор — влюбленным ли, хмельной компании, просто охотникам до ночных купаний — раз плюнуть, но сторож Мария Поликарповна тут как тут. Переваливаясь, точно утка, шкандыбает по вязкому песку и свистит, свистит в милицейскую свою свистульку.

Бывает, Мочалки цапаются друг с дружкой (это у них фамилия такая: Мочалко), но быстро мирятся, и так из месяца в месяц, из года в год. Дочки-матери зовут их во дворе с легкой руки дяди Семена, что с утра до вечера сидит у ворот, с комфортом уложив на скамейку больную ногу. Вернее, протез.

Не их одних, впрочем, зовут так — есть еще парочки. Бобковы, Анна и Алла, обе длинные, обе худые, со спины не разобрать, кто мать, кто дочь, да и имена, как нарочно, схожие. Мудрено ли, что люди путают? Мать работает в автопарке, и не диспетчером там каким-нибудь, не бухгалтером, а главным инженером. Шоферня уважает ее. Зато дочь, книжная барышня (библиотечный техникум окончила), не признает ее совершенно. Мать — слово, она в ответ — пять. Или, наоборот, сидит, рта не раскрывает, слушает все, слушает, потом — шарах на пол что под руку попадет.

А вот Кошелевы, тоже дочери-матери, живут душа в душу. Тут уж имен никто не путает. Сгорбленная, быстрая, похожая на белочку Зинаида нарекла свое детище Евой, и та лезет из кожи вон, чтобы этому нежному имени соответствовать. Встает поздно, расхаживает по двору в стеганом халатике, звонко голося приветствуя соседей, и лишь при виде дяди Семена белое личико ее каменеет. Не столько, впрочем, насмешливых его глаз боится, сколько зловещей, в огромном ботинке, ноги. Словно пушка поворачивается следом за ней эта безукоризненно прямая нога, и когда-нибудь, со страхом ожидает бедняжка, когда-нибудь этот ужасный ствол выстрелит.

Никто во дворе понятия не имеет, где работает Ева (и работает ли), зато все знают, что мать ее вкалывает истопником в санатории, уборщицей и еще — во время сезона — билтершей на танцплощадке, куда — были времена! — дочь напропалую водила своих длинноволосых дружков. Зря водила! Как говорил дядя Семен, имелаась Ева, но не было Адама. И когда лет пять назад во дворе появился в качестве нового жильца некто Вольдемар, многие подумали про себя (а дядя Семен и вслух сказал), что вот он, наконец, долгожданный, хотя и несколько пообтрепавшийся, не первой молодости принц.

На нем были шляпа, длиннополый вышедший из моды плащ и алый шарф. Под мышкой он держал гуся. Белого... Подняв руку, приветствовал дядю Семена — тот благосклонно, как доброму знакомому, наклонил в ответ голову. Во двор же тем временем осторожно просовывался грузовик с вещами.

Ворота были узкими, а грузовик широким; человек с гусем показывал жестами, правой ли держать, левой, и по тому, как он делал это, чувствовалось, что в автомобильном деле он смыслит.

В кузове среди шкафов, столов и прочей мебели стояло пианино. Интеллигентная семья въезжала во двор... (Чего о съехавшей сказать было нельзя.)

Рядом с шофером сидела пожилая дама. Выйдя из машины, она аккуратно поставила на землю белую собачонку.

— Сидеть, Дима!

Песику, однако, сидеть не хотелось. Оглядевшись, с писклявым лаем бросился и — на кого? На человека, которым гордился двор. Которого сама Екатерина Болеславна, мать Вольдемара, хозяйка взбеленившейся собачки, признавала (уже после) единственным достойным собеседником.

Возможно, от него веяло каким-нибудь специфическим запахом (Олег Васильевич Галкин заведовал аптекой). А возможно, у животного просто сдали нервы. Машина, новый двор, новые люди, среди которых Олег Васильевич выделялся борцовской монументальностью (когда-то он и впрямь занимался борьбой), — вот и осатанела собака.

— Как ты ведешь себя, Дмитрий? — возмутилась Екатерина Болеславна.

На ней были черные перчатки («Как у артистки», — заметил кто-то), а голос ее, негромкий и не по возрасту молодой, показался кое-кому знакомым. Вспомнили: по пляжному радио звучит он, сразу после мелодичных позывных городской биоклиматической станции. Атмосферное давление, температура воды и темпера-

тура воздуха, продолжительность солнечных ванн... Вольдемар боготворил мать. Не оттого ли, рассудил народ, и холост до сих пор? Холост, да и теперь уж вряд ли женится, староват — пятый десяток разменял! — но вдруг? Вдруг! Для иных староват, а для Евы или, скажем, Бобковой-младшей (то ли Аллы, то ли Анны — библиотекарши, словом) самый раз.

— Две такие невесты во дворе! — сокрушался дядя Семен, и хоть бы кто возразил ему, хоть бы кто напомнил о третьей невесте, Нине Мочалко! А между тем именно она, Нина Мочалко, златозубая толстуха, от которой за версту несло чебуречным духом, сделалась объектом мужского внимания разборчивого сына Екатерины Болеславны.

Началось все с гуся. С того самого белого гуся, что держал под мышкой Вольдемар при первом своем появлении. И который на поверку оказался не гусем, а лебедем.

Двору об этом объявила Нина.

— Да какой же это гусь! — сказала она с одышкой. — Не гусь это вовсе. Лебедь. Самый настоящий лебедь.

И тут все сразу же разглядели: точно, лебедь! Удивились даже, как сами-то не сообразили. Как спутать могли... Столько ведь лебедей перевидали за нынешнюю кошмарную зиму.

Да, зима для наших мест выдалась суровой. Не только мои ровесники, но и ровесники дяди Семена не помнили такой. Поликарповна, правда, утверждала, что до войны нечто подобное было — и снегу навалило, и море сковало у берегов, и погибли сады с виноградниками, но лебеди... Нет, лебеди не прилетали. Вообще на море — а она как-никак прожила тут семьдесят лет! — видит их впервые. Да еще столько! Полчища целые! И все ведь разом нагрянули, в одну ночь... Проснулся как-то февральским утром курортный городок Витта, глянул на море и обомлел: воды не видать от белых птиц. (Не чаек — те поверху кружились, напуганные грозным вторжением.)

— Лебеди! — пронеслось по городу. — Лебеди прилетели.

Люди не верили. Какие еще лебеди? В соленой-то воде! Зимой! Торопливо на набережную шли и убеждались собственными глазами: они, красавцы. Они! Но откуда?

А с Лебединого озера, что в сотне километров от Витты. Никогда не замерзало сплошь, а тут замерзло, вот и снялись птицы в поисках живой воды. Снялись и полетели и воду такую нашли.

Вначале пугались людей, но скоро привыкли. Прямо из рук брали угощение — неумело, правда, не как, скажем, собака, чье деликатное касание ласкает ладонь. Красные клювы, холодные и твердые, хватили хлеб жестко и, случалось, больно прищипывали.

Словом, пернатые гости не голодали, но что пили они? Да, что пили? Не соленую же воду... Вопрос этот мало кому приходил в голову, но кое-кому приходил, и вот некий энтузиаст приволок на берег старую, с прогнутыми боками лохань. Наполнил ее пресной водой, причем подогретой — парок шел, а поскольку глупые птицы артачились, подгонял их, как стадо гусей, хворостинкой.

Среди зрителей, что растроганно наблюдали эту сцену, была и Нина Мочалко. Озябший энтузиаст в фасонистой шляпе запомнился ей, и спустя два месяца она сразу узнала его в новом жильце с лебедем под мышкой.

— Он поил их зимой! Из корыта.

Вольдемар с любопытством оборотил к ней свое благородное лицо. Шляпу приподнял... Нина радостно заулыбалась в ответ.

— Живите, — выдохнула она, — на здоровьице!

Остальные глядели настороженно. Не нравились им что-то ни эта слишком уж интеллигентная дама с театральным голосом, ни шавка ее, ни белокрылый Гомер. (Птица, которую легкомысленный двор принял было за гуся, звалась Гомером.)

От шавки больше всех страдал фармацевт Олег Васильевич. Злобное насекомое это (так в сердцах окрестил Галкин собачку новых жильцов) бросалось на него с такой яростью, с таким самозабвенным героизмом, что аптекарь невольно замирал и на высоком челе его выступала испарина. Обойти же стороной квартиру Екатерины Болеславны не мог, поскольку располагалась она как раз на пути в дворовый туалет. Приходилось общественным пользоваться, за квартал от дома.

В конце концов Олег Васильевич не выдержал. Начистоту решил он поговорить с Вольдемаром. Как мужчина с мужчиной. Как интеллигент с интеллигентом.

С этого и начал.

— Вы интеллигентный человек, — сказал он проникновенно, — вы поймете меня. Я люблю животных, у меня у самого жила черепаха, но ваша собачка... Вы понимаете меня?

Он страдал и смущался. А Вольдемар, сосредоточившись вдруг, втянул носом воздух.

Фармацевт тоже принялся. Стоял май месяц, хозяйки давно уже стряпали на улице, и во дворе благоухало то жареной рыбой, то тушеным картофелем.

— Вы, кажется, со спиртом работаете? — небрежно спросил сын бывшей актрисы. (Во дворе упорно ходили слухи, что в молодости Екатерина Болеславна выступала на сцене.)

Галкин приставил ладонь к уху. Но нет, на сей раз слух не подвел его. Именно о спирте спрашивал сосед — о нем самом.

Теперь и Олег Васильевич уловил характерный запах. Исходил он, безусловно,

от Вольдемара, но Вольдемар полагал иначе. Он настаивал, что это дают знать о себе лекарства, которые готовит в своей аптеке Олег Васильевич.

— Я не готовлю лекарств! — неожиданно горячась, отрезал Галкин.

— А что же вы там делаете? — удивился хозяин мерзкого пса. — Ах, да, руководите. Но запах спирта вездесущ, как запах эфира. — Последние слова он произнес чуть нараспев. (Вот так же, настанет час, он будет декламировать стихи зачарованной Нине.) — Строго говоря, это одно и то же.

— Как это — одно и то же? — запротестовал фармацевт. — Эфир — это эфир, а спирт — это спирт.

— Тем более, — меланхолично изрек Вольдемар. И вдруг, наклонившись, что-то зашептал в заросшее волосами ухо аптекаря.

Бывший чемпион Витты по вольной борьбе слушал, напряженно глядя в пространство. Затем как-то опасливо покосился на соседа.

— Извините. Я не понял.

Вольдемар выпрямился и как ни в чем не бывало стоял перед ним с цветочком в петлице.

— Поняли, — тихо возразил он. — Поняли... — И даже глаза прикрыл, сам как цветочек.

— Но у меня нет спирта! — не столько возмущился, сколько растерялся аптекарь.

— Есть, — еще тише произнес Вольдемар Иванович. — Есть...

Разумеется, это был шантаж. Чистой воды шантаж! Или, дескать, спирту гони и пользуйся дворовой уборной сколько душе угодно или моя собака доконает тебя.

Чем вообще занимался этот тип? На что жил? На какие, извините, шиши покупал маме цветочки? Если он и правда шофер, причем шофер экстра-класса, как с гордостью уверяла Екатерина Болеславна, то почему никто никогда не видел его за рулем?

Сам он о своем шоферстве упоминал часто, но вскользь, к слову, рассуждая, по своему обыкновению, о чем-нибудь возвышенном.

— Идешь, бывало, на Москву, трасса пуста, ночь, и на душе у тебя такая бездна...

— Что на душе? — переспрашивал дядя Семен.

— Бездна. Бездна на душе... Понимаешь, что мир бесконечен, что пройдет какой-нибудь миллион лет, и ничего не останется от тебя. Уж вы-то, дядя Семен, понимаете меня.

Наблюдатель дворовой жизни не спешил с ответом. Он знал, что предвещает эта интимная интонация. Сейчас рубчик попросит до зарплаты, а когда у него зарплата и есть ли вообще таковая — неизвестно.

Некоторая ясность наступила в конце мая, когда море прогрелось до шестнадцати и даже семнадцати градусов. Поеживаясь, народ полез в воду...

Ни единого лебедя к этому времени не осталось на побережье. Большинство их улетело еще в марте, в первые же теплые дни, но иным столь по душе пришлась сытая городская жизнь, что они и в апреле, вплоть до майских праздников, грациозно раскачивались на легких волнах. В основном это были птицы, перемогшие самые лютые холода под человеческой кровлей. В кухнях держали их, сенях, на чердаках... Отогревали и откармливали, лечили. Иным даже накладывали шины на сломанное крыло или покалеченную лапку. А выпустив, уже здоровеньких, на волю, проводывали что ни день и, узнавая (специально краской метили!), окликали по имени.

Итак, в конце мая потеплевшее море вновь принадлежало чайкам и людям. Но всякий купающийся, как известно, потенциальный утопленник, поэтому вдоль пляжей патрулировали спасательные лодки. В одной из них красовался голый по пояс Вольдемар Иванович. В солнцезащитных очках... В белой мягкой мохнатой шляпе, скорей женской, чем мужской...

А дикари все прибывали и прибывали. Хозяйева с радостью уступали им свое жилье, сами же ютились кто где. У Мочалок была беседка, тощие Бобковы, Анна и Алла, спали в сарае, а Вольдемар — в гамаке, благо погода стояла сухая и теплая.

И вдруг испортилась в одночасье. Набежали тучи, ветер подул, и заиграл в отдалении гром.

Но гром не разбудил Вольдемара. Не разбудил его и ветер — слегка раскачивая гамак, он лишь убаюкивал спящего в нем человека. Но вот, когда на беззащитное лицо пали, пробившись сквозь крону старой шелковицы, первые дождевые капли, человек удивленно открыл глаза.

Сначала он ничего не мог понять и даже, неизвестно почему, вспомнил давно выпущенного Гомера. (Потому, может, что Гомер, живя у них, раза два или три будил его своим тревожным криком?) Но нет, Гомер тут был ни при чем. Иными звуками наполнилась ночь, и Вольдемар, соотнес их с холодными брызгами на лице, понял, что это звуки дождя. А комната сдана... И сарай сдан... Кухонька же, где спит мать, так мала, что пришлось на лето убрать стол, дабы втиснулась раскладушка.

Некоторое время он лежал не шевелясь. Даже глаза прикрыл — вдруг, надеясь, все это сон, и утром он пробудится, как всегда, под чистым небом, весь сухонький? Дождь, однако, не переставал. Он шуршал в листьях над его постепенно влажнеющей головой (не совсем трезвой), он дробно позванивал о новую жесть, которой Мочалки третьего дня покрыли беседку. Хорошо им там! Сухое... Вон как храпят, зная не зная ни о каком дожде. Хотя... Открыв глаза, Вольдемар прислушался. Храп был громким и протяжным, мощным — здоровый храп здорового человека, другой же, старчески-дребезжащий, не вторил ему, как в иные ночи. Да и не мог вторить, ибо Поликарповна, вспомнил он, охраняет сегодня пляж.

Вот здесь и осенило матроса спасательной службы... Две кровати стояло в мочалкинской беседке, он видел их собственными глазами, узкие, но две, и одна из них в настоящий момент пустует, в то время как он мокнет под ночным дождиком. Глупо! Не по-людски как-то. Не по-хозяйски...

Под гамаком висели на специальных гвоздиках кеды. Он достал их, быстро натянул (кеды были еще сухи) и — айда с постелью под мышкой к светлеющей новой жестью беседке.

Храп усилился. Дождик вроде потише стал, а храп — громче. Вольдемар постоял, вслушиваясь, спросил мысленно: «Можно?» и мысленно же ответил голосом славной Нины: «Ложись на здоровище».

Ложись так ложись. Он вошел, на ощупь расстелил свою тощую постель поверх нетронутого одеяла Поликарповны и через минуту сладко спал, а дождь бесновался снаружи, только теперь уже ему не достать было хитроумного Вольдемара.

О том, что произошло утром, разные люди рассказывали по-разному. Зинаида Кошелева, мать Евы, уже успевшая убраться в санатории, приготовившая завтрак для дочери и спешащая — расторопная белочка — на другую свою работу, утверждала, что Нина выскочила из беседки с нечеловеческим воплем. Нечеловеческим, да. Зинаида даже зажмурилась, оглушенная, и ничего больше не видела.

С этой версией не соглашался фармацевт Галкин. Какой вопль, говорил он,

просто женщина слегка повысила голос. Но бывший борец был туговат на ухо, поэтому тут ему не стоит особенно доверять, а вот глазу его верить можно. Приметливый Олег Васильевич разглядел, например, что Нина была обернута в простыню, причем эта стандартных размеров простыня не прикрывала всего необъятного тела чебуречницы. Опустив глаза, целомудренный аптекарь увидел, что Нина боса. На мокрой после ночного дождика земле отпечатывались ее поразительно маленькие — при такой-то толщине! — следы. Будто девочка прошлепала...

Ну а что дядя Семен, самый опытный и бесстрастный созерцатель дворовой жизни? Был ли он оглушен, как Зинаида, или смущен, как фармацевт? Спустил хотя бы с отсыревшей скамьи свою готовую выстрелить ногу? Ничего подобного. Поправив под собой детский спасательный круг, в меру надутый (так что сырость была ничем ему), с интересом ждал, что дальше.

— На кровати! — захлебывалась Нина. — На маминой... Мужик какой-то! — Она ошалело, будто только что вынырнула из морской пучины, переводила взгляд с невозмутимого дяди Семена на потупившегося аптекаря. (Тот все не мог взять в толк, как эти изящные ножки таскают на себе добрый центнер мяса и жира.)

— Молодой? — спросил дядя Семен. — Мужик-то.

— Я почему знаю! — оскорбилась сорокашестилетняя Нина Мочалко. — Я что, разглядывала его?

Из домов выходили на шум люди и свои, и чужие (курортники), изумленно таращились на закутанную в простыню толстую женщину.

— И что он там делает? — продолжал допрашивать дядя Семен.

— Кто? — не поняла Нина.

— Как кто! Мужик твой.

— Чего это — мой? Я его, что ли, туда положила?

— Не ты?

Пышный бюст так весь и колыхнулся от возмущения. Простыню вырвало из рук. Еще миг, и лежать бы ей на земле, но Нина успела прижать ее локотками.

— А живой? — брякнула Зинаида Кошелева. — А то давеча один в трамвае помер. Думали, спит, будить стали, а он холодненький уже. Как тазик.

Нина туго стягивала на груди простыню. Стягивала и молчала, онемев.

— Ишь, побледнела как! — проговорил с усмешечкой дядя Семен. — Не ты ли его и ухлопала часом?

— А что? — опять же подхватила Зинаида. — У нас убила одна. Топориком.

Бедная Нина! Только-только вынырнула из пучины, а ее опять туда, головой вниз.

— Да я и не подходила к нему.

— Та тоже не подходила, — протараторила мать Евы. — Он — за борщ, борщом хотел ее — на плите, кастрюля целая, а она раз топориком. Маленький такой, остренький, сам наточил.

Шум разбудил Вольдемара, и он, живой и невредимый, совсем даже не покоиничек, вышел глянуть, что вдруг за суматоха такая. Из-за чего?

Народ смолк. Дядя Семен с удовлетворением погладил ногу (будто нога эта наконец пальнула), а Нина опять едва не упустила простыню. Вольдемар сказал:

— Доброе утро, — и посматрел, задрав голову, на синее небо. — А дождь-то кончился, — удивился он...

Двумя часами позже он явился во двор с букетом алых маков.

— Это ты кому же? — осведомился дядя Семен и, сообразив, кивнул со значением на стирающую у беседки Нину. — Невесте своей?

— Ей самой, — не стал отпираться ночной визитер. — Компенсация за моральный ущерб. Ау, невестушка!

Нина выпрямилась.

— Чего, женишок? — сказала она с одышкой.

Подняв над головой букет, точно не букет это был, а знамя, — сын Екатерины Болеславны неспешно пересек двор и опустился, рыцарь, на колено. (Одно. Лёвое.) Нина, вытерев руки, взяла цветы, к лицу поднесла и долго нюхала, закатив глаза. Оказавшаяся поблизости Анна (или Алла; та, что в библиотеке работала) негромко зааплодировала.

С этого дня они звали друг друга не иначе, как женишок и невеста. На виду у всего двора ухаживал за ней, ухаживал с размахом, с таким Вольдемаровским шиком (однажды подарил, например, целых три порции мороженого), и она, задыхаясь и похихатывая, золотыми блестя зубами, благосклонно эти ухаживания принимала.

— Не угодно ли на гондоле прокатиться? — публично пригласил он, на что она:

— Угодно! — Хотя Вольдемар, сказать по совести, сомневался, знает ли она вообще сие иностранное слово.

Свою спасательную лодку подразумевал он, утлое суденышко, едва не опрокинувшееся под ее грузным телом.

На ней было ярко-желтый, с синими узорами купальник (закрытый), темные очки и медальон на тонкой цепочке.

— Чей же это портрет вы носите на груди, мадам? — любопытствовал он, с прохладцей работая веслами.

— Не важно, — игриво уклонилась она от ответа.

— Кому не важно, — возразил он, — а кому важно. И даже весьма.

Аккуратно положив на борта весла, достал из-под сиденья фляжку, ловко наполнил пластмассовый стаканчик.

— Прошу!

Палило солнце, у берега в мутной воде барахтались люди, а они были по эту сторону красного буйка совсем одни на воде прозрачной, как в том лебедином озере, и глубоко под ними проплывали, распутив щупальца, голубые медузы.

Так воочию познакомилась она с его работой, доблестной работой матроса-спасателя. Что же касается ее работы, то он созерцал ее часто.

Я уже говорил, что чебуреки, которые жарили в кафе «Бриз», славились на все побережье. Каждый, кто приезжал в Витту, считал своим долгом отведать их, поэтому очередь выстаивалась задолго до открытия кафе и не рассасывалась, пока Нина не кричала из раздаточного окна:

— Не занимать! Чебуреки кончаются.

Но люди все равно занимали, все равно ждали, все равно надеялись. Вытянув шею, заглядывали в чан, где в кипящем жиру золотились пузатые рыбины. Так что можете представить себе, какими взглядами обжигали тех, кто брал по несколько порций. Какие слова произносили мысленно по их адресу.

Но это мысленно. А если, паче чаяния, находился смельчак, который норовил влезть без очереди, то здесь уж давался отпор вслух, дружно и яростно.

Тем не менее такой смельчак находился. Им был женишок Нины, бронзоволицый Вольдемар. Неспешно подходил он к раздаточному окну, останавливался молча, но его тут и без слов примечали. Выловив шумовкой полдюжины чебурек, подавали через головы томлящихся в ожидании. Вольдемар интимно прикрывал глаза. Какой уж тут отпор! Все всё понимали.

Случалось, однако, очередь бунтовала. Это если вальяжный нахал, в котором кое-кто признавал матроса спасательной службы, выразительно подымал вверх два, три или даже четыре пальца. В тот же миг соответствующее число порций уплывало в его ненасытные руки.

— Забронировано, — не поворачивая головы, цедил с ослепительной улыбкой пират.

Денежки, впрочем, за все платил копейка в копейку. Вот только порция, которую сам съедал, шла по традиции бесплатно.

— Могу же я угостить женишка! — резвилась Нина.

— Можешь, — томно соглашался сын Екатерины Болеславны. — Можешь...

Он ведь тоже угощал ее — то персиками, иногда вполне даже спелыми, то миндалем, то фирменным напитком в театральном буфете. Последнее, правда, имело место всего раз, ибо всего раз ходили совместно в театр, но поход этот помнили во дворе долго.

Он вырядился в белый костюм, давно уже немодный, ветхонький, но по-прежнему эффектный (да еще цветок в петлице), а она надела черное платье с вырезом на груди. Прежде его никто не видел, что дало основание дяде Семену заподозрить, уж не специально ли к сегодняшнему торжеству сшито оно? Поведя накрашенными глазами (и глаза вроде бы прежде не красила), Нина протараторила:

— Конечно, специально! Женишок, чай, пригласил.

Весь двор высыпал поглазеть на редкое зрелище. Под руку взял он ее (она далеко оттопырила белый локоть), и под общий хохот торжественно прошествовали к воротам. Следом, крича что-то, бежали дети.

Они и в театре вели себя так, словно за ними наблюдали, подбочившись, остроглазые соседки.

— Не угодно ли напитка? — предлагал он, и она отвечала, хохотнув:

— Угодно.

На толстой шее бренчал крупный, золотистый, как чебуреки, янтарь.

Места у них были неудобными — что у него, что у нее, но он, галантный кавалер, все равно предложил поменяться. Нина глянула на узкий проход между рядами и отказалась.

— Застряну чего доброго!

Так играли и забавлялись они, но свет погас, но раздвинулся занавес, и взгляды всех устремились на сцену.

Пьеса была про любовь. Про пылкую и доверчивую девушку, которую обманул гнусный тип. И Нина, и Вольдемар раскусили его, конечно, сразу, а вот героиня, ослепленная любовью, ничего не замечала. «Видишь, — шептала она подруге, — ту вон звездочку? Мне кажется, она смотрит на нас».

Нина переживала. И чем сильнее переживала она, тем громче сопела. Вольдемар хмурил брови.

Из театра вышли в полном молчании. Луны не было, фонари горели через два на третий (в городе сэкономили электричество), поэтому звезды на черном небе сияли как-то особенно ярко.

— А ведь, правда, кажется, что они смотрят, — произнесла Нина.

Вольдемар гмыкнул.

— Иллюзия. Как и вся наша брэнная жизнь. Две крохотные точки, затерявшиеся в бездне мироздания. — Ему нравилось слово «бездна».

— Почему — две? — Голос ее был чуточку хрипловат — видимо, от пережитого в театре волнения.

— Ты да я. А вокруг ни души.

— Чего это, ни души? Вон, — кивнула она на лавочку.

— Думаешь, они замечают нас? — подивился ее наивности Вольдемар. — Хо-хо! Мы не существуем для них. Они сами по себе, мы сами, а вокруг — бездна. Человек одинок, Ниночка. О, как одинок человек! А где-то, представь себе, растут пальмы.

— Пальмы?

— Ну да, пальмы. Чего ты удивляешься? Стройные пальмы высотой в пятиэтажный дом. — Он помолчал и прибавил задумчиво: — Тигры ходят...

Нина вздрогнула.

— Ты что? — спросил он. — Замерзла? — И давай было расстегивать легкий свой пиджачишко, но она:

— Нет-нет! Не надо. Просто, — призналась она, — страшно как-то.

Он усмехнулся. Тигров, стало быть, испугалась, и зря! От всех хищников мог бы он защитить ее... Про знакомого тигролова стал рассказывать — во парень, шестнадцать кружек пива выпивал, а на груди — такой вот тигрище... Вольдемар растопырил в темноте руки.

— Как на груди? — спросила Нина изменившимся голосом.

— Обыкновенно. На груди. Пасть оскалил, клыки торчат... Татуировка. — Он иронически глянул на свою спутницу. — А ты что же думала? Живой?

— Мало ли, — ответила она.

Качнув головой, Вольдемар полез за сигаретами.

— Ну, женщины! — проговорил он не то с удивлением, не то с восхищением. — Ну и женщины!

Нина, зардевшись, старательно поправила тяжелые бусы.

— Да уж с нами не соскучишься!

Скоро они вернулись домой, распрощались у гамака («Спокойной ночи, невестушка!» «Спокойной ночи, женишок!»), но, кажется, это была первая ночь, когда в беседке так и не раздался до самого утра грузный храп чебуречницы.

Сколько времени длился спектакль, который смотрели Вольдемар и Нина? Ну, два с половиной, ну, три часа... Тот же, что разыгрывали они сами на глазах у веселившегося двора, тянулся, ко всеобщему удовольствию, много дольше.

Дядя Семен пророчествовал, что скоро дочек-матерей станет на парочку меньше.

— Мочалка-то наша, а? — поддразнивал он Еву. — Заграбастала Адама твоего.

— Он такой же мой, как ваш, — парировала дочь Зинаиды, косясь на страшную, нацеленную на нее ногу.

— Это верно, — покладисто соглашался наблюдатель дворовой жизни. — Но мне он ни к чему как-то...

— Мне тоже. — Голосок ее обидчиво звенел.

— И тебе? — удивлялся старик. — Что ж, лучше, по-твоему, в дочках-матерях сидеть?

Ева злилась на себя. На свою бесхарактерность злилась. На то, что не умела поставить себя, как поставила, например, Бобкова-младшая (то ли Анна, то ли Алла). Дядя Семен и с той ведь пытался завести душевный разговор, что-то такое о дочках-матерях ляпнул, но библиотекаря приоткрыла свой интеллигентный ротик да матом его. Наблюдатель крикнул, озадаченно в затылке почесал и — ничего.

— Нервничает, — сказал, — девица.

И правда... То ли летние перегрузки сказывались (а кто в курортном городе не

испытывает их?), то ли раздражала комедия, которую ломали эти немолодые голубки, но только не проходило, кажется, дня, чтобы из сарая Бобковых, где мать с дочерью спали вальетом, не доносилось приглушенной перепалки. Бу-бу-бу, бу-бу-бу — и вдруг — бац! — на пол что-то. Со звоном... (Пол в сарае был деревянный, так что акустика получалась что надо.)

— Не могут до осени обождать, — порицал дядя Семен. — Дышать негде, а они ругаются!

Когда же падало что-то более крупное, нежели вилка (но такое же на слух твердое), произносил меланхолично:

— М-да! Одна другую с кровати спихнула.

Но если проживающих во дворе дочек-матерей шутейный роман Вольдемара и Нины явно раздражал, то фармацевту Галкину он, безусловно, был на руку. Нет, совсем в покое зловредный лес не оставил его — и подстерегал, и налетал с писклявым лаем, и хватал острыми зубками за тренировочные штаны, но случалось это теперь гораздо реже. И по два, и по три дня кряду пользовался аптекарь совершенно беспрепятственно дворовой уборной.

То были дни, когда сын Екатерины Болеславны находился в ударе. Таскал цветы своей даме, пел серенады («О, изумруд души моей!») и попутно угощал семечками. Гордо держал за шершавый, сочный еще стебель огромный подсолнух, мохнато-желтый посередке, и они на пару, как две гигантские птицы, колупали его каждый со своей стороны.

К тому времени Вольдемар по неизвестным причинам оставил спасательную службу («Завязал с морем», — говорил он) и с утра до вечера ошивался в чебуречной. Нина через день работала, но ее сменщица тоже знала его и тоже давала без очереди по три, по четыре, по пять порций. По пять!

— Друзья, — беспомощно разводил руками Вольдемар. — Экзюпери говорил: лучшее, что мы имеем, — это человеческое общение.

— Кто говорил? — переспрашивал, поглаживая ногу, дядя Семен.

— Экзюпери. Летчик такой. Там, где летал Экзюпери, — тянул он на тот же примерно мотив, что и изумрудные свои серенады.

— Ты знал его?

— Я? — тыкал себя в грудь бывший матрос спасательной службы. — Нет... Мы с ним не были знакомы. — Но произносил это таким тоном, что все понимали: скромничает мужик!

Мария Поликарповна, мать Нины, так не считала.

— Брешет он все, — скрипела она. — А они уши развесили.

Они... Но прошло время, и туманное «они» сменилось конкретным, жестким в своей определенности, презрительным «она».

— Ему бы повыкобениваться только, а она-то, она-то хвост распушила! Дура толстозадая!

— Ты это о ком, мама? — грозно вопрошала Нина.

— Знаю о ком. Лебедем ходит... А он лебедя-то небось общипал, да на базар его. За гуся... — Поликарповна раздраженно шаркала ногами. — Когда это на базаре столько гусей было? А здесь — за десяточку. Ишь, раздешевелись!

Давно уже улетели лебеди из Витты, давно утихли чудовищные слухи, будто какие-то мерзавцы отлавливали их по ночам (здоровую да жирную птицу не унесешь ведь домой среди бела дня; сразу спросят, зачем? Вон, скажут, хворых сколько!), — давно уже все забыли об этом, а мамаша — на тебе, вспомнила.

Это был, конечно, навет дикий. Нина не выдержала.

— Да он, если хочешь знать, спасал их. Он им воду таскал.

— Воду! — передразнивала мать. — Воды в море, видите ли, нет!

— До чего ж ты глупая! — ужаснулась дочь. — В море какая вода?

— Вода как вода.

Нина стукнула себя кулаком по лбу.

— Во! — задыхнулась она. — Во! — И объяснила: — Соленая. Ясно тебе, соленая!

— Не знаю, — упрямилась старуха. — Не пробовала.

— А ты попробуй, попробуй! Хотела б я видеть, как ты будешь пить ее.

— Чего это мне пить ее? У меня чай есть.

— А у них, — напоминала Нина, — нету чая. Ни чая, ни кофе.

— У кого у них? — с любопытством оборачивала мать свое задубевшее лицо.

— У лебедей, у кого! У птиц.

Поликарповна звенела посудой.

— Он что же их, кофею поил?

В отчаянии закатывала дочь глаза.

— Балда! Ну и балда же, — изумлялась она, — моя мамочка.

Но Поликарповне хоть бы хны. Не обижалась.

— Балда не балда, — отвечала спокойно, — а мужикам на шею не вешаюсь.

Это было уже похлестче лжегусей, которых якобы продавал на рынке благородный Вольдемар.

— Да ведь мы шутим! — кричала она. — Ты что, шуток не понимаешь?

Переваливаясь на своих больных ногах, мать топала в другой конец беседки, сгибалась в три погибели и над чем-то долго колдовала там.

— Шутят они! А жрать чего перестала?

— Как — жрать? — лепетала заволновавшаяся вдруг Мочалко-младшая. — При чем здесь жрать? — Сама же за день лишь два яблока съела да выпила стакан кефира. А прежде... О, прежде! Прежде, не успев отзавтракать, уже обсуждали, что обедать будут, причем старуха так и норовила всякий раз урезать меню.

— Мясо, — говорила, — сварим, вот тебе и первое, и второе.

— Как это, — возмущалась дочь, — и первое, и второе?

Мать объясняла: на первое — бульон, на второе — отварная говядина, но Нина, как работник общественного питания, растолковывала ей (в сотый или даже тысячный раз), что бульон с мясом — это всего-навсего одно блюдо, и то неполное, в него еще много чего добавлять надо. А обед, как известно, из одного блюда не бывает. Из двух — тоже. Минимум четыре: закуска, первое, второе и десерт. Да еще перед закуской — чего-нибудь остренького, да после десерта — чего-нибудь сладенького... Мороженое, скажем. Но от сладкого в горле першит, поэтому, покончив с мороженым, Нина намазывала смальцем ломоть хлеба, щедро солила и уплетала за обе щеки, прихлебывая квасок. Это после обеда-то из четырех блюд, не считая остренького и сладенького! Вот какой аппетит был у дочери Марии Поликарповны, и та ее за этот аппетит грызла. Теперь же, когда дочь перешла на пищу диетическую, пилила — чего, мол, есть перестала.

— Или толстая — сказал? Обхватить не может?

Так и шпыняла, так и шпыняла... Да еще специально на глазах у нее то шмат сала отхватит, то выломает у вареной курицы лапу, Нина же довольствовалась жидким чаем с сухариком. Вот только мучила она себя зря. Хоть бы чуток похудела! Зато Вольдемар, с утра до вечера трапезничающий в «Бриз» с бесчисленными друзьями, оставался тощ и ладен.

— Нашел работенку! — ворчала Поликарповна. — Чебуреки жрать!

— Тебе-то что? — огрызалась дочь. — Не за твои же!

— А ты защищай, защищай его! Авось, еще разок в театр сводит. У самой-то, бедненькой, — ехидничала она, — денег на билет нету.

Сколько уж времени прошло, но все попрекала тем невинным походом. Никак, видимо, забыть не могла, как у всех на виду вел он ее под ручку, разнаряженную, с вырезом на груди. И как битый час перед тем вертелась она в беседке у зеркала. То на табуретку его поставит (зеркальце маленьким было — большое в комнате осталось, у курортников), то на пол, то подымет двумя руками и любуется прической, сделанной, подозревала мать, в парикмахерской. Сроду не ходила, а здесь сбегала тайком... Да еще губки намалевала. Да бровки подвела. Да припудрилась...

— У-у, корова! — ворчала Поликарповна. — Совсем ошалела на старости лет.

Нина, возбужденная, легкая, как пушинка — при своих-то ста без малого килограммах! — великодушно пропускала мимо ушей и «корову», и «на старости лет», и все прочее. Глаза ее блестели. В руке откуда ни возьмись появлялся флакончик (прежде Поликарповна его не видела), и, смачивая пальцы, она быстро трогала шею, грудь, пухлые, как подушечки, щеки.

Нехорошее подозрение зарождалось мало-помалу в уязвленном сердце старухи. Если скользкий тип этот, рассуждала она, попробовал однажды ее мягкой постельки, то почему бы ему опять не сунуться? Она пляж охраняет, Нинка дрыхнет без задних ног (а может, и не дрыхнет — кто знает!), он же, артист, блаженствует себе на чужих подушках. Все лучше гамака, что раскачивается под хмурым небом...

И вот темной ночью, бросив побережье со всем его курортным инвентарем на произвол судьбы, подкралась Мария Поликарповна к собственной беседке. Тишина царила там. Абсолютная тишина! А прежде доченька храпела, как хороший мужик...

На ощупь открыла Поликарповна решетчатую калитку. Тьма стояла кромешная. Но ладно, тьма, почему тихо так?

К своей койке двинулась искушенная в делах слезки охранница, но одно дело — песок, на котором ничего не слышать, а другое — деревянные половицы. Одна скрипнула, и тут же раздалось приглушенно-хриплое:

— Кто?

Ага, испугалась! Но не слишком почему-то... Не заорала что есть мочи... Стало быть, ждет кого-то?

— Кто тут? — крикнула Нина.

Крикнула!

Вольдемар — тот, как выяснилось, не спал, покуривал, глядя на звезды. Бездной любовался... И вдруг — голос невестушки. Сперва негромкий (он насторожился), а потом прямо-таки вопль дурной. Тотчас выпрыгнул он из гамака.

— Эй! — гаркнул, летя к беседке. — Нина! Что там у тебя?

Не «невестушка», не «Ниночка» (ее ведь все — и стар и млад — Ниночкой звали), а Нина.

Она не забудет этого. Много дней пройдет, много недель и даже месяцев, давно съедет со двора интеллигентная Екатерина Болеславна с опозорившим ее сыном, а Мочалко-младшая нет-нет да вспомнит вдруг в самый вроде бы неподходящий момент (карауля, например, когда всплывут златобокие рыбины-чебуреки) — вспомнит, как среди ночи мчался на помощь ей босой и бесстрашный мужчина.

И маки тоже вспомнит. Алые, с чашку величиной... И розы... (Он ей однажды розы преподнес.)

— До сих пор мой сын, — поделилась как-то Екатерина Болеславна с фармацевтом Галкиным, — ни одной женщине, кроме матери, не дарил цветов.

Это, разумеется, намек был. Незнаком, услышал ли его туговатый на ухо Галкин, но Поликарповна услышала. Выслунавшись из беседки, она сказала (так просто, ни к кому конкретно не обращаясь):

— Вон! Люди на кладбище принесут цветочки, а утром ни одного нет. — И опять в беседке скрылась — аптекарь не сообразил даже, что за голос вдруг.

Его интеллигентная собеседница помолчала с минуту, покусала накрашенные губки, белым зонтиком поиграла (она с зонтиком ходила) и говорит:

— А возьмите общественное питание! Разве можно у них есть что-нибудь? В котлетах — хлеб один, в чебуреках — водичка. Зато сами как на дрожжах, в дверь не пролезут.

Олег Васильевич напряженно свел брови. Нить разговора как-то ускользала от него, но на всякий случай он с пониманием наклонял свою большелобую голову.

Тут Поликарповне снова понадобилось зачем-то выйти из беседки.

— Вон! — сказала она, опять-таки ни к кому не обращаясь. — Вода в море двадцать градусов, а они семнадцать объявляют. Чтоб не купался никто.

То был выпад уже против самой Екатерины Болеславны. Умышленно, дескать, занижает температуру на своей биоклиматической станции. Будто эти самые утаенные градусы можно, подобно украденному мясу, сунуть за пазуху и отнести домой.

До прямых столкновений, однако, не доходило. Хотя страсти накалялись.

— Завела шарманку! — сердилась Поликарповна, когда Екатерина Болеславна, распахнув окно, начинала музицировать. Стоило же той появиться с книгами, принималась во всеуслышанье рассуждать о шибко грамотных...

Нина тоже записалась в библиотеку, тоже книжечки стала таскать. Мать сердилась. То заденет их, проходя мимо, и книги летят на пол, то сунет их куда-нибудь (например, в наволочку с горохом), но дочь, обшарив все, находила. Ставила перед собой будильник и, громко сопя, вздыхая и ерзая, дисциплинированно высиживала урок. Повышала, так сказать, свой культурный уровень. Вольдемар же тем временем... Ранимый, тонкой души Вольдемар (так со скорбью в голосе говорила о сыне Екатерина Болеславна) спекулировал чебуреками.

Сенсационную весть эту принесла Поликарповна. И, конечно, первый, кому поведала ее, был дядя Семен.

Тот погладил ногу, помолчал, размышляя.

— Это обувью, что ли?

— Какой обувью! Чебуреками! Нинкиными чебуреками. Семьдесят пять копеек порция. А он их — по рубчику. Сейчас отдыхающие рассказывали.

Тут как раз Галкин подошел, напряженно сдвинул брови, вслушиваясь. Поликарповна — и ему тоже, но громче и подробней, прикинув заодно, сколько имеет в день сын этой фифочки.

— А еще собаку завели! — прибавила она, зная о сложных отношениях фармацевта с фифочкиным песиком.

В умных глазах Олега Васильевича сгустился тревога.

— Неужели спекулирует?

Не верил!

— Я что, врать буду? Своими ушами слышала. Культурный, мол, такой, с цеточком. Вольдемаром зовут... Шепните только, нам чебуреки, и если три порции — трешку, четыре если — четыре... Двадцать пять копеек с носа. Зато без очереди. Бывший чемпион сокрушенно покачал головой.

— Неужели спекулирует? Вот уж не думал... И где же он берет ее?
 — Кого — ее? — пробормотала Мария Поликарповна.
 Аптекарь приложил ладонь к уху.
 — Простите?
 — Кого — ее? — крикнула мать Нины.
 — Обувь, — не повышая голоса, сказал Галкин. — Где он обувь берет?
 — Да при чем тут обувь! Он чебуреками спекулирует. Че-бу-ре-ка-ми! У Нинки которые. В кафе ее.
 Фармацевт спокойно кивнул.
 — Слышу. Чебуреками.

Так разлетелась по двору эта потрясающая новость. И не только по двору. Не только... Едва смолкали позывные биоклиматической станции и раздавался приятный женский голос, как облаченная в белый халат служительница, задержавшаяся — неспроста, видать! — после ночного дежурства, произносила громко:

— Сынок-то ее — знаете?
 И уже не удивлялась, слыша в ответ:
 — Знаем. Обувью спекулирует.
 Обувью так обувью — зря ведь люди не станут болтать. Вот только Нина все еще трепыхалась и нервничала.
 — Да он сам, — шумела она, — в кедах ходит. И те заштопаны... Черной ниткой.
 — А ты уж, — уличала мать, — и нитку разглядела.

Безнадежно махала Нина рукой. Докажи попробуй, что человек и не думал наживаться, просто делал любезность людям. А что какая-то мелочь оставалась у него, так кто теперь считает мелочь?

— Как женишка-то защищает! — умилялся дядя Семен, лаская нацеленную на чебуречницу ногу. Хромой черт! Нина пряталась от него, зато Ева вздохнула с облегчением: раз и навсегда прекратились разговоры об Адаме, которого кто-то там заграбастал.

Спокойней зажили и другие дочки-матери — Бобковы, Анна и Алла. Поругивались, конечно, но не так ярко; звук падающего тела теперь уже не долетал из сарая. Дядя Семен, во всяком случае, не слышал.

Но он слышал и после с подробностями рассказывал всем желающим, как интеллигентная Екатерина Болеславна дубасила своего сына. Не руками и не ремешком — чем-то, судя по звуку, металлическим.

Позже сообразили, чем. Зонтиком. Тем самым белым зонтиком — больше его, увы, не видели. Сломался, должно быть... А Вольдемар (по свидетельству опять-таки дяди Семена) вопил радостно: «Так мне, мерзавцу! Так!» Ну и, конечно, о бездне что-то — на сей раз бездне позора, в которую угодил он по своей доброте и людскому коварству.

Три дня после гордо ходил с крестиком пластыря на лице. Зато свеженький, как огурчик, сияющий. Помолодевший... Будто живой водой окатили.

Он-то помолодел, а мать разом как-то состарилась. Померк взгляд, соохлись, спеклись накрашенные губки. Теперь даже у Поликарповны не поворачивался язык звать ее фифочкой.

Трогая пластырь, Вольдемар плел что-то о спасении утопающих. Трепач! Все знали, что давно турнули его из спасателей и работает он теперь лифтером в доме престарелых. Никакого лифта, правда, в доме престарелых не было, да и откуда взяться ему в старом двухэтажном особняке, но должность такая в штатном расписании как будто имела.

Так всю жизнь и порхал с места на место (объяснял всем желающим раскусивший его дядя Семен). Мотылек... Балаболка...

В конце октября, когда опустели пляжи, когда сильно поредели кроны деревьев и растаяла хроническая очередь за знаменитыми виттинскими чебуреками, во двор въехал как-то под вечер вместительный грузовик. Вольдемар, в шляпе и галстуке, с цветком в петлице, показывал дорогу, и по тому, как он делал это, угадывался шофер экстр-класса. В кузов погрузили вещи, пианино вкатили, Екатерина Болеславна с Димкой, облаившим напоследок фармацевта Галкина, села в кабину (на ней снова были черные перчатки), сын наверх махнул, и машина тронулась.

— Прощай, невестушка! — крикнул Вольдемар, подняв шляпу.

— Прощай, женишок! — ответила Нина и ручкой ему, ручкой, в глазах же ее, утверждал после дядя Семен, что-то такое блеснуло. Но мало ли что говорил дядя Семен!

Как выяснилось, Екатерина Болеславна и ее непутевый сынок чуть ли не каждый год меняли квартиры. От позора бежали! Вольдемарчик — он все! То одно выкинет, то другое... Теперь, однако, позор был так велик, такую огласку получила история с обувью (то бишь с чебуреками), что не только со двора пришлось тикать — из города тоже. В Витте их с тех пор, во всяком случае, не видали. И приятный голос бывшей актрисы по радио не звучал больше.

В квартиру их въехали мать с дочерью. Первой было уже под шестьдесят, на пенсию собиралась (но так и не ушла до сих пор), второй — неизвестно сколько. Таким образом, число дочек-матерей не уменьшилось, как пророчествовал дядя Семен, а, наоборот, увеличилось на одну пару.

А так все по-старому. Почти все... Зинаида Кошелева по-прежнему вкалывает на трех работах, а Ева по-прежнему водит дружков на танцплощадку. Но уже не так часто и уже не длинноволосых, а в основном лысеньких. Бобкова-старшая (то ли Алла, то ли Анна) все так же трудится в автопарке, а младшая в библиотеке. Не в той, куда зачастила одно время Нина Мочалко, в другой, но теперь это не имеет значения. Ибо ни в какие библиотеки Нина давно не ходит. Аппетит восстановился у нее и даже несколько возрос, она снова храпит по ночам, а Поликарповна с мая по октябрь охраняет пляж. Дядя Семен еще больше поседел и обрюзг, но поста своего не покидает. Фармацевт Галкин спокойно ходит куда надо. Словом, все, как прежде, вот только лебеди не прилетали больше. Ничего удивительного. Редки, очень редки на море эти гости. Дай бог, как говорится, хоть раз в жизни увидеть.

Мне повезло — я видел. Красивое зрелище.

СТАРАЯ НОВАЯ ШКОЛА

Окончание.
 Начало на стр. 1.

Ведать ничего о ней не ведая, можно было сказать по одному номеру: в центре города, значит, учителя хорошие, значит, старая школа с традициями. И попасть в точку: полвека школе, и на самом видном месте в ней — огромная мемориальная доска с именами погибших на войне выпускников.

...Но по номеру же и приставке «спец» можно было бы, ничего о ней толком не зная, и засомневаться: а не «блатная», не для «позвоночников» ли? И попасть-то туда не попадешь, а если и попадешь, то с ребенком потом наплачешься: и фарцовка в таких «начальственных» школах процветает, и розовощекий, нахальный цинизм.

Но нет больше спецшколы, ей присвоили новый номер, новостроечный — 1283. Ты в какой школе учишься? В тыща двести восемьдесят третьей — и не выговоришь... Но грустно не только поэтому, бог с ней, с одиозной приставкой «спец», не в ней дело. Дело в том, что новоиспеченная тыща двести восемьдесят третья сильно напоминает сейчас рыбу в аквариуме, из которого потихоньку, медленно утекает вода.

— Школа маленькая, уютная, как деревня, — с улыбкой говорит директор Евгения Петровна Сбарская, — каждый знает каждого, всего пятьсот учеников. Сюда наши бывшие дети приводят уже своих детей, любя нашу атмосферу, ездят из других районов, так что в этом — сила. Но в этом и слабость. Если бы не ездили они, пришлось бы нам закрываться, наверное, ведь

рядом еще две школы, а кругом одни учреждения... Откуда набирать детей?

Конкуренция, конечно, дело хорошее, но почему-то грустно думать о том, что школу могут закрыть — и не потому только, что вместе с лепящими снежки, рисующими на асфальте мелом ребятами уйдет из старого сквера между Колхозной и Красными воротами дыхание жизни, городская музыка...

Школа, а особенно такая, — тоже часть культуры. Духовной жизни. И сегодня, когда на партийном пленуме, посвященном вопросам народного образования, так остро поставлен вопрос об индивидуальном лице школы, — пустой квадратик на фронтоне 1283-й (старую доску сорвали, а новую еще не повесили) воспринимаешь как символ.

Какой будет ее судьба?

Может быть, школа-кооператив? Школа, где будут усиленно и увлеченно заниматься химией или математикой, физикой или литературой? Школа-лаборатория?

...Пожалуй, последнее на сегодняшний день ближе всего к реальности. Школа-лаборатория рождается сегодня сама по себе. Пока не пришли в школу ученые, но в школе уже пытаются экспериментировать.

А на августовском семинаре были созданы четыре поисковые группы (как непривычно звучит этот термин применительно к учительскому коллективу) по проблемам управления школой, проблемам воспитания, по форме и методам урока, отношений с родителями.

Сбарская формулирует свою идею так:

— Искать, думать, создавать творческую атмосферу на общих собраниях учителей практически невозможно. В августе мы нащупали тот путь, по которому хотим продолжать работу: постоянно действующие поисковые группы. Причем на основе групп неформальных. Таких ярко выраженных микроколлективов в школе всегда несколько, и, если игнорировать их существование, мнение их лидеров, всегда будешь наткаться на глухое сопротивление, сбивающие с толку реакции. Хочется включить эту «неформальную» силу в работу.

«Демократические основы управления» — так обозначена примерная тема одного из постоянно действующих в школе семинаров. Под тем же девизом демократизма строят свои уроки многие учителя: работа детей в творческих группах, ролевые игры, самоконтроль.

...С интересом вслушиваюсь в новую школьную лексику. «Творчество», «поиск», «демократия», «новаторство», «самоуправление». Для одних — словесные щиты, которыми пытаются прикрыть закосневшее хозяйство, доведенные до автоматизма отношения командования и принуждения. Для других — таких учителей пока немного — надежда на принципиально новую реальность школы, о которой мечтают, которую страстно ждут. Для третьих — пока еще слабый, начальный свет самосовершенствования, честной внутренней работы.

С решениями февральского Пленума ЦК КПСС в школу ворвалась революционная ситуация: как жить без при-

вычной опеки всесильного роно? Как научиться делить власть и ответственность с представителями всех заинтересованных общественных групп: с родителями, учащимися на уровне школы, с производственниками, общественными организациями — на уровне города, района?

Суровой критике подвергнута педагогическая наука. Тонкости академических выборов, состав АПН, структура ее институтов и характер исследований — вся эта научная «специфика» стала больным местом общества, ведь, от того, какие, какого направления, какой компетенции ученые будут разрабатывать новую модель образования и воспитания, зависит судьба наших детей и внуков.

А модель будет принципиально новой — об этом недвусмысленно сказано в решениях партии. Детали уточняются, механизмы школьной перестройки будут вводиться планомерно и постепенно, а пока...

Пока вглядимся в лицо учителя. От него ведь в конечном счете зависит, быть ли школе новой.

На специальном стенде, посвященном передовому опыту, я прочел: «Татьяна Юрьевна Колос. Четкая структура урока, благоприятный психологический микроклимат...»

Микроклимат — это что?

— Вот если у ребят две физики перед геометрией, значит, надо вначале минут пять посмеяться, — сказала она. «Ну вот, — разочарованно подумал я, — как просто».

...Но тайны всегда просты. И тайна учительского обаяния в том числе.

ПРОШУ СЛОВА!

ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ

Марк ЗАХАРОВ, секретарь правления Союза театральных деятелей СССР, главный режиссер Московского театра имени Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии СССР

Такая жизнь началась сегодня, что вознамерились мы понять, кто мы и что мы. И не любопытства ради, а во имя выхода из предкризисной ситуации. Недавно на страницах «Советской культуры» доктор исторических наук Ю. Афанасьев до предела заострил эту проблему. Некоторые готовы объявить Сталина параноиком, — писал он, — словом, ответить на вопрос «Кто виноват?», чтобы не отвечать на вопрос — «Почему?»

А эти и подобные проклятые вопросы будут возникать и требовать от нас настоящего ответа, как бы ни препятствовали их постановке весьма уважаемые лица. Некоторые из них почему-то всегда проявляют особое критическое рвение по поводу любого неординарного явления, будь то фильм «Чучело» или выступление по телевидению Эльдара Рязанова. Тут нам всегда даются грозные регламентации, над чем шутить можно, а где, как недавно заявляли иные представители Вооруженных Сил, нам изменяет вкус. Я не хочу недооценивать подобных ораторов. Если они сумели единичные, отдельные, очень редкие, нетипичные явления в среде новобранцев обозначить лирическим термином «неуставные отношения» — это говорит об игре их ума, о своеобразной интеллектуальной гибкости.

Называть вещи не своими именами — это слабость и сугубо штатских деятелей, в том числе театральных.

К сожалению, выговоры, подобные тому, что получил Рязанов, когда острожно заметил, что Библию все-таки можно читать не без пользы для собственного образования, обойдя, правда, вопрос о том, где ее достать, — этот выговор, увы, имел форму не частного ортодоксального суждения, а был подан авторитетным печатным органом как глубокомысленное и справедливое суждение.

Зависть — плохое чувство. Но я всегда завидовал людям, которые легко и просто, несколькими знакомыми словесными оборотами могут объяснить наисложнейшие исторические процессы, припугнув заодно читателей, что всякое отступление от точки зрения автора есть тягчайшая измена марксизму.

Недавно на газетных страницах нам весьма своеобразно и вместе с тем просто объяснили, что, конечно, у нас были свои просчеты и даже трагедии, но как бы в одной заповедной зоне, в 1937 году. Все ошибки и заблуждения сосредоточены именно там, а в осталь-

ные моменты нашей истории всегда действовала «азбучная истина марксизма: объективная закономерность исторического развития», а она, эта истина, «действует помимо воли и желания отдельных исторических лиц». Мысль автора, неожиданная в 1988 году, сводится фактически к предельно ясной формуле: ни исторических аномалий, ни альтернатив в нашем политическом и государственном развитии нет и не могло быть. Но если сталинизм — обязательная историческая закономерность, может быть, и так называемые «застойные годы» — это тоже неизбежный для социализма процесс? Всегда и во всех случаях, стало быть, существует объективная закономерность, которая действует помимо нашей воли. В таком случае что есть такое и каким ученым термином должно быть обозначено, скажем, разгром нэпа или уничтожение целой генерации выдающихся деятелей Великой Октябрьской социалистической революции?

Еще немного о том, что меня волнует больше, чем все театральные проблемы, вместе взятые. Думаю, что в ближайшее время в наших теоретических и практических поисках мы должны будем сделать и предать гласности более серьезные открытия, чем сделаны нами за самый живописный и обнадеживающий период нашей новейшей истории — за последние два года жизни.

Очевидно, настала пора пользоваться иным инструментарием для постижения такого противоречивого и все усложняющегося мира, как наш. Сейчас на наши растренированные мозги обрушился поток необыкновенной, непривычной для нас информации.

Почему?

Потому что в течение долгих десятилетий мы создавали такие государственные механизмы, такие нормы жизни, которые всегда противопоставлялись «чуждой нам» идее многовариантности. В историческом плане мы нередко выглядим наследниками упрощенного мировосприятия, и огромное количество лет, к сожалению, затратили на яростную борьбу с товарно-денежными отношениями, с такими категориями, как прибыль, конкуренция, деньги, ценные бумаги, свободное перемещение по местности без прописки и т. д. По очень многим параметрам мы как бы продолжали удерживать «справедливую мораль» старозаветной феодальной общины, где усредненная общая бедность всегда ассоциировалась со справедливостью. Многовариантность сегодня — это вопрос перестройки наше-

го сознания. Но проблема для нас очень непростая. Для нас слишком силен соблазн уравнилельного равенства. Мы слишком сильно разработали в себе рефлекс ожидания административной команды.

Поэтому я считаю, что нынешний театральный эксперимент, который по решению Министерства культуры СССР проводится в восьмидесяти театрах страны, при всех его уравнилельных несовершенствах и финансовых ограничениях благотворная разведка боем.

К числу наших общих надежд стоит отнести набирающее силу движение театров-студий. Это важнейшее стратегическое направление в поиске театрального социалистического плюрализма. Недавно на секретариате Союза театральных деятелей РСФСР был произведен полезный обмен мнениями по созданию механизма, обеспечивающего естественное и закономерное рождение новых театров. Совместными усилиями работников Министерства культуры РСФСР и аппарата Союза театральных деятелей создан проект положения о театрах-студиях. С нетерпением ждем, когда этот проект будет напечатан.

Многовариантность — это, увы, обязательный риск. Это игровой поиск. В течение долгих лет у нас воспитывался стойкий рефлекс: отступление от инструкций — это преступление. Ослушание иногда походило на самоубийство.

Я принимал участие в совещании группы директоров периферийных театров в Рузе. Мы пытались выработать практические рекомендации по проведению гастролей. С огромным трудом мы склонили нескольких попавших туда директоров к многовариантности. Но я стал свидетелем одного огорчившего меня обстоятельства — директора в основной своей массе самостоятельности не хотят, как не хотят заниматься экономическим и организационным творчеством.

Я воочию убедился: демократический опрос не всегда приводит к прогрессивным, радикальным побуждениям.

Очевидно, новая творческая революционная идея на ранних этапах своего становления является хрупкой субстанцией. Перед нами встает очень сложный, даже загадочный в своей философской и социальной значимости вопрос: как, сообразуясь с демократическими нормами, внедрять и осуществлять принципиально новые творческие идеи?

Мы все гордимся обсуждением мону-мента на Поклонной горе, но превра-

щать такие массовые обсуждения в традицию крайне опасно, чтобы не сказать большего. Ориентируясь на среднестатистические вкусы своих жителей, Москва никогда не получила бы храма Василия Блаженного, а Париж — Эйфелеву башню.

На упомянутом выше совещании в Рузе один из авторитетных руководителей Министерства культуры РСФСР, не подозревая о том, подарил участникам совещания идейно-теоретическое обоснование процесса торможения. Он медленно и с нескрываемой гордостью за свое открытие зачитал примерно следующее: «Если при каком-либо созидательном процессе начинают ухудшаться отдельные его показатели, то такое перестроение, такой процесс нельзя считать прогрессивным».

Но именно на этих рискованных ухудшениях отдельных показателей и зиждется столь необходимое нам экономическое творчество!

Это и есть та самая перегруппировка сил перед выходом к новой модели, которая и делает производство в условиях экономической состязательности, вообще говоря, делом небезопасным. В США одна треть всех новых деловых начинаний кончается крахом. Это вообще характерно для экономически развитого государства. Может быть, это не так уж плохо?

Если очень огрубить и упростить проблему — наша традиционная плановая социально-справедливая система упорно тяготеет к тому, чтобы, производя то или иное изделие, ту или иную модель, постоянно улучшать все ее показатели. Поэтому, скажем, автомобиль «Москвич», хотя и сделан «однажды и навсегда», но с тем, чтобы шла его постоянная многолетняя доводка.

Возвращаясь к совещанию театральных директоров, скажу: я не хочу оправдывать пассивности, но понять людей можно. Каждое резкое изменение условий нашей работы приводит к огромному риску, а в случае выигрыша, в случае успеха получишь все равно почти то же самое, что уже имеешь. Здесь опять потрудились наши финансисты, создатели самого гигантского и, как мне кажется, самого дорогостоящего за всю историю мировой цивилизации контролирующего аппарата. Надо отдать им должное, они ввели в наши гены стойкий рефлекс, своего рода внутренний голос, который как бы нашептывает увлекающемуся работнику: «Остановись! Честным путем много не заработаешь. А если и заработаешь, то все равно не дадут!»

Многовариантность сегодня — это, по-моему, расширение прав художе-

КАРАУЛ!

Двое узнали, что в село привезут зарплату, и решили «взять» социальную кассу. Предстояло выломать входную дверь в конторе и дверь на втором этаже, ведущую в кассовую комнату, а затем вскрыть сейф. Подготовились основательно: монтировка, домкрат, лом, трос с зажимами, лестница, резиновые перчатки...

В четвертом часу ночи перерезали идущие к конторе провода и начали ломать запоры. Не обошлось без лягза, но его никто не услышал: сторожей давно упразднили, а жители спали крепко. Спали, да не все. Рабочий совхоза Коршунов проснулся рано, решил пройтись по улице. На конторе заметил сорванный замок. Позвал главного инженера Венедиктова.

Из конторы высочили взломщики. Один сразу скрылся, а второй, держа лом наперевес, крикнул: «Застрелю!». Венедиктов ухватил лом и поднял его вместе с преступником...

Действия воров должна была пресечь сигнализация. Не пресекла. Как сказал компетентный человек, только в кассовой комнате от воров есть три рубежа защиты! Что беспокоит работников уголовного розыска в сельской местности? Магазины и другие кражи государственного имущества. В чем дело? Охрана ухудшилась.

Статистика раскрываемости этого вида преступлений удручающая. Кража — тайное хищение (статья 89 УК РСФСР). Заведомо ясно, что раскрыть тайное трудно. Не случайно среди рецидивистов больше всего воров. Отсидев смирно в колонии некоторый срок и, как правило, условно-досрочно освободившись, вору берется за старое. Именно они причиняют государству огромный материальный ущерб.

Мало толку от того, что часть краж раскрывается: краденое преступники успевают растратить. Практика рассмотрения конкретных уголовных дел наводит на мысль, что сокращение сторожей в сельской местности привело к отрицательным результатам. И где только это можно — сторожей нужно восстановить!

Сопоставьте четыре цифры: сумму ущерба от краж государственного имущества в селе, сумму возмещения, сумму средств, перечисляемых милиции за установку охранной сигнализации, и сумму, необходимую для оплаты сторожей. Первыми тремя цифрами МВД располагает, четвертую можно вычислить... Следует учесть, что сторож может охранять одновременно несколько объектов! Восстановление сторожей будет способствовать сокращению числа воров, а это важный социальный фактор! Вору в подавляющем большинстве, хоть они и преступники, не убийцы. Они не пойдут на то, чтобы устранить сторожа, чтобы из категории «вор» перейти в другую, более опасную категорию...

Логика подсказывает, если несколько тысяч людей спят ночью, их покой должны охранять хотя бы один-два человека. Сторож в селе, где нет милиции, очень нужен!

Вячеслав ЯРОШЕНКО,
советник юстиции
Владивосток

ственного руководителя с одновременным уничтожением его пожизненного «феодалного» статуса. Давайте смелее вводить систему контрактов! Творческое предприятие изначально противится системе пожизненного найма.

Многовариантность — это, по-моему, создание еще одной художественной профессии, которая у нас не получила распространения в силу нашего сопротивления свободной состязательности и товарно-денежным отношениям. Я говорю о профессии продюсера. Для меня, например, если Станиславский — великий режиссер, то Немирович-Данченко — великий продюсер. Советскому театру нужны сейчас новые руководители, которых отличали бы высочайший художественный вкус, четкое восприятие новых общественных настроений, феноменальные организаторские способности, умение соотнести любые сценические фантазии с четким экономическим мышлением, личной моральной и материальной ответственностью.

Конечно, пока мы все на скромной зарплате, мы все бедны — мы не можем быть продюсерами в полном смысле этого слова, но какую-то первоначальную психологическую, организационную подготовку мы провести можем.

Очень хочется, чтобы преуспел на этом поприще Михаил Александрович Ульянов, новый художественный руководитель Вахтанговского театра, и не ради его собственных радостей, а во имя нового продюсерского дела.

Художественных лидеров с ярко выраженным режиссерским талантом всегда было немного, а театров в России должно быть много и разных, не меньше, чем в самых развитых государствах.

Сегодняшние революционные процессы приводят к отдельным стрессовым ситуациям в обществе. Во взаимоотношениях, например, с молодежью, и эти отношения вовсе не обязательно должны быть всегда просты и безоблачны. Но очень не хочется неумных перегибов, напоминающих сороковые — пятидесятые годы.

Недавно три известных и уважаемых советских писателя объединились в совместном меморандуме не во имя каких-то конкретных конструктивных предложений, а во имя, как лично мне кажется, общих запретительских амбиций, адресовав свои весьма безапелляционные претензии и в адрес фильма «Легко ли быть молодым?», и в адрес фирмы «Мелодия», кинематографа, радио, телевидения. И вообще, протест их носил как бы всеобщий вселенский охват.

Естественно, я не собираюсь здесь защищать знаменитый фильм, у него более чем счастливая судьба. Но поскольку многие уважаемые писатели и художники никак не могут отвлечься от рок-музыки, а в двух моих спектаклях она звучит, то несколько слов об этом «подломе явления». Во-первых, не покидает тревожная, не осознанная еще до конца мысль, что иногда некоторые, даже очень хорошие писатели могут в чем-то заблуждаться.

Ликвидация целого музыкального направления исключительно лишь запретительными средствами невозможна. Здесь необходимо было бы воспрепятствовать сложному историческому процессу — соединению африканской культуры с европейской. Задача увлекательная. Но вот вопрос: надо ли такие задачи ставить? Не объясняется ли желание избавиться от того или иного направления в музыке или искусстве вообще проблемами в образовании? Не объясняется ли это отсутствием навыков демократического мышления? Наконец, недостатком внутренней культуры?

Конечно, можно понять любого человека, который, будь то агроном или писатель, может воспринять в негативном свете многие бросившиеся ему в глаза признаки городской жизни. (Как раздражала наших послевоенных пропагандистов светящаяся реклама,

особенно реклама безалкогольных напитков!) Одни ходящие животом вперед манекенщицы чего стоят! И аэробика — тоже не радостная вещь, если первый раз видишь. Тут я писателей, обратившихся в газету, понимаю. Они, мне думается, находятся целиком во власти нашей древней традиции — воспринимать все непривычные и неожиданные явления в искусстве как прелюдию к Апокалипсису.

Конечно, то, что авторы упомянутой статьи объединились в группу, делает мой спор с ними затруднительным. Я заметил, что мы часто спорим с мнением наших кино- и театральные критиков именно потому, что критики выступают против нас поодиночке, разрозненно, а не группами. Ведь как хорошо в свое время ответил академик Лихачев писателю Бондареву на страницах «Литгазеты». А жаль, мне думается, что ответил один, а не объединившись с группой таких же, как он, академиков...

И все-таки иронизировать по этому поводу не хочется. Из достоверных источников знаю: любое серьезное, смелое и новое печатное слово вызывает грозные и внешне неплохо аргументированные отзывы некоторых авторитетных деятелей искусства и литературы.

По-человечески я очень хорошо понимаю некоторых наших литераторов. Они, конечно же, не отрицают высоких художественных достоинств, скажем, «Доктора Живаго» или отдельных романов Набокова, но вот само их опубликование в нашей печати ухудшает виды на будущее. Повышение общего литературного вкуса может изменить пропорции в читательских настроениях и потребностях, затруднить будущее литературное сосуществование. За многими очень красивыми, насквозь ура-патристическими декларациями можно увидеть не только борьбу амбиций и самолюбий, но, как советовали нам наши учителя, распознать и основу основ — экономические интересы.

Вопрос вариантности в современном театральном созидании тесно связан со второй важнейшей проблемой, вторым магистральным направлением в деятельности Союза театральных деятелей. Речь о выработке новых социально-правовых норм.

Чтобы актер мог участвовать в строительстве многовариантной театральной системы, он должен прорваться за усредненные иждивенческие пределы современной актерской жизни, получить новые материальные и социальные гарантии. (Здесь я, конечно же, имею в виду и режиссеров, сценаристов, балетмейстеров и многих других.) Артист должен обрести новый статус творца, сочинителя, создателя новой художественной информации. Для этого у него должно быть не только право на труд, но и, как у каждого гражданина экономически развитой державы, должно быть право на простой, на поиск новых лучших вариантов в его художественной жизни, на освоение итогов и формирование намерений.

Наш гигантский и дорогостоящий контрольно-ревизионный аппарат делает все возможное, чтобы доходы артистов, режиссеров, вокалистов, других театральных деятелей начислялись не в соответствии со здравым экономическим смыслом, не с логикой финансовых закономерностей в современном индустриальном обществе, а в соответствии с частными суждениями, возникающими в умах наших финансистов. А в этих умах, помимо смятения, продолжает царить представление об усредненности якобы социальной справедливости.

Человек, тем более артист, который с 1-го до 16-го и с 16-го до 30-го проедает всю свою театральную получку, не может быть свободным, в особенности гордым и независимым творцом.

Участие в удачном, успешном деле — спектакле, телефильме, концертной программе — должно давать человеку некоторое пространство материально

независимой жизни. Это не прихоть обнаглевшей суперзвезды или обленевшегося режиссера — это экономическая, правовая закономерность, здоровая и необходимая для развитого общества.

Союз театральных деятелей СССР, и в частности отдел, который я возглавляю, ведет серьезную, я бы сказал, изнурительную борьбу за распространение закона об авторском праве на театральных деятелей, актеров, режиссеров, сценаристов, балетмейстеров.

Позволю себе высказать и еще одну очень важную, но пока, временно, ошибочную мысль.

То, что мы называем паузой в работе, простое, — это тоже закономерность для современного общества. Это время естественного человеческого поиска лучших вариантов, время выбора, пробы, перегруппировки сил после возможной неудачи. Я не знаю сегодня практически ни одного творческого человека, который так или иначе не прошел бы эту естественную фазу. Она может быть легкой и трудной. В последнем случае общество должно разрабатывать страхующие системы помощи, но делать вид, что этого никогда нет и не может быть, по-моему, не стоит.

Конечно, вопрос сложнее, чем я сейчас его излагаю. Время поиска, выбора, перегруппировки сил — эта фаза не должна выходить за опасные пределы, равно как и количество людей, находящихся в таком состоянии.

Артист в ближайшем будущем должен иметь право на поиск коллектива, который близок ему, и гордиться этим правом, и не бояться его. Это право должно обеспечиваться рядом факторов за счет социальной помощи, за счет нового исчисления доходов, повторяю, не за счет полочки — за счет доходов. Конечно, это очень новый принцип. Новая проблема, ее не решишь в один день, но прокладывать путь для ее решения надо.

Печально, но нам еще очень трудно дается всякое движение в неизведанные сферы. Мы не любим новых дорог, нас и наших родителей слишком часто наказывали за теоретическую и практическую смелость.

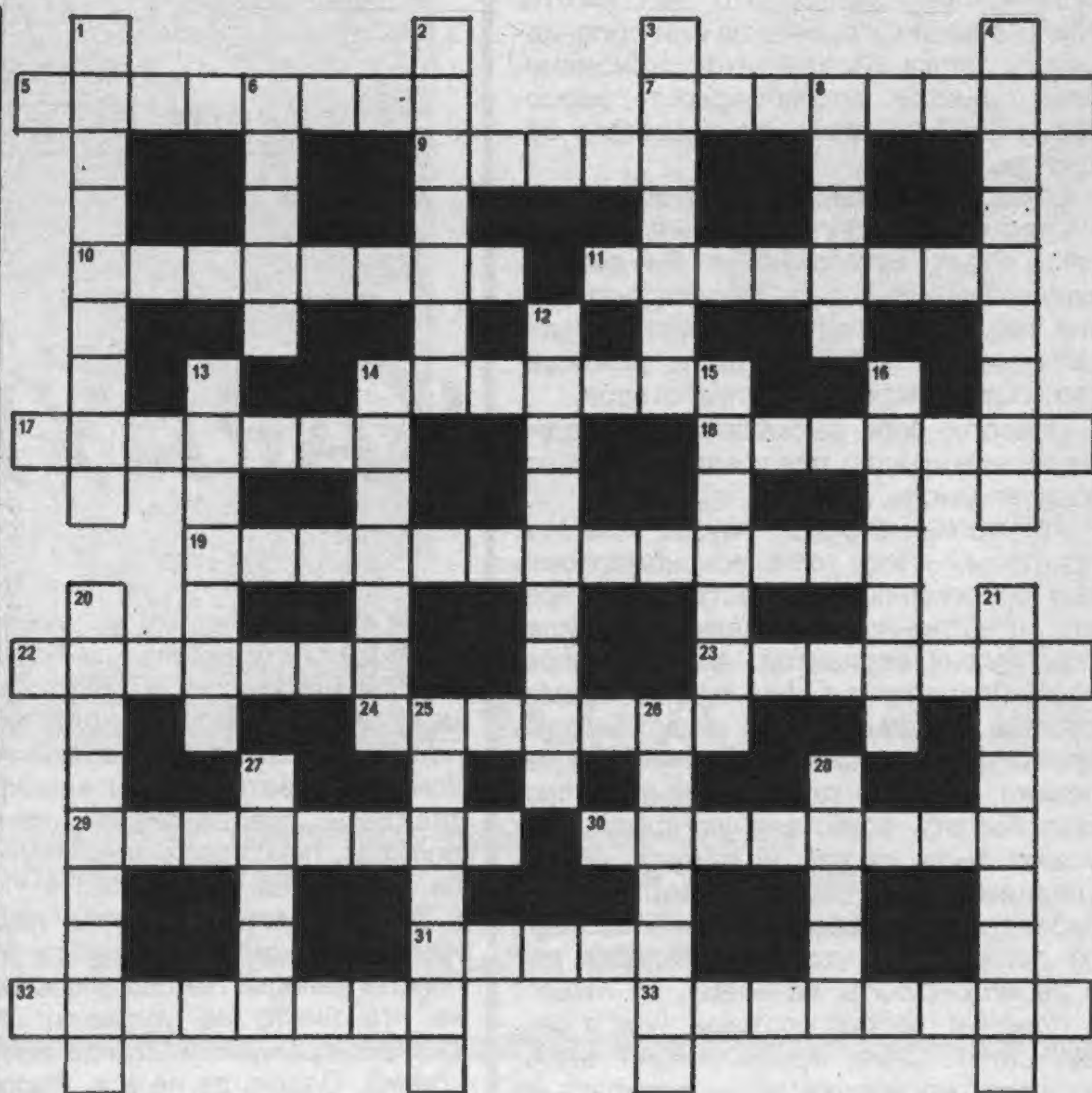
Застарелые бюрократические маховики так плохо работают на увязку и бесконечное согласование одних звеньев аппарата с другими, что практически на любое новое движение, даже самое естественное, уходит слишком много времени.

Смерть нашего замечательного современника, выдающегося артиста-сатирика Аркадия Райкина (он на меня не обидится за этот пример, ибо его светлое имя я использую в любимом его жанре), вызвала такую длительную работу по согласованию и уточнению этого прискорбного события, с которой наш государственный аппарат не справился.

Покойник, который так любил смеяться, почти неделю не признавался покойным, но во многих учреждениях уже и не числился живым. Бюрократический аппарат, с которым у него были свои счеты, явно перенапрягся в постижении этого события, и из некролога пришлось убрать дату смерти...

Российский театр переживает драматическую фазу в своем развитии не только благодаря нашей организационной, экономической и, возможно, правовой отсталости. Это, судя по всему, процесс глобальный, свойственный мировому театру в целом. Самому древнему искусству сегодня, вероятно, требуется то, чем всегда была богата Россия с ее необыкновенной духовной мощью, с ее мучительными исканиями правды, необъятным запасом отваги и вдохновения.

Давайте пожелаем друг другу воспользоваться всеми теми ресурсами, которыми располагает наша древняя культура, присовокупив сюда оставленный нам в наследство стратегический талант великого Ленина, который умел побеждать в самых наисложнейших, подчас безвыходных ситуациях.

По горизонтали: 5. Духовой музыкальный инструмент. 7. Организатор первой женской тракторной бригады, дважды Герой Социалистического Труда. 9. Бальный танец. 10. Оркестровое вступление к опере, балету. 11. Лётчица, Герой Советского Союза. 14. Столица Венесуэлы. 17. Ночная птица отряда журавлеобразных. 18. Листы чистой бумаги, сшитые в обложке. 19. Город в Читинской области. 22. Шкаф для посуды и столового белья. 23. Вулканический массив в Крыму. 24. Часть математики. 29. Героиня романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 30. Повесть В. Ф. Пановой. 31. Автомобиль с оплатой по счетчику. 32. Советская гимнастка, неоднократная чемпионка Олимпийских игр. 33. Советская поэтесса.

По вертикали: 1. Советский композитор, автор «Песни о тревожной молодости». 2. Северная морская птица. 3. Огородный овощ. 4. Северное созвездие. 6. Вид гравюры. 8. Озеро на Среднесибирском плоскогорье. 12. Русский композитор, глава «могучей кучки». 13. Русская женщина-химик XIX века. 14. Светонепроницаемый футляр в фотографии. 15. Деталь измерительных приборов, часов. 16. Научное сочинение. 20. Прибор для поддержания постоянной температуры. 21. Балерина, народная артистка СССР. 25. Русский художник-передвижник. 26. Краткое замечание, возражение. 27. Отрицательно заряженная частица. 28. Героиня повести А. И. Герцена «Сорока-воровка».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 6. Оптимум. 9. Автомат. 10. Иравади. 11. Конденсатор. 15. Эрмитаж. 16. Ксилема. 17. Козерог. 18. Браун. 19. Астат. 20. Отлив. 21. Бажов. 22. Гуров. 25. Радин. 28. Лопасть. 29. Теберда. 30. Яцусиро. 31. Кульминация. 34. Квнтет. 35. Кислота. 36. «Выстрел».

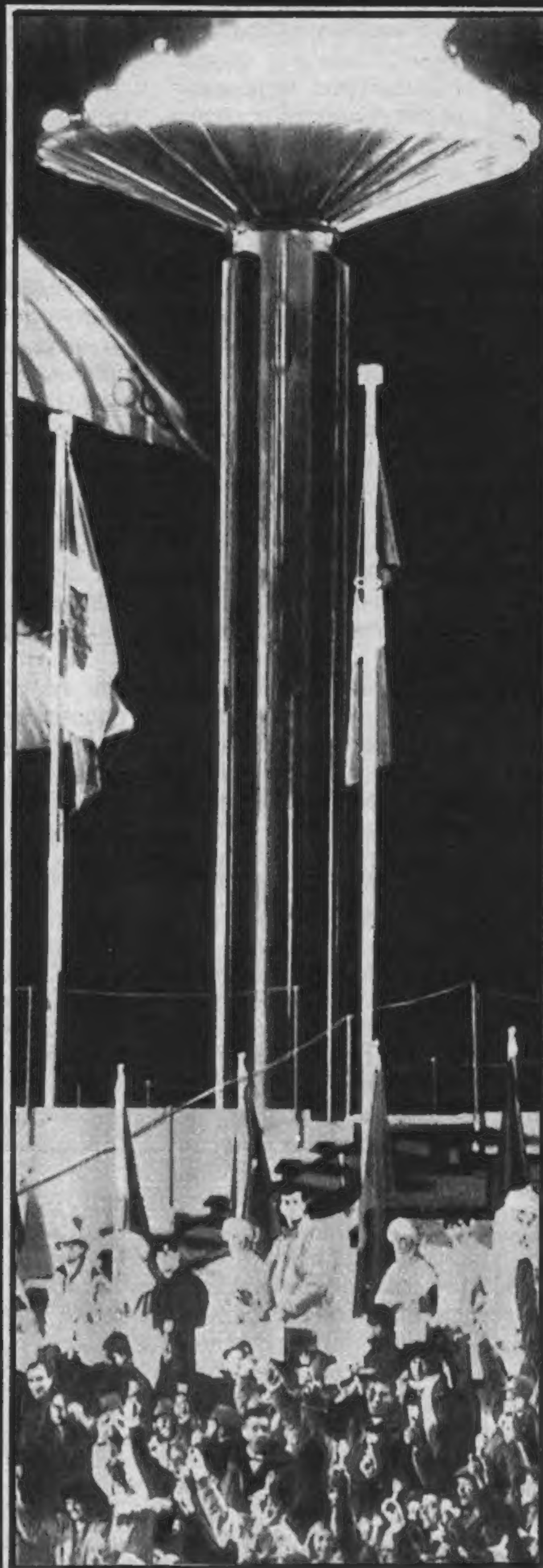
По вертикали: 1. Ротан. 2. Силантьев. 3. Шмидт. 4. Гардероб. 5. Старшина. 7. Карболит. 8. Дипломат. 11. Красноводск. 12. Деловитость. 13. Аэронавтика. 14. Реставрация. 22. Гребенка. 23. Раевский. 24. Сантиметр. 26. Дискбол. 27. Нарынтау. 32. Литва. 33. Цикля.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Юрия АФОНИНА.

Владимир ДВОРЦОВ

Каждый вечер на олимпийскую площадь в Калгари собирались десятки тысяч жителей и гостей на уникальное зрелище — награждение победителей и призеров Белых игр. И ежевечерне в течение двух недель в честь чемпионов устраивали фейерверк, имена лучших из лучших луч лазера выписывал в ночном небе...

Советская команда выступила успешнее, чем четыре года назад в Сараево, многие наши спортсмены улучшили результаты, показанные ими на чемпионатах мира и международных состязаниях. Команда привезла домой 11 золотых, 9 серебряных и 9 бронзовых медалей. Наши спортсмены уверенно удерживают лидирующее положение по числу завоеванных медалей за всю историю Белых игр.

Все познается в сравнении. Сравниваю — значит учусь. Каковы же уроки Белых игр? Потенциальные возможности нашей почти трехсотмиллионной страны с продолжительной зимой на большей части ее территории, бесспорно, велики, но сегодня мы невольно сравниваем их с реальными достижениями спортсменов ГДР, страны с населением почти в пятнадцать раз меньшим. Да и снег там дольше месяца, как пошутил коллега из Берлина, лежит в одном «сельсовете»... А каковы итоги этого негласного состязания? Вот еще одно свидетельство того, что в будущем наша команда должна выступать еще лучше.

Порадовали хоккеисты — их победа впечатляет! Стало быть, кризис

УРОКИ Б

миновал? Это седьмое высшее достижение советских хоккеистов на олимпиадах. Такого не добивался никто в мире. Однако не надо забывать, что одержана победа на турнире, весьма скромном по представительству лучших игроков.

И еще об одной неоправданно высокой цене хоккейных олимпийских медалей, пожалуй, следует сегодня сказать. Надо бы бережнее относиться к игрокам! Сейчас они, особенно лидеры, в психологическом плане работают на износ.

Олимпийский праздник окончен. Да, праздник, хотя для его участников и журналистов то была нелегкая работа. Приятно было видеть в Калгари — на улицах, на трибунах стадионов, рядом с трассами — улыбающихся, подтянутых, в любую погоду легко одетых людей, для которых, судя по всему, занятия спортом, фи-

зическая культура давно вошли в плоть и кровь. Завидно! В этом смысле мы, пожалуй, заметно отстали не только от канадцев. За простых смертных обидно. О здоровье миллионов подумать самое время! Здесь особенно требуется прина- лечь. Даже больше, чем в деле совершенствования спортивного мастерства будущих олимпийцев. Быть может, специалистам в Госкомспорте следует как-то разделить: одним сосредоточиться на подготовке чемпионов, а другим, засучив рукава, начать ковать здоровье народа! Причем последним будет труднее: проблем накопилось много! Нужна яркая пропаганда занятий спортом, требуются спортивные базы по соседству с жильем, нужен спортивный инвентарь. Зато все окупится сторицей — здоровьем миллионов людей.

Калгари

Торжественная церемония закрытия XV Олимпийских игр в Калгари.

28 февраля. Последний блин комом: в игре с командой Финляндии счет 1:2 не в нашу пользу.

Олимпийская чемпионка на дистанции 20 километров Тамара Тихонова.

Шведский скороход Томас Густафссон устанавливает новый мировой рекорд в беге на 10 000 метров, он чемпион Олимпиады в Калгари.

Товарищи по команде чествуют В. Медведцева после победного финиша в биатлоне.

Фигуристка из ГДР Катарина Витт — как всегда, лидер в одиночном катании.

Телефото В. ЗУФАРОВА и А. ЯКОВЛЕВА (ТАСС)

ЕЛЫХ ИГР

Более двадцати музеев страны приобрели работы лауреата Государственной премии РСФСР Л. П. Азаровой. Ее изделия покоряют новизной художественных образов, пластичностью языка, яркостью росписи.
(См. в номере материал Зои Кряквиной «Любовь моя — гжель».)

ОГОНЁК

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663